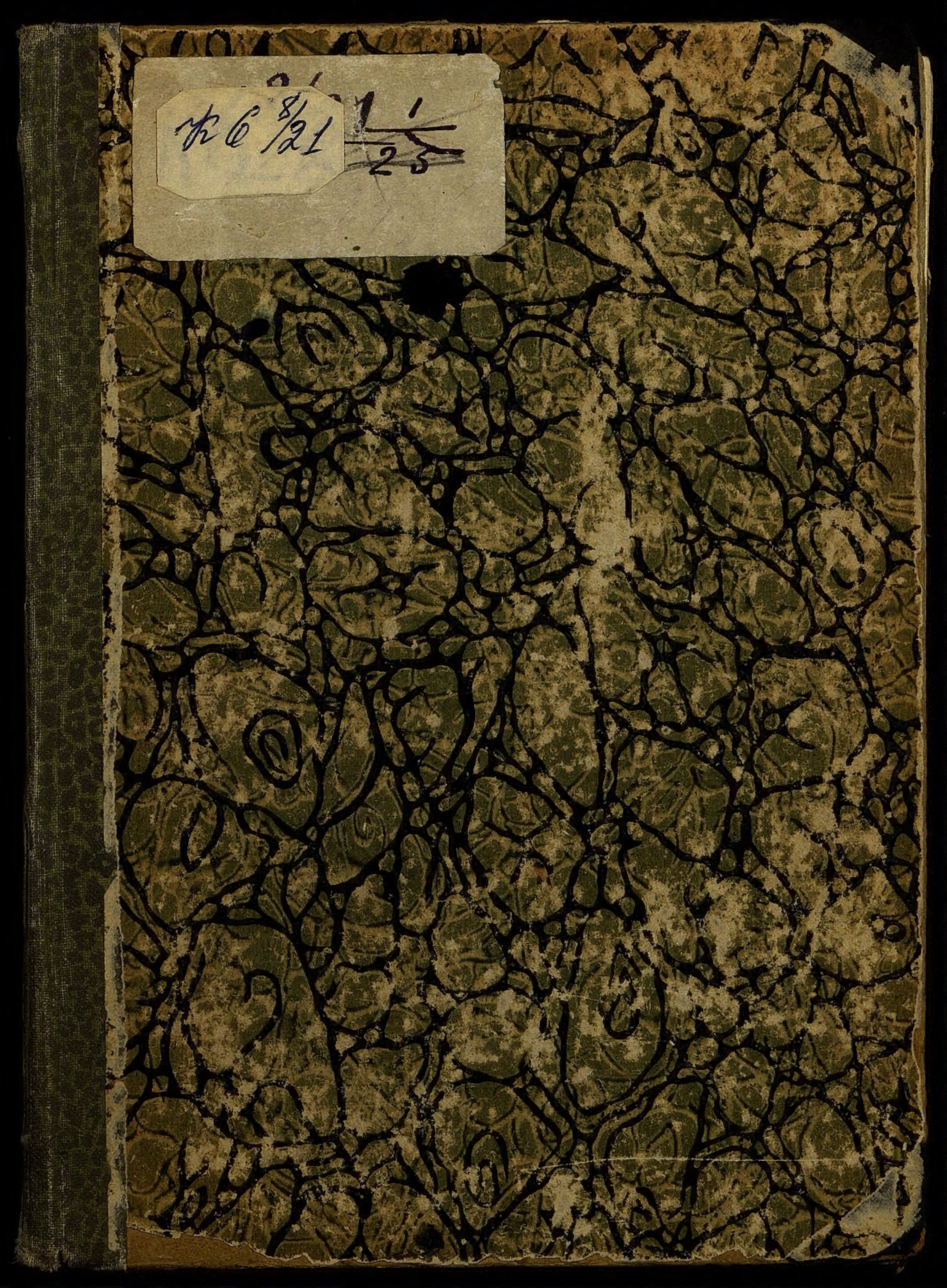
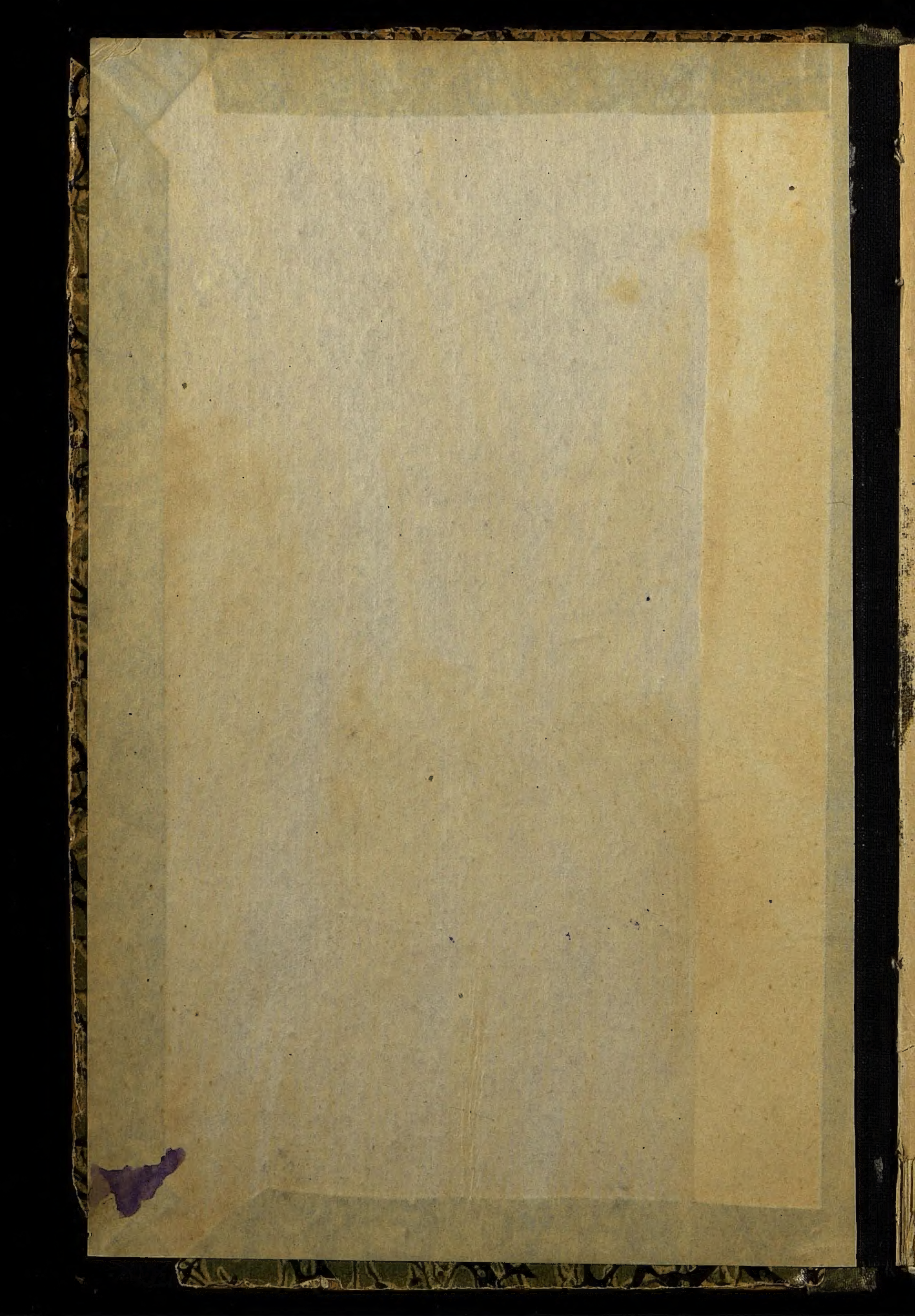

К6 8/21
1/25

И. И. ОГІЕНКО.

ИНОЗЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ.

Nullum est jam dictum,
quod non sit dictum prius.
P. Terentius.

Цѣна 60 коп.

КІЕВЪ—1915.
Типографія В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго. Михайловская 18.
Телефонъ 17-00.

Труды того же автора.

1. Изданія „Ключа Разумѣнія“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. Варшава, „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1910 г., т. LXIII, кн. 2-я.

2. Изданія „Неба Новаго“ Іоанникія Галятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Съ 17-ю снимками. „Искусство, живопись, графика, художественная печать“ за 1911 г., кн. 11-я (въ сокращеніи) и отдѣльно (въ полномъ видѣ).

3. Отраженіе въ литературѣ „Неба Новаго“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. „Филологическія Записки“ въ Воронежѣ, за 1911—1912 г.г.

4. Стихотворныя упражненія Іоанникія Галятовскаго. „Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ С.-Петербургъ“, занятія И. И. Огіенко. Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1912 г., Кіевъ.

5. Легендарно-апокрифическій элементъ въ „Небѣ Новомъ“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца“ за 1913 г., кн. XXIV.

6. Проповѣди Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. „Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Ощества“ т. XIX въ память проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ, 1913 г.

7. Отголоски современности и мѣстныя черты въ „Ключѣ Разумѣнія“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка, „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1914 г., томъ LXXI, кн. 2.

8. „Наука албо способъ зложеня казаній“ Іоанникія Галятовскаго. 1915 г.

9. Научныя знанія Іоанникія Галятовскаго по его „Ключу Разумѣнія“. „Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“ т. X за 1914 г.

И. И. Огіенко.

Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ.

Исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ.

Nullum est jam dictum,
quod non sit dictum prius.
P. Terentius.

Кіевъ.—1915.
Тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго. Михайловск. 18.
Телеф. 17-00.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскій языкъ въ своемъ многовѣковомъ развитіи подпадалъ подъ многочисленныя вліянія, которыя оказывали на него сосѣдніе, рѣже и меньше несосѣдніе языки. Заимствованіе — одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія всякаго культурнаго языка. Каждая эпоха, всякое выдающееся событіе такъ или иначе оставляютъ свой замѣтный отпечатокъ въ языкѣ. Анализируя словарный составъ нашего языка, мы замѣчаемъ, что онъ сложился изъ весьма многихъ элементовъ. Немногочисленный въ своемъ первоначальномъ составѣ (какъ и всякій языкъ) русскій языкъ пополнялся въ словарномъ отношеніи весьма много путемъ заимствованія. Изъ этого видно, какое значеніе въ исторіи нашего языка имѣетъ этотъ процессъ, почему и изученіе заимствованныхъ словъ должно поставить на видное мѣсто при изученіи исторіи языка.

Чуждые элементы эти оказывали большое вліяніе на нашъ языкъ. Они, напр., оказали немаловажное вліяніе на систему русскаго ударенія. Подводя явленія ударенія въ нашемъ языкѣ подъ извѣстные законы, мы всегда наталкиваемся на разнообразныя исключенія изъ этихъ законовъ. Анализъ же словъ, составляющихъ эти исключенія, весьма часто показываетъ, что они въ нашемъ языкѣ являются словами заимствованными. Особенно нужно подчеркнуть вліяніе языковъ тюркской языковой вѣтви—съ постояннымъ удареніемъ на концѣ слова [1]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ: „Русское литературное удареніе", Кіевъ, 1914 г.

Все это показываетъ, что исторіи заимствованій при изученіи судебъ русскаго языка не должно быть отводимо послѣднее мѣсто. Наши общіе курсы по русскому языку, къ сожалѣнію, обыкновенно игнорируютъ этотъ важный процессъ въ жизни всякаго языка, а русскаго въ особенности[1]). Мы думаемъ, что извѣстный славистъ Миклошичъ исходилъ именно изъ этой точки зрѣнія, посвятивъ такъ много своихъ трудовъ изученію вліяній на языкъ славянскій и славянскаго на другіе.

Вотъ тѣ причины, которыя побудили меня выпустить свою статью „Исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ" отдѣльнымъ изданіемъ въ переработанномъ видѣ[2]).

Надѣюсь, что эта работа моя не будетъ излишней особенно для учителей русскаго языка и для школы вообще, интересы которыхъ я прежде всего и преслѣдовалъ въ данномъ трудѣ, представляющемъ только популярный очеркъ затронутаго вопроса. Авторъ льститъ себя надеждой, что въ будущемъ, при лучшихъ условіяхъ, ему удастся детально заняться затронутыми здѣсь вопросами и довести ихъ изученіе до тѣхъ размѣровъ, которые ему ясно представились только по окончаніи даннаго труда.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность профессору Г. А. Ильинскому, любезно согласившемуся прочесть данную статью въ корректурѣ.

---

[1]) Исключеніе составляетъ „Общій курсъ русской грамматики" проф. В. А. Богородицкаго, именно—съ третьяго изданія этой прекрасной книги помѣщена новая глава: „О заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ".

[2]) Первоначально она помѣщена была въ моемъ „Словарѣ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ", Кіевъ, 1912 г. стр. 127—172.

Введеніе.

I.

За много тысячелѣтій до Р. Х. всѣ теперешніе европейскіе языки представляли собой одно цѣлое, одинъ языкъ,—это такъ называемый *праязыкъ*. И дѣйствительно, сравненіе однородныхъ словъ многихъ языковъ показываетъ, что языки эти должны быть относимы къ одному какому-то родоначальнику, изъ котораго они потомъ развились. Такъ, русское слово *овца* по-санскритски *ávis*, по-гречески οἶς изъ ὄϝις, по-латински *ovis*, по-литовски *avìs*, по-церковно-славянски овьца. Такое сходство не можетъ быть случайнымъ; оно означаетъ, что было время, когда носители этихъ языковъ представляли одну языковую общину, одинъ народъ. Этотъ древнѣйшій языкъ-отецъ называется *праязыкомъ*, а происшедшіе изъ него языки—*индоевропейскими* языками (или *индогерманскими* по нѣмецкому названію).

Родственныя группы языковъ составляютъ языковую семью; таковы семьи: индоевропейская, семитская, хамитская, уралоалтайская и пр. Изъ всѣхъ языковыхъ семей наиболѣе разработана и изучена семья индоевропейская, къ которой принадлежитъ и русскій языкъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій было распространено мнѣніе, что всѣ существующіе языки происходятъ отъ одного языка, и такимъ языкомъ считался языкъ древнееврейскій. Теперь мнѣніе это оставлено, какъ ненаучное. Можно говорить о праязыкѣ индоевропейскомъ, о праязыкѣ семитскомъ или хамитскомъ и пр., но говорить о родоначальникѣ этихъ праязыковъ невозможно, такъ какъ для этого наука не обладаетъ еще никакими данными; нѣтъ данныхъ также и для того, чтобы выводить всѣ языки изъ нѣсколькихъ ро-

доначальниковъ. Вообще, первоначальное образованіе языка для насъ является тайной, раскрыть которую до сихъ поръ не удалось, да врядъ ли и удастся когда-либо.

Гдѣ же находилась *прародина* индоевропейскихъ языковъ, т.-е. гдѣ жилъ тотъ народъ, который говорилъ языкомъ, родоначальникомъ нашихъ языковъ? Прежніе ученые прародиной считали среднюю Азію, къ сѣверу отъ Гиндукуша, у истоковъ рѣкъ Аму-дарьй и Сыръ-дарьй. Взглядъ этотъ теперь считается устарѣлымъ. Въ настоящее время прародину индоевропейскихъ языковъ склонны видѣть въ Европѣ, въ разныхъ ея частяхъ: одни видятъ ее въ южной Россіи, отъ устьевъ Дуная до Каспійскаго моря; другіе — около Днѣпра, на западъ, приблизительно до рѣки Одера или Вислы, и отъ Карпатовъ почти до Балтійскаго моря (Шрадеръ); третьи—въ средней Германіи и вообще въ сѣверной средней Европѣ (Hirt, Much, особенно Hoops)[1]); четвертые, наконецъ, видятъ ее въ степяхъ сѣвернаго Кавказа, между Дономъ и средней Волгой[2]).

Этотъ праязыкъ съ теченіемъ времени распался на отдѣльные языки; распаденіе это совершалось постепенно, крайне медленно. Прежде единые, народы покидали свою прародину. Причиной такого разселенія служили и естественный приростъ населенія, и потребность новыхъ пастбищъ, тѣснота, скученность и пр.

Разселеніе праиндоевропейскаго народа совершилось такимъ образомъ. На сѣверѣ прародины жили предки *балтійскихъ* народовъ—они двинулись дальше на сѣверъ (у нихъ образовались потомъ языки древне-прусскій, литовскій и латышскій); въ среднемъ и верхнемъ бассейнѣ Днѣпра жили предки *славянъ*, а на юго-востокъ отъ нихъ кочевали предки *арійцевъ*, которые потомъ черезъ Кавказъ перешли въ область Аму-дарьй и Сыръ-дарьй; часть этихъ арійцевъ осталась въ этой области,

---

[1]) *А. И. Томсонъ.* Общее языковѣдѣніе, изд. 2-е, 1910 г., стр. 20, 47, 394, 395.

[2]) Jan Rozwadowski, Praojczyzna indoeuropejska. Kraków, 1912 г.; изъ журнала „Ἔως“.

распространившись на Персію—это *иранцы;* другая же часть ушла въ Индію—*индійская* вѣтвь. По берегу Чернаго моря жили предки *армянъ* и *иллирійцевъ* (потомъ албанцевъ), которые пошли затѣмъ на Балканскій полуостровъ, а армяне перешли въ Малую Азію.

Юго-западную часть прародины занимали предки *кельтовъ*, *италійцевъ* и *грековъ*; эти народы двинулись на западъ, къ среднему теченію Дуная; здѣсь отъ нихъ отдѣлилась одна часть и прошла на югъ Балканскаго полуострова (греки), другая часть заняла Апеннинскій полуостровъ (италійцы), а оставшаяся наибольшая часть распространилась по всей западной Европѣ (кельты).

Западную часть прародины занимали предки *германцевъ*; они двинулись за Одеръ, а тамъ пошли на сѣверъ, югъ и западъ [1]).

Такъ совершилось разселеніе народовъ, покинувшихъ прародину. Конечно, при своемъ разселеніи индоевропейцы столкнулись и смѣшались съ нѣкоторыми другими племенами, что̀ отразилось на ихъ языкѣ. Отъ такого разселенія народовъ индоевропейскій праязыкъ распался на слѣдующія 10 вѣтвей: *индійскую* (языки ведійскій, санскритскій, пали; сюда же относится и языкъ цыганскій; цыгане по происхожденію индійцы, но изъ Индіи давно уже переселились въ Европу,—черезъ Грецію и Турцію), *иранскую* (языки древнеперсидскій, новоперсидскій, зендскій, осетинскій, курдскій и др.), *армянскую*, *греческую* (съ нарѣчіями: іоническимъ, дорическимъ, эолійскимъ, аттическимъ и др.), *албанскую* (или иллирійскую), *италійскую* (языки умбрскій, оскскій, сабеллійскіе и др., а также языкъ латинскій и образовавшіеся изъ него романскіе: итальянскій, французскій, провансальскій въ Южной Франціи, ретороманскій въ Юго-восточной Швейцаріи, испанскій, португальскій и румынскій), *кельтскую* (съ языками уэльскимъ, корнуэльскимъ, бретонскимъ, ирландскимъ, шотландскимъ и др.), *германскую* (языки готскій, скандинавскій,—давшій начало языкамъ: шведскому, датскому, исландскому и норвежскому,—англій-

---

[1]) *А. И. Томсонъ,* стр. 395—396.

скій и нѣмецкій), *балтійскую* (языки древне-прусскій, литовскій и латышскій) и *славянскую*.

Что касается *семьи славянской*, то она дѣлится на три группы: западную, южную и восточную. *Западную* группу составляютъ языки: польскій, кашубскій, вымершій полабскій, чешскій, словацкій и верхне- и нижнелужицкій; къ *южной* группѣ относятся: болгарскій, сербохорватскій (онъ же языкъ и черногорцевъ) и словинскій; сюда же относится и древнѣйшій изъ славянской семьи—*старославянскій языкъ*. *Восточную* группу славянской семьи составляетъ языкъ *русскій*, распадающійся на три нарѣчія: великорусское (сѣверное *о́*кающее и южное *а́*кающее), малорусское и бѣлорусское.

Что до *славянской прародины*, то ее обыкновенно находятъ въ предѣлахъ нынѣшняго Царства Польскаго; это была мѣстность, ограниченная съ сѣвера рѣкой Припетью, съ запада Вислой, съ юго-запада приблизительно Днѣпромъ и Десной и съ юга—степной полосой, на которой съ незапамятныхъ временъ кочевали иранскіе народы [1]).

Славянская прародина находилась въ мѣстности, гдѣ, между прочимъ, не было дерева *бука*,—она лежала къ востоку отъ границы распространенія этого дерева, идущей отъ Кенигсберга до Одессы. Позже славяне двинулись на Западъ и уже къ V в. пришли на Дунай.

Въ послѣднее время академикъ А. А. Шахматовъ указалъ нѣсколько иную мѣстность для славянской прародины: она находилась въ сѣверо-западной Россіи въ бассейнѣ Нѣмана и Двины [2]).

Послѣ этихъ вводныхъ замѣчаній, необходимыхъ для лучшаго уясненія дальнѣйшаго, приступаемъ къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ.

Литература. Д-ръ *О. Шрадеръ*, Индо-европейцы, Спб. 1913 г.— *А. И. Томсонъ*, Общее языковѣдѣніе, Одесса 1910 г., изд. 2-е.—

---

[1]) Проф. *С. М. Кульбакинъ*. Древне-церковно-словянскій языкъ, ч. I, 1911 г., стр. 2.

[2]) Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen; „Archiv für slav. Phil.“ за 1911 г. кн. I—II стр. 51.

В. А. Богородицкій, Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, Казань, 1909 г., изд. 2-е.—*Его-же,* Лекціи по языковѣдѣнію, Казань, 1913 г.—*В. Поржезинскій,* Введеніе въ языковѣдѣніе, Москва, 1913 г., изд. 3-е.—*Его-же,* Элементы языковѣдѣнія, Москва, 1910 г.—*Д. Н. Ушаковъ,* Краткое введеніе въ науку о языкѣ, Москва, 1913 г.—*А. Погодинъ,* Основной курсъ общаго языкознанія, Спб. 1897 г.—*А. Погодинъ,* Изъ новѣйшей литературы о культурѣ и родинѣ индоевропейцевъ, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1911 г. № 1.—*Д. Н. Кудрявскій,* Введеніе въ языкознаніе, Юрьевъ, 1913 г., изд. 2-е.

II.

Заимствованіе чужихъ словъ въ языкѣ.

Въ первобытномъ своемъ состояніи языкъ отличается крайней скудостью словъ,—число ихъ, обыкновенно, весьма незначительно. Языкъ дикарей заключаетъ въ себѣ очень мало словъ; высчитано, что въ настоящее время въ языкѣ áнглійскаго неграмотнаго чернорабочаго заключается около 300 словъ; интеллигентный человѣкъ съ высшимъ образованіемъ въ своемъ языкѣ употребляетъ уже 3000—4000 словъ, писатели—до 10000 словъ; весьма богатъ языкъ Шéкспира — до 15000 словъ [1]).

Языкъ возникаетъ постепенно, крайне медленно, въ теченіе многихъ столѣтій. Развитію его содѣйствуютъ разныя причины; однимъ изъ весьма важныхъ факторовъ въ дѣлѣ развитія языка является заимствованіе имъ чужихъ словъ изъ сосѣднихъ языковъ,—оно всегда увеличиваетъ словесное богатство языка.

Русскій языкъ, особенно литературный, заключаетъ въ себѣ весьма много словъ, заимствованныхъ у другихъ народовъ; такъ, изъ другихъ языковъ въ русскій вошли чужія слова: буква, бутылка, вишня, кадка, кадило, казна, капуста, котъ, кошка, куръ, лошадь, молоко, морковь, плита, попъ, пушка, рубль, рѣпа, рѣдька, сапогъ, слива, стекло, таможня, хлѣбъ и множество иныхъ.

Заимствованныя слова бываютъ трехъ родовъ.

1) Слова, заимствованныя издавна и вполнѣ усвоенныя въ нашемъ языкѣ, такъ что иностранное про-

---

[1]) Проф. *А. И. Томсонъ.* Общее языковѣдѣніе, изд. 2-е, 1910 г., стр. 41.

исхожденіе ихъ уже не чувствуется, они свободно употребляются въ народѣ и имѣютъ отъ себя производныя; таковы, напр., слова, только что перечисленныя. По нѣмецкой терминологіи они наз. Lehnwörter.

2) Слова чисто иностранныя, но употребляемыя въ нашемъ языкѣ довольно часто, вслѣдствіе чего они, такъ сказать, пріобрѣли у насъ права гражданства и проникли даже въ народный языкъ; таковы слова: докторъ, аптека, солдатъ, школа, студентъ, гимназія и т. п.

3) Слова чисто иностранныя, въ языкѣ нашемъ употребляемыя не часто,—это такъ называемые варваризмы: такія слова обыкновенно легко замѣняются соотвѣтствующими русскими и употребляются только среди интеллигентовъ,—народному языку они не извѣстны; таковы слова: констатировать, культивировать, индустрія, гастрическій и т. п. Эти слова, какъ и слова предыдущаго рода, наз. Fremdwörter.

Заимствованія русскимъ языкомъ чужихъ словъ происходили въ разное время: нѣкоторыя изъ заимствованій восходятъ къ порѣ общеславянской, другія вошли уже въ русскій языкъ, но еще до раздѣленія его на нарѣчія; третьи, наконецъ, произошли въ историческое время. Чѣмъ древнѣе заимствованіе, тѣмъ большимъ измѣненіямъ оно подверглось въ нашемъ языкѣ, и тѣмъ труднѣе выясненіе источника, откуда оно взято, и вообще доказательства его иноязычнаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія заимствованія подверглись всѣмъ тѣмъ языковымъ измѣненіямъ, которыя претерпѣли и родныя слова, такъ что теперь они не кажутся намъ заимствованными; таковы, напр., слова: князь, изба, молоко и др. Вообще, заимствуя слово, русскій языкъ весьма часто не оставляетъ его иностранныхъ звуковъ,—оно входитъ къ намъ съ русскими звуками, въ русской окраскѣ какъ со стороны фонетики, такъ и со стороны морфологіи.

Что же касается словъ, заимствованныхъ въ новое время, то ихъ иностранное происхожденіе обыкновенно чувствуется легко [1]).

[1]) Въ нашемъ языкѣ, да и въ другихъ языкахъ, есть мно-

Пути заимствованій—самые разнообразные. Обыкновенно заимствованіе бываетъ или устнымъ или письменнымъ. Устное заимствованіе началось у насъ, безъ сомнѣнія, еще во времена доисторическія—при торговыхъ сношеніяхъ, путешествіяхъ, переселеніяхъ, колонизаціи, завоеваніяхъ и т. п.; торговля, конечно, была однимъ изъ важнѣйшихъ путей для заимствованія: торговыя дороги всегда служили исконными путями для распространенія культуры и религіозныхъ культовъ. Книжныя заимствованія шли при помощи письменности, преимущественно оставались въ языкѣ

го заимствованныхъ словъ съ измѣненнымъ значеніемъ. Такъ, греч. βάρβαρος, лат. barbarus, варваръ, сперва обозначало только иностранца, вообще не говорящаго по-гречески; съ теченіемъ же времени презрительное отношеніе къ βάρβαρος дало новое значеніе этому слову—необразованный, грубый, дикій.—Наше *идіотъ* происходитъ отъ греч. ἰδιώτης—частный человѣкъ, не состоящій на службѣ; а такъ какъ такими обыкновенно были люди, обладающіе какими-либо недостатками, то и выработалось новое значеніе—невѣжа, глупый.—Наше *прохвостъ* происходитъ отъ нѣм. Profoss — такъ назывался заведенный при Петрѣ Великомъ военный полицейскій служитель, исполнявшій обязанности надзирателя и палача; арестанты профоса, конечно, не любили и имя его сдѣлали браннымъ, „профвостъ“, какимъ оно дошло до настоящаго времени.—Слово *кавалеръ* изъ лат. cavallus—конь, ср.-лат. cavallarius—всадникъ, потомъ рыцарь, наконецъ ухаживающій за дамой.—Слав. *художникъ* съ теченіемъ времени пріобрѣло новое значеніе (обманщикъ, плутъ), можетъ быть подъ вліяніемъ словъ худой, худо.

Иногда случайно возникшее слово передается и другому народу. Такъ, слово *галиматья* своимъ происхожденіемъ обязано такому случаю: одинъ адвокатъ, защищая дѣло о пѣтухѣ Матвѣя, ошибался въ своей латинской рѣчи и вмѣсто gallus Matthiae говорилъ galli Matthias; отсюда и пошло слово galimatias.—Наша *Мелектриса* Кирбитьевна произошла изъ непонятаго переводчикомъ итальянскаго meretrice, лат. meretrix, принявшимъ это слово за собственное имя. — Ср. такой же случай съ переводчикомъ „Звѣзды Пресвѣтлой“, не понявшимъ польскаго matrona и принявшимъ его за *Матрена* (см. л. л. 8 об., 25, 87 об., 97 и 185 по списку Спб. Публ. Библ. Q. I. 361).

Способы возникновенія новыхъ словъ вообще весьма разнообразны. Такъ, наше *фертъ* (франтъ, щеголь) возникло отъ названія славянской буквы Ф: фертомъ наз. человѣка, держащаго руки въ бока (ср. пословицу: руки въ бо́ки, глаза въ потоло́ки), что напоминаетъ эту букву.—Желѣзную дорогу крестьяне называютъ *костоломка*.

интеллигенціи и уже отъ послѣдней переходили въ народъ, гдѣ подвергались любопытнымъ измѣненіямъ [1]). Устныя заимствованія подверглись бо́льшимъ измѣненіямъ въ нашемъ языкѣ, чѣмъ книжныя.

Чужія слова заходили въ русскій языкъ или прямо съ мѣста своего происхожденія, или черезъ какую-либо иноязычную среду. Такъ, много словъ греческихъ зашло къ намъ черезъ языкъ церковно-славянскій. А иногда заимствованія проходили длинный рядъ языковъ, пока достигали нашего времени; такъ, слово *сакъ* заимствовано нами изъ нѣмецкаго *Sack* или французскаго *sac*, сводящихся къ латинскому *saccus*; въ основѣ этого послѣдняго лежитъ греческое σάκκος, взятое, въ свою очередь, изъ древне-еврейскаго *sáq* [2]). Или вотъ слово *абрикосъ*: оно зашло къ намъ изъ нѣм. Abricose, куда проникло изъ франц. abricot, въ свою очередь взявшаго это слово отъ итальянск. alkercocco, итальянцы же заимствовали его у арабовъ—al burquq; къ послѣднимъ слово зашло отъ греч. πραικόκκιον, куда это слово вошло изъ лат. praecoquum.

Что заимствуется нами изъ другого языка? Заимствуемый матеріалъ самый разнообразный.

1) Прежде всего, конечно, заимствуется чужой корень и изъ него создается свое слово.

2) Можетъ заимствоваться только смыслъ слова и по его образцу создается изъ своихъ корней новое слово; такъ, церковно-славянское слово *беззаконіе* об-

---

[1]) Такъ, наше *вѣеръ*, заимствованное отъ нѣм. Fächer, получило у насъ осмысленіе („народная этимологія") подъ вліяніемъ корня *вѣять*, что соотвѣтствовало назначенію этого предмета.—Иногда подъ вліяніемъ иностраннаго слова у народа создается свое шутливое или непонятое слово; такъ, подъ вліяніемъ *дуэль* создалось „дуель"—сквозникъ, *пролетарій*—банкротъ, вылетѣвшій въ трубу, *протекція*—течь (см. „Извѣстія" т. XI кн. 1 стр. 274). — Или у Гоголя („М. Души" т. 2, послѣдняя глава): „Что ты вѣчно выше своей сферы, точно *пролетарій* какой" (образовано отъ летать). — Слово *катастрофа* въ народѣ передѣлалось въ костовстрёха („Извѣстія" т. VIII кн. 4 с. 14).

[2]) Проф. *С. Буличъ*, Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. СПб. 1893 г., ч. I, стр. 52.

разовано по образцу греческаго ἀνομία, благородный— εὐγενής, согласіе—συμφονία и т. п.; много у насъ словъ, образованныхъ такъ на французскій ладъ.

3) Есть у насъ заимствованные суффиксы, какъ, напр., суффиксы—*-чій,-ада,-ида,-истъ,-антъ* и др.; иногда у насъ и теперь составляются русскія слова съ иностраннымъ окончаніемъ: распеканція, надуванція, старушенція, службистъ; иногда слово образуется по образцу иностраннаго: мозолинъ. Не рѣдко къ русскимъ словамъ приставляютъ иностранные префиксы анти-, прото-, архи- и др.: протобестія, архиплутъ и др.

4) Заимствуются не только слова,—можетъ заимствоваться и новое значеніе слова. Дѣло въ томъ, что слово часто имѣетъ нѣсколько значеній; и вотъ, если въ двухъ языкахъ главное значеніе словъ совпадаетъ, то при сношеніяхъ этихъ народовъ могутъ быть заимствованы и второстепенныя значенія. Такъ, наше слово *лицо* въ древности значило только *физіономію*. Греческое же слово πρόσωπον кромѣ главнаго значенія—физіономія, значило еще *личность*, persona. И вотъ, когда греческій языкъ сталъ вліять на языкъ русскій, наше *лицо* пріобрѣло еще и новое значеніе—*личность* [1]). Точно такъ же два значенія нашего *соборъ* (собраніе и храмъ) объясняются двойнымъ значеніемъ греческ. ἐxxλησία.

Далѣе, 5) весьма часто заимствуются отдѣльныя выраженія изъ другого языка; такъ, изъ французскаго языка въ русскій вошло выраженіе: присутствіе духа—la présence d'ésprit, изъ нѣмецкаго: онъ потерялъ голову— er hat den Kopf verloren и т. п.

6) Наконецъ, переносятся въ другой языкъ даже синтактическія формы; такъ, на строй нѣмецкаго предложенія оказалъ вліяніе языкъ латинскій и французскій, на русскій языкъ—языкъ французскій и т. п.

Каковы причины заимствованія словъ? Прежде всего неравномѣрность культурнаго развитія народовъ-

---

[1]) Проф. *А. И. Соболевскій,* Русскія заимствованныя слова, 1891 г., стр. 3.

сосѣдей; чѣмъ культурнѣе и оригинальнѣе народъ, тѣмъ сильнѣе онъ вліяетъ на сосѣдей. Заимствуетъ обыкновенно менѣе культурный народъ у болѣе культурнаго, но, конечно, въ небольшой степени бываетъ и обратно. Это—главная причина заимствованія словъ.

Изъ другихъ причинъ можно указать подражаніе и моду; такъ, у насъ весьма часто изъ моды мѣшаютъ языкъ французскій съ русскимъ. Не безъ вліянія остается въ этомъ случаѣ сохраненіе въ произведеніяхъ такъ назыв. мѣстнаго колорита (couleur locale).

Среди заимствованныхъ словъ у каждаго народа большую долю составляютъ слова техническія. Всевозможныя открытія и изобрѣтенія нуждаются въ новомъ словѣ—его обыкновенно образовываютъ изъ языка латинскаго или греческаго, или называютъ собственнымъ именемъ изобрѣтателя; такъ образованы слова и распространены по всему міру: телефонъ, граммофонъ, гильотина, дальтонизмъ и мн. др.

Обыкновенно новое слово, проникая въ языкъ, приходитъ вмѣстѣ съ новымъ понятіемъ,—это культурное заимствованіе, надолго остающееся въ языкѣ. Эти заимствованія весьма важны не только для языковѣда —они представляютъ цѣнный матеріалъ и для историка культуры,—вообще, по заимствованнымъ словамъ можно возстановлять исторію нашего культурнаго развитія.

Такъ, изъ того факта, что въ индоевропейскихъ языкахъ много сходныхъ словъ, обозначающихъ телѣгу и ея части, можно сдѣлать выводъ, что умѣнье устраивать телѣги и запрягать восходитъ къ эпохѣ общеиндоевропейской. Изъ того, что слова для обозначенія *ярма* почти у всѣхъ народовъ одинаковы (санскр. yugám, гр. ζυγόν, лат. jugum, готск. juk, нѣм. joch, лит. jùngas, старослав. иго), можемъ заключить, что ярмо простѣйшаго устройства существовало уже въ общеиндоевропейскій періодъ.

На такомъ же основаніи можно утверждать, что уже на прародинѣ индоевропейцы знали упряжь, повозку, одежду, знали постройку дома и хижины, занимались скотоводствомъ; культура у нихъ стояла на довольно высокой ступени, такъ какъ они знали даже

числа. Обо всемъ этомъ разсказываютъ такія слова у всѣхъ народовъ:

санскр.	*греч.*	*лат.*		*лит.*	*слав.*
ákṣas	ἄξων	axis	assis *прусск.*	aszìs	ось.
dámas	δόμος	domus			домъ
dváras	θύρα	fores	tura *др.-в.-н.*	dùrys	дверь.
gâus, go	βοῦς	bos			быкъ.
ávis	οἶς	ovis	avistr *гот.*	avìs	овца.
hamsás	χήν	anser	gans *др.-н.*		гусь.
çatam	ἑκατόν	centum	hund *гот.*		сто.

Или вотъ передъ нами заимствованное у германцевъ слово *скотъ*; его значеніе: гот. skatts—„деньги“, др. сканд. skattr—„дань, подать“, др.-франц. sket—„деньги“, нын. нѣм. Schatz — „богатство, кладъ“; и наше русское *скотъ* въ древности значило также деньги, а *скотьница*—казна; отсюда выводимъ заключеніе, что въ древности *скотъ* употреблялся въ качествѣ торговаго обмѣна, какъ деньги; на это же намъ указываетъ латинское pecus (скотъ) и pecunia (деньги).

Слово *товаръ* въ древности значило *скотъ*, стадо, обозъ, каковое значеніе осталось и до сихъ поръ въ малорусскомъ; а такъ какъ скотъ служилъ въ качествѣ торговой цѣнности, то и развилось новое значеніе слова *товаръ* — предметъ купли или продажи [1]).

Какъ мы выше говорили, заимствованіе является весьма важнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія языка. Но не всегда рѣшали такъ этотъ вопросъ. Въ прежнее время, а изрѣдка и теперь, нѣкоторые ученые смотрѣли на заимствованіе, какъ на факторъ разрушенія языка,

---

[1]) А слово *товарищъ* уже возникло какъ членъ обоза, сообозникъ.—У насъ много словъ, понятныхъ только при историческомъ освѣщеніи ихъ. Такъ, тонкіе льняные *платки* еще въ X вѣкѣ служили въ качествѣ мѣновой единицы; отсюда наши слова *платить, плата.*—На буковыхъ дощечкахъ въ древности писали, поэтому-то одинъ корень въ словахъ *букъ* и *буква.*—Слово *искрь* значило раньше подлѣ, близъ,—отсюда слово *искренній.*—Слово *богадѣльня* состоитъ изъ стараго предлога *дѣля* (для, ради), употреблявшагося съ род. падежемъ и ставившагося всегда послѣ слова, которое отъ него зависѣло: *Бога дѣля* (для Бога), отсюда уже и *богадѣльня* (а не богодѣльня).—Слово *исполинъ* образовано отъ имени сполы,—древній народъ огромнаго роста.

почему горячо возставали противъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ; таковы были, напр., А. Сумароковъ, написавшій сильную статью: „Объ истребленіи иностранныхъ словъ въ Россійскомъ языкѣ“, извѣстный адмиралъ Шишковъ, В. Даль и др. Но подобныя попытки, однако, обыкновенно успѣха не имѣютъ,—полное изгнаніе иностранныхъ словъ немыслимо. Вл. Даль въ своемъ извѣстномъ „Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка“ предлагалъ такую замѣну иностранныхъ словъ русскими: абажуръ—*тѣнникъ,* абрисъ —*окаемокъ*, абсцессъ—*гнойница,* атмосфера—*колоземица,* библіотека—*книжница,* гимнастика—*ловкосиліе,* горизонтъ—*завѣсъ, овидь, озоръ, небоскатъ,* инстинктъ—*побудка,* пуристъ—*чистякъ* и мн. т. п. Р. Брандтъ [1]) предлагалъ воспользоваться чешскимъ *желѣзница* вм. нашего желѣзная дорога, польскимъ *упоминокъ* вмѣсто сувениръ.

Тенденція изгонять иностранныя слова проявлялась у всѣхъ славянъ; такъ, чехи старались употреблять и употребляютъ divadlo вм. театръ, lučba вм. химія; хорваты вм. ботаника употребляли bilinarstvo, вм. телеграфъ—brzojav [2]). Надо упомянуть еще, что, напр., многіе изъ славянскихъ народовъ избѣгаютъ старой общепринятой грамматической терминологіи, вырабатывая свою изъ родныхъ корней [3]).

Въ настоящее время иностранныя слова усиленно изгоняются изъ языка нѣмецкаго; послѣ франко-прусской войны нѣмцы особенно рьяно принялись очищать свой языкъ отъ галлицизмовъ; такъ, напр., они вм. Couvert стали употреблять Umschlag и т. п.

Но нужно не забывать, что заимствованія бываютъ разныхъ родовъ, и если можно возставать противъ нихъ, то развѣ противъ такихъ иностранныхъ словъ, которыя въ нашу рѣчь вводятся безъ толку и легко замѣнимы исконно-русскими словами. Подобныя

---

[1]) Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ, 1883 г., с. 19.

[2]) Ibid., стр. 2.

[3]) См. *И. И. Огіенко,* Украинская грамматическая терминологія; „Зап. Укр. Наук. Тов.“ т. I и IV. Кіевъ, 1909 г.

слова будутъ только еще больше увеличивать разницу между языкомъ литературнымъ и народнымъ, которая и безъ того въ русскомъ языкѣ довольно чувствительна.

Заимствованныя слова имѣются во всѣхъ языкахъ,—въ мірѣ нѣтъ такой рѣчи, въ которой не было бы заимствованій, нѣтъ такого языка, который состоялъ бы исключительно изъ туземныхъ словъ. Есть даже языки, въ которыхъ заимствованія составляютъ больше половины всего словарнаго матеріала; таковъ языкъ англійскій—языкъ смѣшанный, въ которомъ заимствованія играютъ преобладающую роль; языкъ этотъ возникъ изъ взаимодѣйствія франко-романскаго основанія, перенесеннаго съ континента норманскими завоевателями Англіи, и элементовъ народныхъ — англо-саксонскихъ [1]). Въ полныхъ словаряхъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, приводится болѣе 75000 словъ (иногда даже 150000 !), а въ нѣмецкомъ языкѣ такихъ словъ болѣе 90000; не меньше заимствованныхъ словъ и въ другихъ языкахъ.

Знали заимствованія и языки древніе. Такъ, въ языкѣ греческомъ были заимствованія изъ языковъ семитическихъ. А въ языкѣ латинскомъ болѣе 7000 словъ греческихъ [2]).

Иностранныя слова въ нашемъ языкѣ называются: кельтскія—кельтизмами, финскія—финнизмами, греческія—грецизмами, латинскія—латинизмами, польскія—полонизмами, нѣмецкія—германизмами, французскія—галлицизмами, еврейскія—гебраизмами, литовскія—литванизмами и т п.

Литература. *Р. Ѳ. Брандтъ,* Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ, 1883 („Извѣстія Ист.-фил. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ", т. VIII). — *Е. Ѳ. Карскій,* О такъ называемыхъ барбаризмахъ въ русскомъ языкѣ. Краткій отчетъ Виленской 2-й гимназіи, 1886 г.—*С. К. Буличъ,* Заимствованныя слова и ихъ значеніе для развитія языка, „Русскій Фил. Вѣстникъ" за 1886 г., т. XV.—*С. К. Буличъ,* Церковно-славянскіе элементы въ

---

[1]) Акад. *А. А. Шахматовъ,* Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка, Спб. 1913 г.. стр. 8.

[2]) *С. Буличъ,* Ор. cit. 40 и 18.

современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, 1893 г., Введеніе, стр. 1—56.—*Е. Ө. Карскій,* Къ вопросу объ употребленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, „Русск. Филол. Вѣстн.“, Варшава, 1910 г.—*И. Шаровольскій,* О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ, 1904 г., начало статьи.—*В. Луганскій* (псевдонимъ В. И. Даля): Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, „Москвитянинъ“ 1842 г, № 2, с. 532.—*Его же*: Недовѣсокъ къ статьѣ Полтора слова, тамъ же № 9.—*Его же*: Споръ съ М. П. Погодинымъ объ иностранныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ и правописаніи, „Москва“, 1868 г. № 25, 31 и 41.—*А. И. Соболевскій,* Русскія заимствованныя слова, Спб. 1891 г.

III.

Опредѣленіе источника заимствованныхъ словъ.

Чѣмъ руководствуется филологъ, опредѣляя источникъ заимствованія? На основаніи чего можно сказать, что данное слово взято именно у такого-то народа?

Точно опредѣлить источникъ чужого слова часто бываетъ весьма трудно; особенно это надо сказать о словахъ древнихъ, весьма давно заимствованныхъ и получившихъ на нашей почвѣ славянскую окраску.

Филологу обыкновенно приходится пользоваться такими методическими пріемами при опредѣленіи источника заимствованій.

1) Если корни сравниваемыхъ словъ у двухъ языковъ совпадаютъ, то, конечно, тутъ приходится подозрѣвать заимствованіе; напр., наше *товаръ* и турецкое tavar говорятъ о заимствованіи.

2) Но нельзя положиться на одно только созвучіе въ словахъ,—иногда оно бываетъ просто случайнымъ; требуется еще, чтобы и семасіологическое, смысловое значеніе словъ вполнѣ совпадало,—тогда только можно говорить о заимствованіи. Иногда въ словахъ созвучія полныя, но значенія этихъ словъ совершенно разныя, напр. лат. mos, moris (нравъ, обычай) и наше *моръ*,—конечно, въ такомъ случаѣ о заимствованіи говорить не приходится.

Точно такъ же наше *сурьма̀* (порошокъ) нельзя выводить изъ греч. σύρμα (нитка), такъ какъ у этихъ словъ значеніе различное; въ такомъ случаѣ приходится искать иного источника, и таковымъ будетъ тур. сурмӓ [1]) (откуда понятно и удареніе конечнаго слога въ нашемъ *сурьма̀*).

[1]) *Ѳ. Е. Коршъ,* Отзывъ о сочиненіи М. Р. Фасмера, 606.

Но иногда имѣемъ слова, у которыхъ теперь значенія различны, но они въ древности совпадали; напр. др. русск. *полати* и греч. παλάτιον—дворецъ: и *полати* и παλάτιον раньше означали верхнюю галлерейку въ церкви, на которой во время богослуженія находилась царская фамилія. Конечно, въ такомъ случаѣ должно говорить о заимствованіи.

Иногда трудность опредѣленія, какое слово передъ нами—свое или чужое, усложняется тѣмъ, что заимствованное слово случайно имѣетъ и въ нашемъ языкѣ похожій корень. Такъ, старое *метаніе* (поклонъ) на первый взглядъ кажется вполнѣ своимъ, а между тѣмъ сопоставленіе его съ греческимъ μετάνοια (раскаяніе) рѣшаетъ наше недоумѣніе.

3) Трудность распознаванія источника заимствованныхъ словъ всегда усложняется тѣмъ, что, какъ мы выше говорили (см. стр. 11), такія слова обыкновенно не остаются въ нашемъ языкѣ въ чужой формѣ, а подвергаются всѣмъ фонетическимъ измѣненіямъ, которымъ подвергаются и слова свои; таковы, напр., слова *князь* (изъ гот. kunings), *суббота* (изъ σάββατον), *перецъ* (изъ лат. piper или греч. πίπερι). Въ такомъ случаѣ на помощь приходитъ славянское языкознаніе.

Конечно, заимствованное слово не сразу пріобрѣтаетъ славянскую или русскую окраску, но постепенно; такъ, въ славянскій языкъ перешли изъ греческаго слова *ангелъ* и *херувимъ*, которыя, вопреки фонетическому закону, все-таки сохранили свои задне-небные звуки *г* и *х* передъ узкими гласными.

4) Звуковыя особенности слова вообще играютъ первую роль при опредѣленіи источника заимствованія; такъ, слова: *з*ала, *з*алпъ, серви*з*ъ, универ*з*альный, гренад*и*ръ ясно говорятъ о заимствованіи изъ нѣмецкаго. Въ эпоху Петра Великаго писали га*ф*енъ (гавань), матро*з*ъ,—конечно, по нѣмецкому вліянію; писали также и га*в*енъ, матро*с*ъ—по голландскому; ма*и*стеръ, ма*х*ина—изъ латинскаго; ма*й*стеръ, ма*ш*ина (франц.)—изъ нѣмецкаго [1].

---

[1]) *А. И. Соболевскій,* Разборъ сочиненія Н. А. Смирнова: „Западное вліяніе“, Спб. 1904, с. 8.

Акад. А. И. Соболевскій доказалъ [1]), что наши заимствованныя слова могутъ имѣть *ш* и *ж* вмѣсто *с* и *з* только въ томъ случаѣ, если они заимствованы съ Запада; напр. *ш*таны (ср. съ ср.-вѣк. лат. sutana); поэтому крижжма съ лат. chrysma, а не греч. χρῖσμα.

5) Когда слово одинаково звучитъ въ языкѣ нѣсколькихъ народовъ, тогда источникъ заимствованія опредѣлить не легко; слова: *каналъ, медаль, овалъ, пароль* могли зайти въ нашъ языкъ и прямо изъ французскаго языка, но могъ передать ихъ намъ и языкъ нѣмецкій черезъ Польшу.

6) Слово можетъ совпадать по корню и семасіологическому значенію со словомъ чужого языка; но если и другіе славянскіе языки имѣютъ это слово, тогда о заимствованіи приходится говорить осторожно или даже отрицать его. Такъ, напр., наше *деготь* совпадаетъ съ литовскимъ degûtas, но то обстоятельство, что это слово извѣстно чешскому (dehet) и польскому (dziegieć), заставляетъ насъ сомнѣваться въ заимствованіи.

7) Если слова совпадаютъ по корню, то возникаетъ новый вопросъ: кто у кого заимствовалъ? Для рѣшенія этого вопроса часто приходится обращаться къ историческимъ или историко-культурнымъ даннымъ, —они точно укажутъ источникъ; такъ, слово *бирюза* пришло къ намъ изъ языка персидскаго вмѣстѣ съ самымъ предметомъ; слово *клеверъ* зашло къ намъ отъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ травосѣяніемъ.

8) Заимствованіе не всегда бываетъ прямымъ; очень часто слово приходитъ при посредствѣ третьяго народа, который накладываетъ на него свою окраску; такъ, регентъ изъ франц. régent говоритъ, что это слово взято нами не прямо; крейсеръ—взято не изъ нѣм. Kreuzer; къ намъ пришло много персидскихъ словъ при помощи языковъ тюркскихъ; áнглійскія слова въ новое время въ большинствѣ намъ передали французы и т. п.

---

[1]) „Кіев. Унив. Изв.“ 1904 г. кн. XI с. 3, и „Извѣстія“ т. X. кн. 2; *В. М. Истринъ* съ этимъ не согласенъ: „По поводу статьи Соболевскаго“, Одесса, 1905.

Еще примѣръ. Малорусское *скри́ня* можно выводить изъ греческаго σκρίνα; но въ виду того, что это слово извѣстно и западнымъ славянскимъ языкамъ (польск. skrzynia, чешск. skříně), вѣрнѣе выводить его изъ др.-в.-н. skrîni, съ лат. scrinium, откуда и греч. σκρίνιον [1]).

Или, напр., слово *крижма* могло зайти къ намъ не при посредствѣ греч. χρῖσμα (см. выше № 4), а скорѣе черезъ др.-в.-нѣм. chrismo, chrisamo, которое въ свою очередь восходитъ къ латинской передачѣ этого слова—chrisma [2]).

9) Опредѣленіе эпохи, когда слово заимствовано—одинъ изъ весьма трудныхъ вопросовъ этимологіи; оно производится при помощи лингвистическихъ и историческихъ данныхъ; такъ, написаніе Алексѧдровоу (Маріинск. Ев. 181) говоритъ, что это слово взято изъ греческаго въ очень раннюю эпоху.

10) Опредѣляя заимствованныя слова, надо отличать дѣйствительныя заимствованія отъ словъ, составляющихъ наслѣдіе еще индоевропейскаго родства или отъ словъ, исконно родственныхъ какому-либо близкому къ славянскому языку. Словъ такихъ въ русскомъ языкѣ очень много; таковы, напр., слова: бразды, ве́рба, веревка, витать (привѣтствовать), ворона, врагъ, гасить, которымъ въ литовскомъ соотвѣтствуютъ: bruzduklas, virbas, virve, vitavóti, varnas, vardas, gesýti; нашимъ весна, волкъ, бѣлый, веретено, грива, громада, деверь, кашель въ санскритскомъ соотвѣтствуютъ: vasantás, vrkas, bhala, vartana-m, grivá, grámas, dêvar, kasas; словамъ боръ, глазъ въ др.-герм. находимъ соотвѣтствія: borr, glosa. Всѣ эти параллели къ нашимъ словамъ говорятъ только объ исконномъ родствѣ, а не о заимствованіи; они же указываютъ о большой древности этихъ словъ.

Слова эти обыкновенно извѣстны большинству славянскихъ языковъ и имѣютъ отъ себя производныя, а въ такомъ случаѣ вообще говорить о заимствованіи не приходится.

---

[1]) *Ѳ. Е. Коршъ,* Отзывъ о сочиненіи М. Р. Фасмера, 603.

[2]) *Ѳ. Е. Коршъ,* Сборникъ въ честь Дринова, стр. 56.

11) Въ языкѣ каждаго народа есть много т. наз. звукоподражательныхъ словъ, т.-е. словъ, составленныхъ въ подражаніе звукамъ природы или животнымъ; таковы, напр., въ нашемъ языкѣ слова: грохотъ, грюкать, гудѣть, ика́ть, жужжать, каркать, квакать, квоктать, клокотать, крукъ, крякать, кукуреку, лязгъ, ляпать, мямлить, мяукать, нукать, охать и мн. др.

Слова эти обыкновенно древняго происхожденія и часто имѣютъ соотвѣтствія въ родственныхъ языкахъ, напр., наше кукушка, санскр. kokas, лит. kukůti, гр. κόκκυξ, лат. cuculus и др. Конечно и въ этомъ случаѣ приходится говорить только объ исконномъ родствѣ словъ, а не о заимствованіи ихъ.

12) Наконецъ, при опредѣленіи источника заимствованія для сравненія надо брать слово обязательно въ его древнѣйшей, а не современной формѣ, и сравнивать должно съ чужеземнымъ словомъ также въ его древнѣйшемъ видѣ. Такъ, сравненіе нашего *изба* съ нѣм. Stube вопроса о заимствованіи не рѣшаетъ; но сравненіе древне-русскаго истъба съ др.-в.-нѣм. stuba уже ясно говоритъ о заимствованіи; такъ же кънязь и др.-в.-нѣм. kuning, и мн. т. п.

Заимствованія не древнѣйшей поры часто приходится сравнивать со средневѣковыми, а не древнѣйшими формами языка; такъ, часто наши греческія и латинскія заимствованія уда́чно разрѣшаются сравненіемъ ихъ только со ср.-греч. или ср.-лат. формами; многія заимствованія въ польскомъ и малорусскомъ легко объяснимы при сравненіи ихъ не съ современными нѣмецкими, а со средн.-нѣм. формами.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ методы, которыми пользуется изслѣдователь, опредѣляя источникъ заимствованія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Заимствованія древняго времени.

Разсмотрѣніе древнихъ вліяній на русскій языкъ раздѣляемъ на 3 отдѣла: 1) вліянія, шедшія къ славянамъ съ востока, 2) шедшія съ запада и сѣвера и 3) вліянія съ юга—языковъ греческаго, латинскаго и старославянскаго, вліянія, которыя начались еще въ древнѣйшую пору и продолжались вплоть до новаго времени, но главнымъ образомъ сказались послѣ принятія христіанства. Конечно, не всѣ эти вліянія принадлежатъ исключительно древнему времени,—начавшись съ праславянской эпохи, часть ихъ прекратилась весьма рано, бо́льшая же часть перешла и въ дальнѣйшій періодъ; но въ виду того, что вліянія эти сказались преимущественно въ раннюю эпоху жизни нашего языка, мы относимъ ихъ къ вліяніямъ древняго времени, не перенося ихъ въ отдѣлъ вліяній времени новаго.

Спѣшимъ оговориться, что тотъ историко-географическій порядокъ, въ которомъ мы излагаемъ древнія вліянія на нашъ языкъ, не вполнѣ послѣдователенъ. Дѣло въ томъ, что вліянія не шли одно за другимъ, не смѣняли одно другое, а могли существовать и одновременно; вотъ почему трудно установить строгую историческую преемственность этихъ вліяній.

Первыя заимствованія, вошедшія въ нашъ языкъ, были заимствованіями славянъ у своихъ сосѣдей еще въ періодъ жизни ихъ на прародинѣ. Западными сосѣдями

славянъ въ ту пору были *германцы*, сѣверными—*литовцы*, восточными—*финны*, южными—*кельты*. Академикъ А. А. Шахматовъ [1]) устанавливаетъ такое сосѣдство славянъ на ихъ прародинѣ: къ сѣверу отъ славянъ жили лапландцы (въ теперешней Эстляндіи и Финляндіи), на югѣ—балтійцы (литво-леттское племя), на югъ отъ балтійцевъ жили западные финны (въ бассейнѣ Припети) и мордва, а къ югу отъ нихъ кочевали иранскіе племена (скиѳы, сарматы); западными сосѣдями славянъ, балтійцевъ и финновъ были германцы. Славяне не оставались на одномъ мѣстѣ: потокъ переселеній III—IV вѣка по Р. Х. захватилъ и ихъ. Сперва славяне со своей прародины подвинулись на югъ, въ область Вислы; тутъ они раздѣлились на двѣ части: одна двинулась на западъ, другая—на юго-востокъ; эта послѣдняя потомъ опять раздѣлилась на двѣ части,—одна ушла на Балканскій полуостровъ, а другая заняла среднее теченіе Днѣстра и Днѣпра, откуда распространилась далеко на сѣверъ и востокъ.

Литература о древнѣйшихъ заимствованіяхъ. *Ѳ. Буслаевъ*, О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, Москва, 1848 г.—*Ѳ. Е. Коршъ*, О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхожденія. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь М. С. Дринова.—*Ѳ. Е. Коршъ*, Владиміровы боги; „Пошана", сборникъ въ честь Н. Ф. Сумцова, 1909 г.—*Ѳ. Е. Коршъ*, Опыты объясненія заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ" за 1907 г.—*Ѳ. Браунъ*, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, Спб. 1899 г.—*М. А. Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, т. III, 1880 г., гл. IX.—*А. Л. Погодинъ*, Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ, 1903 г.

---

[1]) Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen; см. „Archiv für slav. Phil." за 1911 г. кн. 1—2, стр. 51.

I.

Влiянiя, шедшiя съ востока.

1. Иранское влiянiе.

Влiянiе иранскихъ языковъ на нашъ языкъ—одно изъ древнѣйшихъ влiянiй. Шло оно сперва при посредствѣ скиѳовъ и сарматовъ, жившихъ въ южно-русской степной полосѣ, съ которыми славяне столкнулись весьма рано, — иранцы были ихъ юго-восточными сосѣдями. Въ литературѣ теперь доказана значительная близость языка славянскаго къ иранскому [1]).

Иранскiя слова въ русскiй языкъ въ большинствѣ попали при посредствѣ тюрковъ, но были также и непосредственныя заимствованiя черезъ скиѳовъ и сарматовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заимствованiй весьма древняго времени; такъ, изъ средне-персидскаго языка славянами заимствованы: Господь, господáрь, госпожа, господинъ, государь [изъ этого слова уже съ XVII ст. у насъ образовалось *сýдарь*, а изъ него *-сда* и *-ста* (въ словѣ, напр., пожалуй*ста*), а также *-су* и *-съ*: да-*съ*, такъ-*съ*, хорошо-*съ*, т.-е. хорошо, сýдарь] [2]); древнѣйшими заимствованiями иранскаго происхожденiя

---

[1]) *Л. З. Мсерiанцъ*, Къ вопросу о взаимоотношенiяхъ славянскихъ и иранскихъ языковъ, „Р. Ф. В.“ 1911 г. кн. 1 стр. 160.

[2]) Такъ объясняетъ это *ста* А. И. Соболевскiй („Ж. М. Н. Пр.“ кн. XI с. 64); см. еще Ѳ. Е. Коршъ, „Извѣстiя Акад. Наукъ“ за 1907 г. стр. 761; Проф. Г. А. Ильинскiй считаетъ *ста* за 2 л. ед. ч. повелит. накл. отъ гл. стати, см. Сборникъ въ честь Дринова: „Объ одномъ архаическомъ императивѣ въ русскомъ языкѣ“, стр. 237—246; тутъ же изложенiе и другихъ мнѣнiй объ этой формѣ *ста*.

являются также: куръ, рысь, соха, ирей (южная страна), пенька, чаша, богатырь, курганъ, чертогъ, шатёръ, алмазъ, болванъ [1]), нефть и др.

Древни также заимствованія: сто, собака (изъ перс. spaka, отсюда и сука; чисто русское слово—*песъ*), топоръ (изъ перс. tabor, зашло ко всѣмъ сѣвернымъ народамъ), хата. Слово *хата* иранскаго происхожденія, сперва перешло въ финскій языкъ (chat), а оттуда уже въ русскій; слово это первоначально было и среди великоруссовъ, теперь же осталось преимущественно у малороссовъ и бѣлороссовъ [2]).

Изъ древне-персидскаго же языка (авестійскаго) нами взято слово *богъ* (авест. baγa); отсюда же заимствованы и названія древне-славянскихъ божествъ: Сварогъ и Хорсъ, м. б. и Дажьбогъ (даγ—жечь, богъ солнца) [3]). Отсюда же перешли къ намъ слова: м. б. грива (авест. griva), *ради* находитъ себѣ соотвѣтствіе въ др. перс. radiy (=causa̅); изъ arslan (левъ) образовано наше Русланъ [4]).

Отъ языка скиѳовъ и сарматовъ намъ остались собственныя имена: Днѣпръ (сарм. dana—рѣка, Ipr—собственное имя), Днѣстръ (сарм. dana+Istr), Дунай (сарм. dana+Avi), Донъ (скиѳск. ton-, сарм. don-,—вода, рѣка, гр. Τάναϊς) [5]).

Въ разное время изъ персидскаго языка въ русскій зашли слова: азямъ, амбаръ, базаръ, бакалея (bakl—овощи), баклажанъ, балахонъ, бирюза, булатъ, бумага, бура, бурка, гарбузъ, гиря, дервишъ, десть,

---

[1]) Слово *болванъ* у себя на родинѣ, въ Персіи, обозначало сперва богатыря, а потомъ стало означать и его изображеніе; потомъ значеніе слова мѣнялось: статуя, идолъ, чурбанъ и, наконецъ, наше дуракъ. См. у Ѳ. Е. Корша въ „Извѣстіяхъ“ т. VIII. кн. 4.

[2]) *Ѳ. Е. Коршъ*, „Извѣстія Акад. Наукъ“ за 1907 г. стр. 762.

[3]) Что касается слова *Перунъ*, то оно взято у албанцевъ, предки которыхъ жили по берегу Чернаго моря и у которыхъ было божество перынді; Ѳ. Е. Коршъ, „Пошана“, 54.

[4]) *П. Меліоранскій*, „Извѣстія“ т. X кн. 2 стр. 72. Ѳ. Е. Коршъ наше *Русланъ* выводитъ изъ Рустамъ, героя Шахъ-намэ, перешедшаго къ намъ изъ турецкаго; „Извѣстія“ т. XI кн. 1 стр. 269.

[5]) *А. И. Соболевскій*, „Archiv für sl. Phil.“ т. XXVII стр. 240, 243.

изумрудъ, камка, кисея, куропатка, люлька, мишень, парча, сафьянъ, тафта, чемоданъ, шаровары, шальвары, шептала, абрекъ—изъ языка осетинскаго (иранской языковой семьи) и много др.

Надо замѣтить еще, что иранское вліяніе на волжскихъ болгаръ было громаднымъ; а такъ какъ славяне вели оживленныя торговыя сношенія съ болгарами, то, конечно, при этомъ могли и сами получить не мало иранскихъ словъ.

Литература. *Л. З. Мсеріанцъ,* op. cit.—*А. И. Соболевскій,* Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ, „Р. Ф. В.“ т. LXIV, 180—187.—*Погодинъ,* Къ исторіи сношеній славянъ и Литвы съ иранскимъ племенемъ, „Новый сборникъ въ честь В. Ламанскаго“.

---

2. Тюркское вліяніе.

Вліяніе восточное на русскій языкъ преимущественно выразилось во вліяніи тюркскомъ. Тюркская языковая вѣтвь (урало-алтайской семьи) состоитъ главнымъ образомъ изъ языковъ татарскаго и турецкаго. Съ самыхъ древнихъ временъ тюркскія волны проносились по степямъ южной Руси и оставляли по себѣ замѣтный слѣдъ не только въ смыслѣ разрушенія, —изъ Азіи тюрки явились къ намъ уже съ извѣстной культурой, что̀, конечно, не могло не отразиться на насъ, особенно принимая во вниманіе, что юговосточныя славянскія племена (уже въ историческое время) были долгое время подъ игомъ тюрковъ.

Въ южно-русскихъ степяхъ много вѣковъ кочевали всевозможныя турецко-татарскія племена: авары, болгары, берендеи, ковуи, черные клобуки, печенѣги, торки, половцы, ногаи и др. Такая этнографическая пестрота населенія Южной Руси рельефно отразилось въ извѣстномъ Codex Comanicus 1303 г., главномъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о половецкомъ языкѣ.

Древнѣйшія сношенія славянъ съ урало-алтайцами безусловно были близкими,—на это указываютъ старыя заимствованія тюрковъ изъ языка славянскаго (напр. наше чара, порося и др.).

Тюркское вліяніе на нашъ языкъ весьма обширно. Началось оно очень рано: сперва шло черезъ гунновъ, аваровъ, угровъ, болгаръ; дальнѣйшая волна состояла изъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ. Древнѣйшими тюркизмами въ нашемъ языкѣ являются слова: армякъ, деньга, жемчугъ, каганъ, клобукъ, колымага, лошадь, слонъ, таборъ, телѣга, товарищъ, товаръ, япанча, быкъ, коза, хоругвь, ковчегъ, кума, м. б. волъ и др.

Часть тюркизмовъ зашла къ намъ еще до монгольскаго нашествія; такихъ словъ сравнительно не много; но начиная съ середины XIII-го столѣтія этихъ заимствованій появляется уже весьма большое количество.

Тюркское вліяніе на русскій языкъ было главнымъ образомъ непосредственнымъ, прямымъ. Но съ нѣкоторыми восточными словами мы познакомились и посредственнымъ путемъ. Такъ, греки, еще въ древнѣйшую пору часто ходившіе караванами изъ припонтійскихъ колоній далеко на востокъ, передали намъ небольшое количество восточныхъ словъ, какъ, напр., санъ, чертогъ. Церковно-славянскій языкъ принесъ намъ также нѣсколько словъ, заимствованныхъ въ древнѣйшую пору болгарами у тюрковъ. Съ Запада пришли къ намъ восточныя слова: бурнусъ, диванъ, маскарадъ, софа, шандалъ (черезъ фр. chandelle) и др.

Тюркское вліяніе особенно значительно въ языкѣ народномъ; въ языкѣ литературномъ оно гораздо меньше. Съ XVIII-го вѣка, когда особенно усилилось вліяніе Запада, восточное вліяніе прекращается. Въ XIX вѣкѣ открылась новая область восточнаго вліяніе—это Кавказъ. При завоеваніи Кавказа, а также потомъ при путешествіяхъ по нему, мы получили тюркизмы: аулъ, арба, башлыкъ, бешметъ, буза, бурдюкъ, духанъ, джигитъ, кумысъ, чадра, чинара, шашлыкъ и др. Слово *шальвары* попало къ намъ чуть ли не прямо изъ Персіи послѣ войны 1826 г. [1]).

Тюркизмы извѣстны всѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка,—больше всего ихъ въ великорусскомъ; въ бѣ-

---

[1]) *Ѳ. Е. Коршъ,* „Извѣстія" т. XI кн. 1 стр. 270.

лорусскомъ ихъ мало,—волна татарская пощадила Бѣлоруссію.

Южная Русь близко столкнулась съ тюркскими племенами и они оставили на языкѣ ея также значительный слѣдъ; такъ, въ малорусскую рѣчь вошли тюркскія слова: гаплыкъ, гойдаться, ёлопъ, капшукъ, таганъ, торба, очкуръ, черга, чавунъ, чумакъ, гичъ (а ни гичъ—ничего), кавунъ, коршакъ, кошъ, килымъ (коверъ), лялька, маслакъ, отара, топчанъ и мн. др.

Надо замѣтить, что тюркскіе элементы проникли во всѣ славянскіе языки,—ихъ очень много въ сербскомъ, болгарскомъ, много ихъ въ польскомъ.

Однимъ изъ фонетическихъ признаковъ татаро-монгольскихъ словъ является такъ наз. *гармонія гласныхъ*,—т.-е. корневая гласная повторяется и дальше въ суффиксѣ: *а*рг*а*м*á*къ, *а*мб*á*ръ, арк*á*нъ, к*а*з*á*къ, к*и*б*и́*тка, с*у*нд*ý*къ, ч*е*км*é*нь, к*и*з*и́*ль и т. п. Правда, гармонія гласныхъ въ заимствованныхъ тюркскихъ словахъ часто нарушена; особенно измѣнилась та гласная, которая не была подъ удареніемъ: т*о*варъ изъ tavar, к*о*закъ изъ kazak, ч*е*рдакъ изъ čardak и т. п.

Отмѣтимъ еще, что удареніе въ этихъ словахъ осталось татаро-монгольскимъ, т.-е. на послѣднемъ слогѣ [1]). Вполнѣ возможно, что урало-алтайскіе языки вліяли на систему нашего ударенія,—именно, перетягивали удареніе на конечный слогъ (тогда какъ языки финскіе въ средней и сѣверной Россіи удерживали его на начальномъ слогѣ). Большинство нашихъ тюркизмовъ имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, напр.: бирю́къ, балы́къ, чекме́нь, башма́къ, сунду́къ, табу́нъ; также иранскія слова (переданныя тюрками): алма́зъ, база́ръ, була́тъ, бирюза́ и мн. др. Конечно, заимствованныя слова подверглись у насъ большимъ измѣненіямъ, а это заставляло часто мѣнять мѣсто ударенія, что бываетъ особенно часто, напр., въ образованіяхъ женскаго рода: киби́т-ка изъ тюрк. кибе́т.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ: „Русское литературное удареніе", стр. 106.

Большинство тюркизмовъ переданы намъ главнымъ образомъ волжскими болгарами, половцами, татарами и турками; къ выясненію вліяній этихъ народовъ теперь и переходимъ.

а) Вліяніе волжскихъ болгаръ.

Древнѣйшей вѣтвью турецко-татарской семьи является языкъ волжскихъ болгаръ, съ которыми у славянъ были оживленныя и обширныя торговыя сношенія; кромѣ этого, болгаре были дѣятельными посредниками между славянами и Востокомъ. Въ концѣ IX и и въ началѣ X в. въ Болгаріи водворился исламъ и завязались тѣсныя сношенія съ арабами. А такъ какъ сношенія болгаръ съ Востокомъ были очень широкими, то возможно, что волжскіе болгаре передали намъ много древнѣйшихъ нашихъ тюркизмовъ, правда, опредѣлить ихъ теперь крайне затруднительно. Волжскіе болгаре, какъ извѣстно, скоро двинулись на Западъ и частью погибли, частью ассимилировались со славянами на Дунаѣ; въ восточной Россіи отъ старыхъ болгаръ до нашего времени сохранилисъ потомки—чуваши [1]), языкъ которыхъ отражаетъ собой древнюю форму языка болгарскаго.

Отъ волжскихъ болгаръ въ русскій языкъ вошли слова: *учанъ*—судно [2]) и весьма старое слово *санъ* [3]); кромѣ этого, болгаре занесли къ намъ древне-персидское слово *чертогъ* [4]).

---

b) Половецкое вліяніе.

Однимъ изъ многихъ племенъ, съ огнемъ и мечемъ проходившихъ по Южной Руси, были половцы, народъ турецко-татарской семьи. Половцы довольно долго задержались на югѣ Россіи (1061—1210); въ продолже-

---

[1]) Народная энциклопедія, т. VII, стр. 198.

[2]) „Извѣстія“ т. X кн. 4 стр. 132.

[3]) Ibidem. стр. 127.

[4]) Ibidem, стр. 133. Впрочемъ, слова *санъ* и *чертогъ* могли передать намъ и греки.

ніе 150 лѣтъ Русь безпрерывно вела съ ними борьбу, пока, наконецъ, татары не уничтожили ихъ совершенно. Понятно, поэтому, почему половцы оставили свой слѣдъ на нашемъ языкѣ въ видѣ собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ иныхъ словъ.

Такъ, изъ половецкаго заимствованы слова: ватага [1]), сайгатъ—подарокъ [2]), юкъ, вьюкъ, армякъ [3]), орда, орьтъма (покрывало, въ „Словѣ о П. Игоревѣ"). Половцы же передали намъ изъ персидскаго курганъ [4]); а черезъ турокъ изъ половецкаго мы взяли слова кумъ, кума [5]).

---

c) Татарское вліяніе.

Въ XIII вѣкѣ, какъ извѣстно, Русь была покорена *татарами* и находилась подъ ихъ игомъ два съ половиной столѣтія. Русь вошла съ татарами въ очень близкія сношенія, результатомъ чего были весьма многочисленныя заимствованія изъ ихъ языка. Послѣ разрушенія Кіева наша торговля съ греками почти прекратилась, но зато усилились торговыя сношенія съ востокомъ, а это повело къ усиленію восточнаго вліянія на русскій языкъ. Возможно, конечно, что при близкихъ сношеніяхъ съ татарами русскіе могли выучиваться даже говорить по-татарски, что опять-таки вело къ словарнымъ заимствованіямъ изъ этого языка.

Въ этотъ періодъ отъ покорившихъ насъ татаръ (отъ татаръ монгольскихъ, крымскихъ и казанскихъ) мы заимствовали многочисленныя слова; эти заимствованія относятся главнымъ образомъ къ названію вооруженій, одеждъ, обуви, животныхъ, растеній, монетъ и т. п.

Таковы слова: кистень, колчанъ, шишакъ, сагайдакъ; кафтанъ, кушакъ, кисетъ, чекмень, башмакъ, чулокъ; барсъ, бирюкъ, балыкъ, кабанъ,

---

[1]) „Извѣстія" т. X кн. 4 с. 117, 119, Меліоранскій; Ѳ. Е. Коршъ, правда, считаетъ это слово румынскимъ.

[2]) Ibidem, стр. 125.

[3]) *А. И. Соболевскій*, Заимствов. слова, стр. 103.

[4]) Ibidem, 107.

[5]) *А. Брюкнеръ*, Encyklopedya Polska, т. IV ч. 2 с. 205.

саранча, тараканъ, кизиль, алтынъ, аршинъ, аргамакъ, амбаръ, арканъ; балалайка, барабанъ, домра, сурна; буранъ, казна, казначей, казакъ, нагайка, кибитка, лапша, очагъ, сарай, сундукъ, табунъ, тарантасъ, туманъ, чуланъ; алый, бурый, буланый, карáковый, мухóртый, аиръ [1]), балаганъ, баскакъ, бахча, баштанъ, бурда, гайда, есаулъ, казанъ, караулъ, кирпичъ, пай, сазанъ, тавро, тамга, таможня, толмачъ, чапракъ, чуйка, шишъ, шугай и др.

---

d) Турецкое вліяніе.

Турецкое вліяніе (въ общемъ значеніи этого слова) на русскій языкъ, какъ мы видѣли, сказалось весьма рано—еще съ первыхъ временъ нашей исторіи. Рано началось и вліяніе османскихъ турокъ, правда, небольшое, такъ какъ съ ними наши культурныя сношенія на первыхъ порахъ были сравнительно не велики и только съ XVI вѣка это вліяніе значительно усилилось, когда у русскихъ завязались торговыя сношенія съ Турціей. Не только на нашъ языкъ повліялъ языкъ турецкій,—онъ оказалъ весьма сильное вліяніе на языкъ сербовъ и болгаръ, покоренныхъ турками.

Одинъ изъ лучшихъ тюркологовъ, проф. П. М. Меліоранскій считаетъ древнѣйшими заимствованіями изъ турецкаго (еще въ домонгольскій періодъ) такія слова, встрѣчающіяся въ древне-русскихъ памятникахъ: билинча, бисеръ, евшанъ, каганъ, клобукъ, коврига, корчага, кума, кумысъ, лошадь, санъ, товаръ, тортакъ (малорусское тыртакъ). Этотъ же ученый въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" находитъ такіе тюркизмы [2]): болванъ, боянъ, бояринъ, бусый, быля, дивъ, женчюгъ, кощей, ногата, орьтъма, салтанъ, харалугъ, хорюговъ, чага, шереширъ, япончица и яруга.

Въ нашъ языкъ изъ турецкаго заимствованы въ

---

[1]) Интересно, что во многихъ мѣстахъ Малороссіи растеніе аиръ называютъ *татарщина, татарське зілля, цар-зілля.*

[2]) Здѣсь слово тюркизмы въ общемъ значеніи его—отъ тюрковъ, а не османскихъ турокъ.

разное время такія слова: агá, бадья, барышъ, баши-бузукъ, бугай, булава, бумага (изъ перс.), бунчукъ, буравъ, визи́рь, гайдамакъ, гаремъ, гяуръ, делибашъ, зипунъ, изюмъ, казакинъ, каланча, камышъ, кандалы [1]), карандашъ (кара—черный, даш—шиферъ), кобе́ль, кузо́въ, мечеть, пашá, тютюнъ, тюфякъ, чалма, чайка, янычаръ, балбесъ, башка, ни бельмеса, битюгъ, бунчукъ, ералашъ, караванъ, кишмишъ, кобза, кочанъ, курдюкъ, лачуга, стаканъ, таборъ, творогъ, телѣга, товаръ, утюгъ, фирманъ, фисташка, чердакъ, яруга, одалистка, слонъ и многія др.

Часть турецкихъ словъ могла попасть къ намъ и кружнымъ путемъ, черезъ Западъ; такъ, взятое изъ турецкаго машкара, маскарадъ, очевидно, попало къ намъ изъ Франціи черезъ Польшу [2]).

Въ нашемъ языкѣ имѣется изъ турецкаго даже заимствованный суффиксъ,—это *-чій* (-чей), соотвѣтствующій турецкому *-джи*; съ такимъ суффиксомъ извѣстны древне-русскія слова: кърмчии, ъздчии, домрачей, казначей, сурначей и др.

---

3. Арабское вліяніе.

Говоря о восточномъ вліяніи на русскій языкъ, нельзя обойти молчаніемъ вліянія арабскаго (семитической языковой семьи), также принадлежащаго къ числу древнѣйшихъ. Какъ извѣстно, древняя приднѣпровская Русь была по преимуществу торговой и промышленной; одинъ изъ главныхъ путей древней славянской торговли велъ на востокъ. Арабы издавна вели широкую торговлю съ Русью; арабскія деньги (такъ наз. диргемы) наводняли славянскія земли,—теперь открыто много древнихъ кладовъ, состоящихъ преиму-

---

[1]) *Кандалы* изъ турецкаго слова кӱнде, означающаго палку, которую прикручиваютъ къ ногамъ, чтобы затруднить ихъ движеніе; носящаго такую палку наз. кӱнделі. Наше кандалы образовано въ XVII ст. (Ѳ. Е. Коршъ, „Извѣстія Акад. Наукъ“ за 1907 г. стр. 776), очевидно плѣнниками, попадавшими въ турецкую неволю.

[2]) „Извѣстія“ т. X кн. 4 стр. 128.

щественно изъ арабскихъ монетъ; арабскій диргемъ до XI в. былъ на Руси главной монетой.

Все это указываетъ, что наши сношенія съ арабами въ древности были оживленными; а разъ это такъ, то, конечно, должно быть и вліяніе культурное, вліяніе языковое.

Дѣятельными посредниками между славянами и арабами были волжскіе болгаре, принявшіе даже исламъ. Арабскіе караваны постоянно бывали у болгаръ; арабскіе мастера, въ качествѣ архитекторовъ, много работали у болгаръ и зародили у нихъ спеціальную каменную архитектуру.

Арабскія слова заходили въ нашъ языкъ главнымъ образомъ при посредствѣ тюрковъ, но есть и прямыя заимствованія. Арабы, какъ извѣстно, достигли сравнительно высокой культуры; у нихъ цивилизованный міръ заимствовалъ цифры; у нихъ же мы заимствовали научные термины: алгебра, алхимикъ, алхимія, азимутъ, алидада, зенитъ, и др; отъ нихъ же въ разное время въ нашъ языкъ зашли: адмиралъ, алкоголь, алкоранъ, альманахъ, амулетъ, атласъ, бальзамъ, бахрома, кабала, кайданы, кайма, калита (черезъ тюрк.), кинжалъ (черезъ тат.), майданъ, мишура, могарычъ, набатъ (черезъ тюрк.), султанъ, фитиль, харчъ, шафранъ, элексиръ и мн. др.

Нѣкоторыя изъ заимствованій очень древни, напр. *басурманъ*, *ропати* (названіе языческаго храма) взяты еще въ домонгольскій періодъ; возможно, что тогда же изъ арабскаго пришло къ намъ слово *скоморохъ* [1]).

Вліяніе арабскаго языка на русскій было разновременнымъ; начавшись въ древнѣйшія времена, вліяніе это (правда, въ очень слабой степени) продолжалось и въ новое время, — но уже не прямо, а главнымъ образомъ при посредствѣ языка испанскаго, на который арабскій языкъ оказалъ большое вліяніе (см. ниже, стр. 99); такъ, арабское šamara перешло черезъ испанское schamarra, наше малорусское *чемерка*. При посредствѣ западной Европы къ намъ зашли арабскія слова: камфара, лютня, магазинъ и мн. др.

---

1) *П. М. Меліоранскій*, „Извѣстія" т. X кн. 4.

При посредствѣ турокъ къ намъ изъ арабскаго зашли *халва* [1]), *лимонъ*, *лафа* (тур. алафа); персидскій языкъ передалъ намъ изъ арабскаго слово *мусульманъ*.

Литература о восточномъ вліяніи. Miklosich, Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, Wien, 1885 г. Рецензія Θ. Е. Корша въ „Archiv fur slav. Phil". т. VIII.—*О. Макарушка,* Словар українських виразів, перенятих з мов тюркских, „Записки Наукового Товариства", Львів, т. V, стр. 1—14, 1895 г.—*П. М. Меліоранскій,* Турецкіе элементы въ языкѣ „Слова о Полку Игоревѣ", „Извѣстія" т. VII кн. 2. Вторая статья по данному вопросу, „Извѣстія" т. X, кн. 2.—*Θ. Е. Коршъ,* Разборъ двухъ статей Меліоранскаго, „Извѣстія", т. VIII, кн 4 и т. XI, кн. 1.—*П. М. Меліоранскій,* Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности домонгольскаго времени, „Извѣстія" т. X, кн. 4.—*В. В. Радловъ,* О языкѣ кумановъ, „Записки Академіи Наукъ" за 1884 г. т. 48-й.— Hanusz I., O wpływie języków wschodnich na słownik języka polskiego, „Prace filologiczne" за 1886 г. I, 458.—Muchliński, Źrudłosłownik wyrazów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich, Спб. 1858 г.—Jul. Peisker, Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung, Stuttgart, 1905.—Этой книгѣ Пейскера посвящена работа: *Θ. Е. Коршъ,* О нѣкоторыхъ бытовыхъ словахъ, заимствованныхъ изъ такъ наз. урало-алтайскихъ языковъ, „Сборникъ въ честь Г. Н. Потанина", Спб. 1909, с. 536—546.—Д. Поповић, Турске и друге источанске речи у нашем језику, Биоград, 1884, „Гласник српског ученог друштва", кн. 59.—I. Sket, Turške besede v slovenščini.—*Л. Мсеріанцъ,* Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ славянскихъ и иранскихъ языковъ, „Р. Ф. В." 1911 г., здѣсь же и литература о заимствованіяхъ изъ иранскихъ языковъ.

---

[1]) *Халва* завезена къ намъ греками изъ Турціи вѣроятно около половины XIX вѣка; см. *Θ. Е. Коршъ,* „Извѣстія" т. XI кн. 1, стр. 270.

II.

Влiянія, шедшія съ запада и сѣвера.

1. Литовское влiянiе.

Языкъ литовскiй ближе всѣхъ другихъ языковъ къ славянской вѣтви; однако, не смотря на то, что съ литовцами мы были въ близкомъ сосѣдствѣ и родствѣ, литовскихъ словъ въ нашемъ языкѣ не много— это слова янта́рь, дёготь [1]), вала́ндаться, пакля, колтунъ, Литва, зубръ и др.

Бѣлорусскiй языкъ, больше всего соприкасавшiйся съ литовскимъ, знаетъ уже больше заимствованiй изъ послѣдняго; таковы слова: гудить (поносить), вилять, клуня, ковшъ, куль, лайдакъ, стодо́ла, ендова, жлоктать, жлукто, кволѣть и мн. др. [2]); эти слова извѣстны и въ малорусскомъ. Прозвища, фамилiи, географическiя названiя сохранили еще до сихъ поръ не мало литовскихъ чертъ; старинные памятники знаютъ больше заимствованныхъ изъ литовскаго словъ, чѣмъ языкъ современный.

Заимствованiя литовцевъ изъ русскаго языка весьма значительны,—Литва всегда находилась въ культурной зависимости отъ Руси; русскiй языкъ былъ офицiальнымъ языкомъ въ Литвѣ, поэтому понятно, почему онъ оказалъ такое большое влiянiе на языкъ литовскiй.

Литература. L. Malinowski, Niektóre wyrazy polskie-litewskiego pochodzenia, въ № 1 „Prace Filologiczne“. Въ трудѣ своемъ проф. Малиновскiй коснулся не только польскаго, но и русскаго языка и указалъ въ томъ и другомъ довольно значительное количество словъ, по его мнѣнiю, заимствованныхъ изъ ли-

---

[1]) *А. Брюкнеръ* (Encykl. Polska, IV ч. 2 стр. 207), *А. И. Соболевскiй* (Русскiя заимств. слова, стр. 71) и Бернекеръ не признаютъ этого слова литовскимъ.

[2]) *Е. Ѳ. Карскiй,* Бѣлоруссы, I, 123—138.

товскаго языка. Рецензію на эту статью написалъ *А. И. Соболевскій,* Слѣды литовскаго вліянія на славянскіе языки, „Русск. Фил. Вѣстн." за 1885 г., т. XIV, стр. 297—300. Въ содержательной замѣткѣ авторъ показываетъ, что большинство словъ, разбираемыхъ Малиновскимъ, не литовскаго, а славянскаго происхожденія.—Заимствованія изъ литовскаго см. еще: *А. А. Потебня,* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. III. Этимологическія и другія замѣтки. Оттискъ изъ „Р. Фил. Вѣстн." за 1880 г., стр. 99—100. *П. Чефрановъ,* О словѣ „лазбень", „Фил. Зап." 1911 г. кн. 5 с. 777—778.—*А. Л. Погодинъ,* Lutuanica, въ „Arch. f. sl. Phil." т. XVII с. 633—635, литовскія слова въ одномъ древне-русскомъ азбуковникѣ.—*Е. Ѳ. Карскій,* Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе, Варшава. 1902.—То же въ „Бѣлоруссахъ" т. I с. 123—138 (см. здѣсь и литературу вопроса).—Mikkola, Litauische Lehnwörter im Slavischen, „Beiträge zur Kunde", XXI, 118—121, Göttingen, 1895 г.

2. Германское вліяніе.

Германское вліяніе—одно изъ древнѣйшихъ вліяній на нашъ языкъ. Съ весьма давняго времени, еще за V—VI вѣковъ до Р. Х., славяне столкнулись съ германцами-готами, которые, въ поискахъ земли для поселенія, двигались на востокъ, тогда какъ славяне двигались на западъ, имъ навстрѣчу. Такое движеніе продолжалось очень долго, но уже съ III в. по Р. Х. германскіе племена стали селиться на Балканскомъ полуостровѣ, а въ IV в. нѣкоторыя мѣста его были ими совсѣмъ колонизованы. Весьма рано, еще до нашествія гунновъ, готы основали свое государство на югѣ Россіи и вели обширныя торговыя сношенія со славянами; вообще, готы были первыми германскими торговцами на востокѣ Европы [1]).

Въ V в. восточные готы вторглись на Балканскій полуостровъ; правда часть готовъ въ концѣ этого вѣка ушла съ Ѳеодерихомъ въ Италію, часть же осталась во Фракіи. Появившіеся здѣсь славяне, безусловно, приходили съ ними въ сношенія. Готскій историкъ Іорданъ сообщаетъ, что готы одно время подчинили себѣ всѣ сосѣднія славянскія племена [2]); а это, конеч-

[1]) *А. Л. Погодинъ,* „Извѣстія" т. XIX кн. I стр. 14.

[2]) А. Л. Погодинъ не признаетъ, что славяне были завоеваны готами, см. „Извѣстія" т. XIX, кн. I, стр. 14 и 32.

но, не могло не отразиться на языкѣ послѣднихъ.

И дѣйствительно, въ нашемъ языкѣ много словъ, заимствованныхъ отъ германцевъ въ самую древнюю эпоху, въ періодъ общеславянскій, еще до дѣятельности св. Первоучителей; таковы слова: блюдо, броня, букъ, букы, верблюдъ, витязь, изба (истъба), кънѧзь, кладѧзь, котелъ, купить, ликъ, мечъ, миса, млѣко, мятель-„плащъ“, мыто, мытáрь, пенязь, плугъ, попъ, постъ, пѣнѧзь, серьгá, скамья, скотъ, спудъ, стекло, стодоля, тынъ, хыжа (хижина), хлѣбъ, хлѣвъ, чѧдо, цѧта, шлемъ и др.; часть изъ этихъ словъ (напр. котелъ, верблюдъ, король и др.) могли быть заимствованы нѣсколько позднѣе.

Вопросъ о древнихъ германскихъ словахъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ, въ научной литературѣ рѣшается не одинаково. Одни ученые (ихъ больше, но по преимуществу это ученые нѣмецкіе) германское вліяніе преувеличиваютъ и считаетъ его весьма обширнымъ; другіе же, какъ, напр. болгарскій проф. Ст. Младеновъ и польскій А. Брюкнеръ [1]), сильно оспариваютъ его и сводятъ всего къ двумъ десяткамъ словъ.

Древними германизмами, вошедшими еще въ старославянскій языкъ (по мнѣнію ученыхъ Миклошича, Матценауера, Уленбека, Гирта и нѣк. др.), кромѣ вышеприведенныхъ, считаются еще такія слова: алмужьно (ялмужна), бобръ, бокъ, боль, боръ, бравъ (боровъ), брада (борода), брашьно, брѣгъ (берегъ), берегу, бондарь, валить, вéдро, вещь, вино, волхвъ, власть, владыка, волокно, воскъ, вредъ, внукъ, вопить, вѣра, глумъ, глупъ, гобзовати, говѣти, годенъ, година, гомонъ, гораздъ, господь, гость, готовъ, градъ, гребу, гробъ, громъ, гусь, долгъ, долъ, долина, дерзкій, дума, доска, жупелъ, искать, конопля, король[2]), кротъ, лава, лавка, лаять, левъ, лихва, лобзать, лугъ, лукъ, лгать, ложь, ленъ, лесть, льстить, лѣкъ (лѣкарь, лѣчить), людъ, миса, мозоль,

---

[1]) Encyklopedya Polska, т. IV, ч. 2. стр. 189.

[2]) Слово *король* обыкновенно производятъ отъ имени Карла Великаго, какъ впервые объяснилъ его Добровскій; въ настоящее время нѣкоторые ученые склонны считать его заимствованіемъ еще общеславянскаго періода.

мнихъ, многій, морковь, мзда, мясо, навій, ночвы, овощь, олтарь, орудіе, оса, оселъ, оцетъ, перецъ, петля, пила, пиръ, плакать, полотно, плотъ, плугъ, полкъ, плясать, поромъ, пріятель, прѣсный, пуговица, пудъ, пекло, рака, ремень, рокъ, рѣдька, смоква, сокъ, сорочка, среда, стрѣла, стѣна, стягъ, ступа, сытый, суббота, труба, тысяча, хапать, хватъ, хвиля, хвостъ, хворостъ, хладъ, хмель, холмъ, холопъ, хоругвь, храбрый, хортъ, хрущъ, церковь, цѣсарь [1]), цята, чара, челяда, черешня, шелягъ, щирый, яблоко, яворъ и нѣк. др. Сюда же относятъ слова: кминъ или тминъ, рыба, свинья, Римъ [2]) и др.

Новѣйшій изслѣдователь вопроса о германскомъ вліяніи на славянскій языкъ, Д-ръ Ст. Младеновъ [3]), подвергъ суровой критикѣ работы всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ значительно уменьшаетъ германское вліяніе и признаетъ заимствованными изъ германскаго только 22 слова (тогда какъ до него такихъ словъ считалось до 200); это слова: блюдо, боукы, вельблудъ, витязь, влахъ (волохъ), гораздъ, кладязь, кладенецъ, краль, искусить, князь, пѣнязь, тынъ, хыжа, худогъ, шлемъ, чуждъ и нѣк. др. [4])

О дальнѣйшемъ вліяніи германскомъ см. ниже, стр. 79—83.

Литература. *А. И. Соболевскій,* Заимствованныя слова, отдѣльная глава.—*С. Младеновъ,* Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици, София, 1910; тутъ указана и вся литература вопроса съ критикой предшествующихъ работъ.—*С. Станоевичъ,* Гипотеза о славянскихъ заимствованныхъ словахъ изъ германскаго, 1902.—С. С. Uhlenbeck, Die germanischen Wörter im Alt-

---

[1]) Это слово производятъ отъ имени Юлія Цезаря (Caesar).

[2]) Слово *Римъ* взято славянами не отъ лат. Roma и не отъ греч. Ῥώμη (ибо было бы *Рума или *Рюма), оно заимствовано у германцевъ, именно отъ прилагат. rūmisk. См. Ѳ. Е. Коршъ, Сборникъ въ честь Дринова, 58.

[3]) Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици; София, 1910.

[4]) Съ мнѣніемъ С. Младенова не согласенъ А. Л. Погодинъ, считающій, что „германцы оказывали на славянскій бытъ большое и благодѣтельное культурное вліяніе, которое было тѣмъ цѣннѣе, что черезъ него проникала на сѣверъ и греко-римская культура". „Извѣстія" т. XIX, кн. 1, стр. 13.

slavischen, „Archiv für sl. Phil.“ XV, 481—492.—H. Hirt, Zu den germanischen Lehnwörtern im Slavischen und Baltischen, „Beiträge“ XXIII, 330—351; дополняетъ статью Уленбека по этому вопросу.—Schrader O., Die germanischen Bestandteile des russischen Wortschatzes und ihre kulturgeschichtliche Bedeutung, Berlin, 1903.—См. еще литературу на стр. 26.

Сѣверно-германское вліяніе.

Исторической наукой теперь установлено, что тѣ варяги, которымъ приписывается водвореніе на Руси политическаго единства и порядка, были по происхожденію норманами, или скандинавами. А разъ это такъ, то уже a priori можно говорить о вліяніи скандинавскаго языка на русскій. Дѣйствительно, мы знаемъ о торговыхъ сношеніяхъ варяговъ со славянами, а при такихъ сношеніяхъ всегда возможно вліяніе одного языка на другой. Извѣстный великій водный путь изъ варягъ въ греки шелъ по славянской землѣ и онъ открывалъ ее для скандинавскаго вліянія.

Скандинавская или сѣверно-германская группа языковъ, возникшихъ изъ древне-скандинавскаго, теперь охватываетъ языки исландскій, норвежскій, шведскій и датскій.

Отъ древне-скандинавскаго языка, вѣроятно отъ варяговъ, мы заимствовали такія слова: багоръ, дротикъ, крюкъ, ларчикъ, ящикъ, ла́тырь и др.; слова: Русь, русскій взяты также у нихъ: бармы—изъ др.-сканд. barm.

Варяги, призванные для водворенія порядка на Русь, дали намъ слова: тіунъ, ябеда, ябедникъ (слово *ябеда* сперва означало только судебное должностное лицо и лишь позже, уже въ XVI ст., пріобрѣло новое значеніе—клеветникъ); они же занесли слово кнутъ. Кромѣ этого, варяги познакомили насъ съ мореплаваніемъ и нѣкоторыми рыбами; такъ, отъ нихъ взяты слова якорь, шнека (названіе судна), щегла (мачта), сельдь, акула. Какъ результатъ торговыхъ сношеній отъ нихъ осталось слово шелкъ.

Варяги же занесли къ намъ и собственныя имена скандинавскаго происхожденія: Рюрикъ (Hrörik), Аскольдъ—Оскольдъ (Hösköldr), Труворъ (Torward), Игорь

(Ingvard), Олегъ, Ольга (Helgi, Helga), Рогволодъ (Rangvald), Симонъ (Шимонъ), Синеусъ (Signiutr), Малфрѣдь (Malfridr), Диръ (Dyri) и др.

Отъ скандинавскаго языка намъ извѣстны, наконецъ, названія Днѣпровскихъ пороговъ, какъ объ этомъ пишетъ Византійскій императоръ X-го вѣка Константинъ Багрянородный (въ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“): Ульворси, Геландри, Айфоръ, Варуфоросъ и друг.

Сѣверно-германское вліяніе продолжалось и въ дальнѣйшее, уже новое время при нашихъ сношеніяхъ съ забалтійскими державами; такъ, въ разное время къ намъ зашли слова: берковецъ, бобыль, буракъ, бусъ (корабль), воскъ, каюта (шведск.), клеймо, книга, напáрей (большой буравъ), нарвалъ (животное изъ породы дельфиновъ), никкель, омаръ и мн. др. Много заимствованій изъ скандинавскихъ языковъ на сѣверѣ Россіи, особенно въ Архангельской губ.

Надо еще замѣтить, что часть сѣверно-германскихъ словъ занесла намъ Польша; именно, послѣ смерти Ст. Баторія польскій престолъ занимали шведскій королевичъ Сигизмундъ III и его сыновья Владиславъ IV и Янъ Казиміръ (съ 1587 г. по 1668 г.). Это, конечно, открывало дорогу сѣверно-германскимъ словамъ въ Польшу и Россію; такъ зашли къ намъ, вѣроятно, слова дротъ, мундиръ, малорусское блыматы и др.

У сѣверно-германскихъ народовъ часть словъ заимствовали финны и, конечно, могли передать ихъ и намъ, какъ, напр., слово ларь.

Литература. *Ѳ. Браунъ,* Фріандъ и Шимонъ, сыновья варяжскаго князя Африкана, „Извѣстія“ 1902 г. кн. 1. — F. Tamm, Slaviska lanord fran nordiska sprak, Upsala, 1882; рецензія Я. Грота въ „Arch. f. sl. Phil.“ VII, 134—141.—*К. Тіандеръ,* Датско-русскія изслѣдованія, вып. I, Спб.1912. — *И. Шаровольскій,* О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ, Кіевъ, 1904.—*Я. К. Гротъ,* Слова областнаго словаря, сходныя съ скандинавскими, „Филолог. Разысканія“ 1873 г., стр. 430—442.

3. Кельтское вліяніе.

Западными сосѣдями славянъ, какъ мы видѣли, были германцы. Но это сосѣдство не было постояннымъ; было время, когда между славянами и германцами жилъ иной народъ—именно *кельты*; венеды, упоминаемые въ старыхъ источникахъ (у Тацита), по мнѣнію акад. А. Шахматова, были кельтами. Славяне, жившіе въ бассейнѣ Нѣмана и Двины, вошли въ близкія сношенія съ кельтами; вѣрнѣе всего, что славяне были покорены ими. Понятно, что вслѣдствіе этого славяне подпали подъ культурное вліяніе кельтовъ, что неминуемо должно было отразиться и въ ихъ языкѣ. И дѣйствительно, мы имѣемъ цѣлый рядъ древнихъ словъ кельтскаго происхожденія: бояринъ, брага, быкъ, валъ, дрогá, дроги, яблоко, класть, кладу, кладéнецъ, клѣть, клѣтка, кошуля, луда, полуда, лудить, лѣто, лѣска (розга, палочка), могу, отецъ, слуга, скокъ, скакать, снасть, тать, тѣсто, толкъ, чекрижить, обчекрижить, щитъ и др. Географическія имена: Нѣманъ, Кóбринъ (Гродненск. губ.) и др. [1]).

Литература. *А. А. Шахматовъ,* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen, 1911 г. и рецензіи Буга и Фасмера.— *Его-же,* Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ, Спб. 1911 г.

---

4. Финское вліяніе.

Какъ мы видѣли выше, финны были сосѣдями славянъ еще въ праславянскую эпоху. Съ теченіемъ времени восточные славяне (предки русскихъ) стол-

---

[1]) Слова приводимъ по труду акад. *А. А. Шахматова* въ Archiv'ѣ 1911 г. т. 33.—Правда, мнѣніе Шахматова сильно оспариваютъ *К. Буга* и *М. Фасмеръ* въ „Rocznik Sławistyczny" т. VI за 1913 г.; только слова *брага* и *слуга* признаются кельтскими. Ученый филологъ А. Brückner утверждаетъ, что венеды не были кельтами и что кельтскихъ словъ въ славянскихъ языкахъ совершенно нѣтъ, а мнѣніе Шахматова недоказательно; см. Encyklopedya Polska т. IV ч. 2 стр. 207. Надо замѣтить, что Брюкнеръ вообще сильно ограничиваетъ всѣ вліянія на славянскіе языки древнѣйшей поры, считая многія изъ нихъ только случайными совпаденіями.

кнулись съ финнами и въ концѣ концовъ, вытѣснивъ финновъ на сѣверъ, заняли ихъ мѣста—часть теперешней Бѣлоруссіи и всѣ среднерусскія губерніи. Финны, конечно, не безъ борьбы уступили свою мѣстность,— борьба была долгая и упорная. Въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры финны, понятно, не были такъ расчленены, какъ теперь.

Финскіе языки дѣлятся на три группы: 1) западные или прибалтійскіе, куда принадлежатъ языки: суоми (собственно финскій), водскій, вепскій, эстонскій, ливскій, корельскій и др.; 2) поволжскіе: мордовскій и черемисскій и 3) сѣверо-восточные: вотяцкій, зырянскій, остяцкій и вогульскій; сюда же примыкаютъ языки лапландскій (лопарей) и мадьярскій.

Какъ видимъ, семья финскихъ языковъ была довольно обширной. Столкнувшись со славянами, финны вели съ ними многовѣковую культурную борьбу, и, наконецъ, совершенно ассимилировались съ окружавшимъ ихъ русскимъ народомъ.

Понятно, что языки славянъ и финновъ не должны были остаться безъ взаимнаго вліянія: въ финскомъ языкѣ много словъ славянскихъ, не мало финскихъ словъ и въ языкѣ нашемъ. Много финскихъ словъ вошло въ русскій языкъ уже въ позднѣйшую пору, при мирныхъ сношеніяхъ съ финнами.

Ассимилировавшись съ русскими, финны оставили намъ многочисленныя свои географическія имена, какъ, напр.: Ка́ргополь, На́рва, Во́лховъ, Во́лга („бѣлая“), Во́логда, Ка́ма, Ка́ра Уса, Ижма, Цы́льма, Су́хона, Вы́чегда, Пи́нега, Ва́га, Ко́ла, Ту́лома, Та́на, Ла́дога, Кля́зьма, Яхрома, Яуза, Ока („рѣка“), Двина („тихій, спокойный“), Моло́га, Москва́, Шексна, Онега, Колгуевъ, Мста („черная“), и мн. др. Нѣкоторыя изъ финскихъ географическихъ именъ съ теченіемъ времени подверглись у насъ многимъ измѣненіямъ, затемнившимъ ихъ финское происхожденіе. Такъ, наше Царское село—слово финскаго происхожденія — Сарское (отъ финск. слова tsaari— царь). Городъ Хо́лмогоры (прежде писалось, а по народному и теперь—Калмогары и Колмогоры) — измѣ-

ненное финское слово Holmgardr, хотя осталось финское удареніе (на мѣстѣ говорятъ Хóлмогоры, а не Холмóгоры)[1]).

Что касается нарицательныхъ именъ, заимствованныхъ у финновъ, то ихъ не такъ ужъ много. Это, прежде всего, названія рыбъ: сельдь, селёдка (но, можетъ быть, и изъ сѣв.-германскаго), навáга, севрюга, сёмга, сигъ, также моржъ. Изъ другихъ словъ должно отмѣтить: конопля, хмель, сермяга, салакушка, камбала, гагара, кумиръ, сани, яма, паскуда. Слово *хата*—иранскаго происхожденія, перешедшее въ финскій языкъ, а оттуда уже въ русскій[2]).

Изъ эстонскаго языка нами заимствовано слово мыза, изъ зырянскаго—пельмени, изъ лопарскаго взятъ тюлень[3]).

На сѣверѣ Россіи,—въ губерніяхъ Архангельской, Вóлогодской и Олóнецкой весьма много мѣстныхъ словъ финскаго происхожденія; и понятно: здѣсь русское населеніе ближе другихъ входило въ сношенія съ финнами.

Заимствованій изъ финскаго у насъ очень много, но большинство ихъ принадлежитъ народному говору сѣвера Россіи; эти слова относятся преимущественно къ рыболовству, къ номенклатурѣ различныхъ видовъ рыбъ, птицъ, къ морскому плаванію и т. п.

---

[1]) *К. Θ. Тіандеръ,* Къ исторіи города Холмогоры, „Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“ т. V за 1900 г. кн. 3. Относительно ударенія въ словѣ Холмогоры авторъ пишетъ: „Въ школьной терминологіи и въ образованномъ обществѣ принято произносить Холмогóры съ удареніемъ на второй составной части слова. На мѣстѣ, какъ любезно сообщилъ профессоръ И. А. Шляпкинъ, говорятъ Хóлмогоры“ (стр. 776).

Впрочемъ, *I. Миккола* („Сборникъ въ честь Дринова, 1908 г., стр. 27—28) въ замѣткѣ на статью К. Тіандера даетъ иное толкованіе имени *Холмогоры,*—именно, оно происходитъ отъ финскаго kalma—могила и kari—островокъ; дѣло въ томъ, что возлѣ старыхъ Холмогоръ находилось знаменитое своими сокровищами кладбище біармовъ (кореловъ), упоминаемое въ скандинавскихъ сагахъ.

[2]) *Θ. Е. Коршъ* „Извѣстія Имп. Акад. Наукъ“ 1907 г. с. 762.

[3]) О словѣ *тюлень* ср., впрочемъ, Г. А. Ильинскаго, „Р. Ф. В.“, т. 66, стр. 277.

Названія рѣчекъ, озеръ, селъ, деревень, урочищъ на сѣверѣ Россіи (отчасти и въ средней Россіи) по преимуществу финскія; еще до сихъ поръ на нашемъ сѣверѣ деревни часто имѣютъ два названія: древне-финское, употребляемое обыкновенно въ устахъ мѣстнаго населенія, и новое русское—въ официальномъ языкѣ [1]).

Что касается другихъ нарѣчій русскаго языка, то и они знаютъ заимствованія изъ языка финскаго, такъ какъ это вліяніе началось еще до распаденія нашего языка на нарѣчія. Такъ, въ малорусскомъ быть можетъ изъ финскаго взяты: торкаты, вихоть, киржъ, лемишка, муляты, барканъ и нѣк. др. Эти же слова находимъ и въ нарѣчіи бѣлорусскомъ [2]). Но большинство финскихъ словъ вошло въ русскій языкъ уже значительно позже и часть этихъ словъ разсѣялась и по его нарѣчіямъ.

Отмѣчу здѣсь еще одинъ остатокъ въ нашемъ языкѣ отъ финскаго,—это удареніе. Весьма многія собственныя имена, взятыя изъ финскаго, до сихъ поръ сохраняютъ свое старое финское удареніе—на начальномъ слогѣ слова, напр. Во́логда („бѣлый городъ“), Ка́ргополь („медвѣжій городъ“), Ка́ма („потокъ“), Хо́лмогоры, То́тьма („болото“), Ше́нкурскъ, Ю́га, Су́хона, Вы́чегда, Пи́нега и мн. др. [3]).

Какъ мы выше сказали, къ восточно-финской языковой семьѣ относится и языкъ *мадьярскій* или *венгерскій*. Мадьяры или угры находились въ близкихъ сношеніяхъ со славянами, отъ которыхъ заимствовали въ свой языкъ много словъ. И обратно, отъ этого языка къ намъ зашли (но не прямо, а, вѣроятно, при посредствѣ Польши) слова: доломанъ (гусарскій полукафтанъ), гуса́ръ, лапта (названіе игры), колдунъ, кучма и др. Возможно, что *карманъ* изъ мадьярскаго karmány

[1]) *М. П. Веске,* Славяно-финскія отношенія, стр. 3.

[2]) *Е. Ѳ. Карскій,* Бѣлоруссы, I, 106—108.

[3]) *И. И. Огіенко,* Объ удареніи въ географическихъ именахъ, Кіевъ, 1912, § 10.—*Его-же,* Русское литературное удареніе, Кіевъ, 1914 г. § 263.

(рукав) [1]. Слово *шапка*, вѣроятно, зашло къ полякамъ изъ мадьярскаго.

Мадьярское вліяніе сильно сказалось на лексической сторонѣ подкарпатскихъ малорусскихъ говоровъ; такъ, здѣсь изъ венгерскаго заимствованы слова: бендю́гъ, би́рка (овца), бокóръ (плотъ, Угорщина), бокре́йда (букетъ искусственныхъ цвѣтовъ на свадьбѣ), босóрка, босорка́ня (вѣдьма), босорку́нъ (упырь), будзьóкъ (кусокъ, Угорщина), да́досъ, дара́ба, ґалиръ, гомóкъ, гучва́, ка́йла, кала́пъ, кара́зія, ка́пивъ, кендырытысь, конда́шъ, фай, фелелюваты, фицька, цу́пка (поцѣлуй, Угорщина), чапа́шъ (тропинка), чемесы́ты, черкóты, чынчóрыи, чу́мивъ и мн. др.

Конечно, вліяніе венгерское въ главной своей массѣ не относится къ числу древнѣйшихъ,—оно шло преимущественно въ позднее время.

Литература. *П. Бутковъ,* О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ и о словахъ русскихъ и финскихъ, имѣющихъ одинаковое знаменованіе, „Труды Имп. Россійской Академіи", ч. V, Спб., 1842, стр. 115—177.—*С. Куторга,* Замѣтки о финскомъ элементѣ С.-Петербургской губерніи, „Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общ." за 1853 г., ч. VIII, стр. 1—18.—*М. П. Веске,* Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Часть I, финскія слова въ русскомъ языкѣ; „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ", т. VIII, вып 1, Казань, 1890 г., стр. 1—136. Рецензія на книгу Веске въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета" за 1890 г., кн. 3, *А. Александрова.* Историки Бутковъ и Куторга увлекались даннымъ вопросомъ, и у нихъ финскими считаются даже многія чисто-русскія слова. Не то представляетъ работа Веске,—ученаго финнолога и природнаго финна,—она весьма цѣнна.—*Я. Гротъ,* „Филологическія разысканія", Слова областнаго словаря, сходныя съ финскими, Спб., 1873 г., стр. 443—447.—*А. Л. Погодинъ,* Сѣверно-русскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка, 1904 г. См. также литературу, вызванную послѣднимъ трудомъ (ниже, стр. 113).—*А. Л. Погодинъ,* Изъ исторіи сношеній финновъ съ индо-европейцами, 1905 г.—*Л. Майковъ,* О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, „Журналъ М. Н. Пр." за 1877 г. кн. 7, 8 и 12.—*К. Ѳ. Тіандеръ,* Къ исторіи города Холмогоры, 1900 г.—*Ѳ. П. Кеппенъ,* Матеріалы, 1886 г.—Mikkola I., Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, Helsingfors, 1894, ч. I: Slavische Lehn-

[1]) Ѳ. *Е. Коршъ,* Сборникъ отд. русск. яз. и слов. т. 87, рецензія на трудъ Зеленина, стр. 28.

wörter in den westfinnischen Sprachen,—весьма цѣнная работа; указана и литература вопроса.—*Его же,* Finnisch-slavische Beziehungen, 1902.—V. T o m s e n, Über den Einflus d. germ. Spr. auf d. finnischlappischen, Halle, 1870.—*А. М. Шёгренъ,* Матеріалы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами языковъ сѣверныхъ и восточныхъ, „Матер. для сравнит. словаря", Спб. 1854,—A h l q u i s t A., Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen, Helsingfors, 1875.—*А. А. Шахматовъ,* Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ, Спб. 1911 г.—*Яло Калима,* Finnische Lehnwörter im Russischen (рукопись, представленная на соисканіе преміи имени М. И. Михельсона, см. „Р. Ф. В." т. 63 стр. 149).

III.

Вліянія, шедшія съ юга.

1. Вліяніе языка греческаго на русскій.

Греческій языкъ оказалъ весьма большое вліяніе на многіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Еще на болгарской почвѣ въ славянскій языкъ вошло не мало греческихъ словъ; теперь уже доказано, что старо-славянскій языкъ—это македонское нарѣчіе древне-болгарскаго языка; а разъ это такъ, то ст.-славянскій языкъ былъ весьма близокъ грекамъ географически. Наши предки-славяне вели оживленныя торговыя сношенія съ греками съ раннихъ временъ; черезъ Россію шелъ знаменитый великій водный путь изъ Варягъ въ Греки; все это, конечно, повело къ заимствованіямъ изъ языка греческаго. На сѣверномъ берегу Чернаго моря былъ рядъ греческихъ колоній, какъ, напр., большіе торговые города Корсунь, Сурожъ или Судакъ и др., которые, конечно, не могли не влiять и на нашъ языкъ.

Греческое вліяніе особенно усилилось съ конца X-го вѣка, т.-е. со времени принятія нами христіанства,—много греческихъ священниковъ пріѣхало къ намъ на Русь, и они, а также и ихъ ученики, безспорно, занесли въ русскій языкъ не мало словъ изъ греческаго. Въ до-монгольскій періодъ греческое вліяніе было значительнымъ; дальше татарское нашествіе пріостановило это вліяніе, конечно, не совершенно, а лишь отчасти. Въ періодъ оживленныхъ сношеній Россіи съ южными славянами, въ XIV—XV вѣкахъ, вліяніе язы-

ка греческаго опять усиливается; сказывается это вліяніе и въ XVI—XVII вѣкахъ, когда греческій языкъ усиленно изучался въ школахъ Южной Руси, а потомъ и въ Москвѣ.

Конечно, при такихъ сношеніяхъ могло быть и обратное вліяніе: въ языкѣ греческомъ не мало славянскихъ словъ.

Вліяніе греческое на нашъ языкъ распространялось нѣсколькими путями; главными изъ нихъ были: 1) устное заимствованіе отъ грековъ; оно было весьма велико; 2) книжное заимствованіе непосредственно изъ языка греческаго; 3) книжное заимствованіе при посредствѣ языка церковно-славянскаго, который вообще сыгралъ большую роль въ дѣлѣ передачи въ нашъ языкъ греческихъ словъ, и 4) много греческихъ словъ зашло въ русскій языкъ при посредствѣ Западной Европы, преимущественно въ новое время; такъ, при посредствѣ нѣмецкаго языка къ намъ занесены слова: комедія, кораллъ, критика, левкой, металлъ, музей и мн. др.; французскій языкъ передалъ намъ: идея, идиллія, иронія, камлотъ, кли́матъ (поэтому иногда и французское удареніе: клима́тъ), оркестръ и мн. др.

Изъ греческаго языка слова заимствовались въ различное время; есть заимствованія очень древнія, еще праславянскаго періода, какъ, напр., макъ, мята, комора, корабль, теремъ [1]), кадь, мигдаль и др., есть заимствованія и сравнительно недавняго времени: каторга, ханжа, полоумный[2]), названіе Россія, куролесить (изъ κύριε ἐλέησον, Господи, помилуй) [3]) и др.

Отъ грековъ, по принятіи христіанства, мы заимствовали христіанскую терминологію, т.-е. названіе священ-

---

[1]) Это слово обыкновенно выводятъ изъ греч. τέρεμνον, но проф. Г. А. Ильинскій („Пошана“ 370—373) считаетъ его не заимствованнымъ, а восходящимъ къ индо-европейской основѣ ter(e)bm— „зданіе“.

[2]) Слово *полоумный* происходитъ отъ новогреч. παλαβωμένος; въ XIV в. это слово писали правильнѣе: палаумный. См. Ѳ. Е. Коршъ, Рецензія на Фасмера, 595; см. еще *его же*, „Извѣстія Акад. Наукъ“ за 1907 г. стр. 763.

[3]) Въ древней Руси восклицаніе *Господи, помилуй* пѣли по-гречески и, очевидно, бывали случаи, когда его путали и пѣли неотчетливо; отсюда *куролесить*.

ныхъ и церковно-богослужебныхъ понятій и предметовъ: акаѳистъ, алтарь, ангелъ, апостолъ, діаконъ, евангеліе, игуменъ, икона, ладанъ и мн. др. Наши собственныя личныя имена въ большинствѣ заимствованы у нихъ же: Ѳеодоръ, Василій, Евгеній, Стефанъ, Спиридонъ, Петръ, Ѳома, Николай и др.

Дальше, у грековъ же мы заимствовали нѣкоторыя названія плодовъ и растеній, ибо греки (напр. тѣ, которые жили по берегу Чернаго моря) усиленно занимались плодоводствомъ: кедръ, кипарисъ, рѣпа, анисъ, миндаль, огурецъ, свёкла, тминъ, можетъ быть — вишня [1]) и др.; хозяйственныхъ принадлежностей: кровать, миска, лохань, фитиль, фонарь и др.; красокъ: киноварь, левкасъ, лазурь, сурикъ и др., камней (аспидъ, измарагдъ, сапфиръ и др.), медицинскихъ терминовъ (хандра, кила, пластырь); слова: грамотей—γραμματεύς, парусъ—φᾶρος, уксусъ — ὄξος, китъ — κῆτος, стихъ — στίχος, хоръ—χορός, скумбрія и мн. т. п. Изъ греческаго языка заимствованы слова съ суффиксами *-искъ, -итъ, -ада, -ида*: обелискъ, магнитъ, лампада, панихида; приставки *анти-* и *архи-*: антихристъ, архіерей.

Драматическое искусство зародилось въ Греціи, почему она и дала всему міру свои слова: театръ, драма, комедія, трагедія и др.

Часть заимствованій изъ греческаго могла быть произведена мѣстнымъ русскимъ населеніемъ отъ грековъ, живущихъ въ Крыму, напр., въ окрестностяхъ Маріуполя и Новороссійска; такъ произошло, напр., малорусское *левада* [2]).

Нужно замѣтить, что въ новѣйшее время весьма многіе неологизмы, ученые термины и т. п. составляются изъ словъ языка греческаго: физика, фонографъ, фотографія, патологія, логика, ипподромъ, аэропланъ и мн. т. п.

Языкъ греческій оказалъ еще вліяніе въ томъ смыслѣ, что, напр., подъ его воздѣйствіемъ славянскій

---

[1]) М. Р. Фасмеръ слово *вишня* производитъ отъ ср.-греч. βυσσινιά; акад. А. И Соболевскій не согласенъ съ этимологіей Фасмера и считаетъ это слово общеславянскимъ для обычнаго по всей средней Европѣ дерева; см. Отзывъ о сочиненіи М. Р. Фасмера, стр. 430—431.

[2]) *Фасмеръ М. Р.*, „Извѣстія“ т. X кн. 2 стр. 392.

языкъ развилъ большое количество словъ сложныхъ, состоящихъ изъ двухъ корней, какъ, напр.: благообразный, велемудрый, благодушіе—εὐψυχία, вѣнценосецъ—στεφανηφόρος, единодушный—ὁμόψυχος, живописецъ—ζωγράφος, сребролюбіе—φιλαργυρία, путешествовать—ὁδοιπορεῖν и много др.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ бросается въ глаза чрезмѣрное употребленіе приставки бєз- въ смыслѣ отрицанія: безболѣзненно, безбоязненно, безбранно (мирно), безвинно и мн. др.; подобныя слова—буквальный переводъ греческихъ словъ съ отрицаніемъ α=бєз-, напр.: безбрачьный—ἄγαμος, бесплодьный—ἀπρόσκοπος, беззаконіе—ἀνομία, безблазньный—ἀσκανδάλιστος, безводіе—ἀνυδρία и мн. др.

Кромѣ этого, подъ вліяніемъ греческаго языка нѣкоторыя наши слова получили еще добавочное значеніе. Такъ, древне-русское слово *душа* значило только animus; но въ виду того, что греческое ψυχή значило еще „отдѣльный человѣкъ", то и русское *душа* пріобрѣло это второе значеніе. Точно такъ же славянское съпрѧгъ значило только „пара воловъ", но подъ вліяніемъ греч. σύζυγος стало означать и мужа въ брачной парѣ [1]). Подъ вліяніемъ греч. κεφαλή наше *глава* стало означать и отдѣлъ книги.

Отмѣтимъ еще, что при посредствѣ греческаго языка въ ст.-славянскій, а потомъ въ русскій перешло не мало словъ латинскихъ; да и не однихъ латинскихъ: романскія заимствованія въ русскій языкъ легко могли попадать при посредствѣ языка греческаго [2]).

Отмѣтимъ, наконецъ, что часть греческихъ словъ перешла въ русскій языкъ уже въ новое время при посредствѣ языка французскаго; ни одинъ греческій романъ въ XVIII вѣкѣ не былъ переведенъ на русскій языкъ прямо съ подлинника, а только съ французскаго, рѣже съ нѣмецкаго перевода. Такимъ образомъ греческія слова шли къ намъ послѣ французской пе-

---

[1]) *Проф. А. И. Соболевскій,* Русскія заимствованныя слова стр. 4.

[2]) *М. Р. Фасмеръ,* „Извѣстія" т. XI кн. 2 стр. 398.

редѣлки, почему они имѣютъ удареніе на концѣ слова; такъ, греч χάος мы произносимъ хаóсъ (см. стр. 50).

Книжнымъ путемъ непосредственно изъ греческаго языка заимствованы слова: [1]) алекторъ, алфавитъ, антиминсъ, апострофъ, аспидъ, гипсъ, діадема, діалектъ, діафрагма, драконъ, евнухъ, ектенія, епитафія, катавасія, каѳедра, кимвалъ, киноварь, коливо, ктиторъ, ладанъ лексиконъ, магистръ, мастика, мигдаль, мирра, омофоръ, органъ, охра, панагія, патерикъ, плазма, подагра, прологъ, проскомидія, саванъ, синедріонъ, синодикъ, синтаксисъ, скитъ, солея, стихъ, тиранъ, титла, трапеза, тріодь, фелонь, хартія, хитонъ, холера, хоръ, хронографъ, экономъ и мн. др.

Книжнымъ путемъ при посредствѣ *старославянскаго* языка (преимущественно при посредствѣ болгаръ) въ русскій языкъ вошли греческія слова: августъ, адъ, акаѳистъ, акрида, алтарь, амвонъ, анаѳема, ангелъ, архангелъ, антидоръ, антипасха, антифонъ, антихристъ, апокалипсисъ, апостолъ, апрѣль, ароматъ, архіерей, архимандритъ, аспидъ, астрологія, астрономія, варваръ, генварь (январь), геенна, гигантъ, грамматика, декабрь, демонъ, деспотъ, діаволъ, догматъ, евангеліе, еврей, Египетъ, елей, епископъ, епитимія, ересь, еретикъ, ехидна, игуменъ, идолъ, икона, ипподромъ, іерей, іюль, іюнь, канонъ, кедръ, келарь, келія, кесарь, кивотъ, кипарисъ, клевретъ, клиросъ, лавра, лавръ, лампада, лира, мессія, миро, митрополитъ, монахъ, монастырь, мраморъ, ноябрь, океанъ, октябрь, палея, панихида, пасха, патріархъ, пирамида, планета, поганый, попъ, попадья, порфира, пресвитеръ, префектъ, просфора, псаломъ, псалтирь, рака, риторъ, сатана, сентябрь, серафимъ, символъ, скандалъ, скинія, скипетръ, скорпіонъ, стадія, схизма, схима, талантъ, тартаръ, тигръ, трагикъ, тропарь, фамилія, фарисей, февраль, философъ, херувимъ, хламида и много др.

Народныя заимствованія (не книжнымъ путемъ) непосредственно изъ греческаго языка: аксамитъ, аналой,

---

[1]) Перечисленіе словъ даемъ по труду *М. Р. Фасмера:* Греко-славянскіе этюды; „Сборникъ отд. русск. яз. и слов." т. 86.

арапъ, артосъ, бандура, баня, блинъ, буйволъ, василёкъ, грамота, гуля, дурно, дьякъ, епитрахиль, известь, исполать[1]), кадь, каламарь, камилавка, канава, канатъ, кадило, кадыкъ, канунъ, капитанъ, каторга, клизма, колачъ, коминъ, корабль, корецъ, костеръ, криница, кровать, крокодилъ, кукла, куличъ, кутья, кухоль, куцый, лазурь, лента, левада, лахань, макотра, макъ, миндаль, миса, мята, огурецъ, оладья, паленица, парусъ, патерица, сакъ, сахаръ, свёкла, скала, сандалiи, скоморохъ, скуфья, теремъ, тетрадь, тормазъ, уксусъ, ѳитиль, ѳонарь, халепа, хандра, цыганъ, черешня, щуръ и мн. друг.

При посредствѣ турецкаго языка (именно при посредствѣ тюркскаго населенiя на сѣверномъ берегу Чернаго моря) къ намъ изъ греческаго перешли: арнаутъ, лиманъ, неѳть, сундукъ, таганъ, талисманъ, тесьма, ферязь, ѳисташка и др.

Замѣтимъ, что изъ приведенныхъ греческихъ заимствованiй нѣкоторыя сами являются въ греческомъ языкѣ заимствованiями изъ другихъ языковъ, например, лазурь изъ перс. lagvärd.

Конечно, въ виду недостаточности нашихъ свѣдѣнiй объ историческихъ судьбахъ русскаго языка, приведенное распредѣленiе заимствованныхъ словъ по категорiямъ (на проникшiя книжнымъ и некнижнымъ путемъ) далеко не безспорно; точно опредѣлить ближайшiе источники и пути заимствованiя каждаго слова, проникшаго въ русскiй языкъ изъ греческаго,—задача весьма трудная[2]).

Литература. *А. И. Соболевскiй,* Греко-славянскiе этюды, „Русскiй Фил. Вѣстникъ", т.IX, стр. 1—6, 274—278; т. X, стр. 163—166.— *А. И. Соболевскiй,* Изъ исторiи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей, Кiевъ, „Универс. Изв.", 1904 г.—*А. И. Соболевскiй,* Къ исторiи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей, „Извѣстiя" т. X, кн. 2, 1905 г.—*В. М. Истринъ,* Къ исторiи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей, Одесса, 1905 г.—*М. Р. Фасмеръ,* Греко-славянскiе этюды. I. Основные вопросы изъ об-

---

[1]) Слово *исполать* образовалось изъ греч. εἰς πολλὰ ἔτη— „на многiя лѣта".

[2]) *Ѳ. Е. Коршъ.* Отзывъ о сочиненiи М. Р Фасмера, стр. 566.

ласти греко-славянскихъ отношеній. II. Греческія заимствованія въ старо-славянскомъ языкѣ. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ.—*І. Линдеманъ,* Греческія слова въ русскомъ языкѣ, Москва, 1896 г.—*Поспишиль,* Греческія слова въ русскомъ языкѣ, Кіевъ, 1901 г.—Thumb, Die griechische Lehnwörter im Armenischen, „Byz. Zeitschr.“ IX, стр. 388—452.—Th. Claussen, Die griechishe Wörter im Französischen. Erlangen, 1903 г.—Krauss, Griechische Lehnwörter im Talmud, Berlin, 1898 г. — *Л. П. Сахаровъ,* Къ вопросу о преимущественномъ значеніи греческаго языка передъ латинскимъ въ русской школѣ, Кіевъ, 1899 г.—G. Meyer, Neugriechische Studien, I, Die lateinischen Lehnwörter im Neugriechischen; II, Die slavischen, albanischen und romänischen Lehnwörter im Neugriechischen; III, Nachträge zum II Hefte, „Sitzungsberichte d. Wiener Akad.“ т. 130—132-й.—Miklosich, Die slavischen Elemente im Neugrichischen, Wien, 1870.—*Матовъ,* Гръцко-български студии, София, 1893.—*Н. А. Лавровскій,* О византійскомъ элементѣ въ договорахъ русскихъ съ греками; „Р. Ф. В.“ за 1904 г., т. 52.—*Ѳ. Буслаевъ,* О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, М. 1848 годъ.

2. Вліяніе латинскаго языка.

Культурное вліяніе латинскаго языка, безспорно, занимаетъ первое мѣсто по вліянію на языки европейскіе. Въ теченіе многихъ столѣтій латинскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ почти всего Запада; научныя сочиненія писались этимъ языкомъ вплоть до XVIII столѣтія. Правда, для Запада языкъ этотъ не вполнѣ былъ мертвымъ,—изъ него, вѣдь, образовались современные романскіе языки (см. стр. 7).

Что касается вліянія латинскаго языка на языкъ русскій, то оно не было особенно замѣтнымъ,—это вліяніе преимущественно посредственное, т.-е. латинскія слова заходили въ нашъ языкъ не прямо, а при посредствѣ другого какого-либо языка, такъ что такія слова встрѣчаются не у насъ только, а у большинства культурныхъ народовъ.

Вліяніе латинскаго языка идетъ съ древнѣйшихъ временъ. Такъ, весьма рано въ славянскій языкъ вошли латинскія слова: муръ (лат. murus), м. б. олтарь (лат. altare), оцетъ (acetum), поганинъ (paganus)[1], цесарь[2]) (caesar, но возможно, что и изъ гот. kaisar), коляда (изъ calendae, первый день новаго года, праздновавшійся особенно торжественно), русаліи (радуница, изъ rosalia, праздникъ розъ), буйволъ (bos bubalus черезъ греч.

---

[1]) Наше *поганый* происходитъ отъ латинскаго paganus (вѣроятно, изъ греческаго) и означало сперва жителя *пага* (pagus—деревня, село); а такъ какъ язычество по селамъ и деревнямъ держалось значительно дольше, чѣмъ по городамъ, то слово paganus—поганый стало значить *языческій*, нечистый, нехристь; позже выработалось значеніе плохой, злой, дурной.

[2]) Отсюда, путемъ сокращенія, слово *царь*.

βούβαλος); древни также заимствованія плодовъ и растеній (какъ и греки, римляне широко вели плодоводство): роза, рожа (rosa), капуста, рѣдька [1]), черешня (cerasus, но м. б. и изъ греч. κέρασος) и др., а также котъ, кошка, жупелъ (м. б. изъ sulfur), корона (corona), сѣкира (securis), тополь (populus), голубь (columba), високосный (слово извѣстно съ начала XIII в., изъ лат. bissextus, но черезъ греч. βίσεξτος [2]), вино, монета и др. Старо, очевидно, и слово шапка [3]).

Изъ латинскаго взята часть нашихъ крестныхъ именъ: Викторъ, Виталій и др.

Многія слова латинскаго языка перешли въ ст.-сл. языкъ и къ намъ при посредствѣ языка греческаго въ византійскій періодъ его; такъ могли зайти слова: малорусское *каламарь* (чернильница, изъ лат. calamarium, черезъ греч. καλαμάρι, при посредствѣ польскаго kałamarz), кметь (изъ comes черезъ κόμης), коминъ (изъ caminum черезъ κάμινος), ленъ (изъ linum черезъ λίνον), скамья (изъ scamnum черезъ σκαμνίον) и мн. др.

Но главная масса заимствованыхъ словъ изъ латинскаго языка падаетъ на новое время. Шли эти слова обыкновенно съ Запада, причемъ передаточнымъ пунктомъ для нихъ были Польша и Южная Русь, особенно въ XV—XVII вв., гдѣ латинскій языкъ занималъ видное мѣсто. Таковы слова: циркуль, церемонія, фабула, мизерный, канцелярія, кляуза, индюкъ [4]), войтъ и мн. др.

Языкъ Южной Руси, напр., содержитъ не мало словъ, заимствованныхъ при посредствѣ Польши изъ языка латинскаго; таковы слова: муръ, муроваты (murus), оковыта (aqua vitae), турбоваты (turbare), оказія

---

[1]) Слово *рѣдька* сопоставляютъ съ латинскимъ radix; какъ слово заимствованное, его иногда пишутъ безъ *ѣ*: *редька*.

[2]) *М. Р. Фасмеръ*, „Живая Старина“ 1908 г. стр. 141—142.

[3]) Слово *шапка* у русскихъ извѣстно съ XIV вѣка; происходитъ оно отъ лат. cappa и пришло къ намъ при посредствѣ франц. chape; впрочемъ, могло зайти къ намъ и при посредствѣ германскомъ. См. Ѳ. Е. Коршъ, Сборникъ Дринову, 61.

[4]) Птица *индюкъ* привезена изъ американской Индіи, откуда ея латинское названіе indicus.

(occasio), помпа (насосъ), корокъ (изъ cortex), окуляры, окуратъ (accurate), аркушъ (arcus), гармата (armata), раптомъ (raptus), рація (ratio), байстрюкъ (изъ средн. лат. bastardus), бульба, ягня (agnus) и мн. другихъ.

И неудивительно: въ Южной Руси латинскій языкъ игралъ видную роль; въ школахъ помогиліанскаго періода ему принадлежало первое мѣсто среди изучаемыхъ дисциплинъ. Да и въ жизни латынь была необходимой,—bez łaciny płaci winy, какъ писалъ въ своемъ Exegesis'ѣ Сильвестръ Коссовъ; весь укладъ тогдашней жизни въ Польскомъ королевствѣ требовалъ практическаго знанія латинскаго языка.

Духовныя школы, гдѣ латинскій языкъ всегда усиленно изучался, безспорно, занесли въ нашъ языкъ не мало латинскихъ словъ; таковы, напр., слова семинарскаго происхожденія: ерунда (отъ лат. gerundium), бестія (изъ bestia), вакація (изъ vacatio), бурса (изъ bursa, byrsa) и мн. др.

Отъ потомковъ латинскаго языка, языковъ романскихъ, мы получили (при посредствѣ нѣмцевъ и Польши) *вы* въ значеніи *ты*; употребленіе *вы* въ значеніи *ты* извѣстно въ Московской Руси еще съ XVI ст.[1]).

Надо упомянуть еще о языкѣ нѣмецкомъ, на который сильно повліялъ языкъ латинскій (и прямо и при посредствѣ языка французскаго), давъ ему много своихъ словъ; въ свою очередь, нѣмецкій языкъ многія изъ заимствованныхъ латинскихъ словъ передалъ языку русскому, напр. котелъ (katillus), скриня (scrinium), черешня (cerasus или κέρασος), крамола (karmula), рѣдька, квартира, трактиръ, мастеръ (изъ лат. magister черезъ нѣм. Meister), корпусъ, войтъ, моментъ, дюжина[2]), жидъ (изъ лат. judaeus черезъ германцевъ и французовъ)[3]).

---

[1]) *Проф. А. И. Соболевскій,* Русскія заимствованныя слова, стр. 4.

[2]) Слово *дюжина* происходитъ изъ лат. duodecim; къ намъ пришло черезъ фр. douzaine, нѣм. Dutzend черезъ Польшу.

[3]) Академикъ Ѳ. Е. Коршъ полагаетъ, что слово *жидъ* скорѣе восточнаго происхожденія: по-арабски jahydi, по-персидски—джу-

Въ настоящее время латинскій языкъ является языкомъ научныхъ понятій, научной терминологіи. Многія новыя понятія, открытія и изобрѣтенія именуются латинскимъ словомъ. Медицинскія термины у большинства европейскихъ народовъ выражаются латинскими словами. Словарь подобныхъ словъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ состоитъ преимущественно изъ словъ латинскихъ.

Такихъ словъ весьма много и въ нашемъ языкѣ (они или заимствованы у нѣмцевъ или французовъ, или составлены нами): абсолютный, авторъ, администраторъ, аргументъ, сенатъ, губернаторъ, студентъ, экзаменъ, экстернъ, пролетарій (proletarius), протекція (protectio), магистръ, мальва, машина, медикъ, министръ, мулъ, мускусъ, натура, операція, опій и множество иныхъ.

Вліяніе латинскаго языка сказалось не только въ словарныхъ заимствованіяхъ, — латинскій синтаксисъ оказалъ большое вліяніе на многіе языки, напр. на нѣмецкую конструкцію предложенія. Длинный періодъ съ глаголомъ на концѣ—результатъ вліянія языка латинскаго: такъ любили писать у насъ въ эпоху Петра Великаго и при Екатеринѣ II-ой. Латинскій оборотъ accusativus et nominativus cum infinitivo оказалъ вліяніе и на русскій языкъ; такъ, у нашихъ старыхъ поэтовъ мы встрѣчаемъ такіе обороты: „Тебя душа моя *быть* чаетъ“ (Державинъ, „Богъ“), „Имъ печатный всякій листъ *быть* кажется святымъ“ (И. Дмитріевъ, Чужой толкъ“).

Такое выраженіе, какъ наше *хранить молчаніе*—простой переводъ латинскаго silentium servare. Много латинскихъ пословицъ и выраженій дословно употребляются въ нашемъ языкѣ, напр.: De mortuis aut bene, aut nihil; Vox populi—vox dei; Dura lex, sed lex и мн. другихъ.

---

hуд, откуда по-турецки чуфут, чывут или чывыт; очевидно, хозары передали это слово уже въ формѣ джіід. См. Сборникъ Дринову, 56.

3. Вліяніе церковно-славянскаго языка на языкъ русскій.

Въ дѣлѣ образованія русскаго литературнаго языка, безспорно, самую главную роль сыгралъ языкъ церковно-славянскій,—онъ обогатилъ нашъ языкъ весьма большимъ количествомъ словъ и сталъ фундаментомъ, на которомъ тотъ основанъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ языкъ русскій находился въ самой тѣсной связи съ языкомъ церковно-славянскимъ; вотъ почему въ нашемъ литературномъ языкѣ больше половины всѣхъ словъ,—церковно-славянскаго происхожденія. Эти церковно-славянскіе элементы въ нашемъ литературномъ языкѣ—одни изъ очень древнихъ элементовъ иноземнаго вліянія.

Старо-славянскій языкъ—это тотъ языкъ, на который первоучители славянъ—Кириллъ и Меѳодій—перевели книги священнаго писанія,—это македонское нарѣчіе древне-болгарскаго языка. Этотъ древній церковно-славянскій языкъ не должно смѣшивать съ языкомъ церковно-славянскимъ позднѣйшаго времени: послѣдній возникъ у насъ изъ взаимодѣйствій языка древняго церковно-славянскаго и русскаго (это такъ наз. церковно-славянскій языкъ русскаго извода, подвергшійся большому вліянію языка русскаго).

Вліяніе церковно-славянскаго языка на языкъ русскій началось весьма рано,—еще со времени введенія христіанства. Онъ сразу же сталъ у насъ языкомъ литературнымъ, который съ XI в. былъ у насъ и языкомъ разговорнымъ—языкомъ духовенства и образованнаго класса. „Древняя Русь получила изъ Болгаріи не только письменность, но и церковный языкъ, ставшій язы-

комъ и духовнаго и свѣтскаго образованнаго общества. Слѣдовательно, древняя Русь не избѣжала того самаго явленія, которое было пережито на Западѣ всѣми народностями: свои чувства и думы пришлось выражать не на родномъ а на иноземномъ языкѣ. Но на Западѣ такимъ языкомъ былъ латинскій, совершенно чуждый, напр., германскимъ народностямъ; у насъ же заимствованъ родственный языкъ—древне-болгарскій"[1]).

Такимъ образомъ, церковно-славянскій языкъ сталъ у насъ языкомъ литературнымъ и былъ имъ вплоть до XVIII-го ст. И только съ эпохи Петра Великаго языкъ этотъ занялъ уже болѣе скромное мѣсто.

Въ домонгольскій періодъ въ русскій языкъ проникло еще сравнительно мало славянизмовъ; но съ конца XIV—XV-го вѣка, когда усилилось южно-славянское вліяніе на Русь, ихъ становится уже весьма много. Кромѣ этого, въ XV—XVI ст. въ Россіи сильно увеличивается грамотность, заводятся школы, гдѣ изучаются книги, писанныя на языкѣ ц.-славянскомъ. Свѣтскихъ школъ наша древняя Русь не знала, была только школа духовная, въ которой учителемъ было лицо духовное и въ которой учились по церковнымъ книгамъ. Вотъ вслѣдствіе этого даже въ народный языкъ переходитъ много церковно-славянизмовъ, что мы видимъ по документамъ того времени. Живой московскій языкъ XVII-го в. былъ уже сильно насыщенъ церковно-славянскими элементами.

До Ломоносова нашимъ литературнымъ языкомъ былъ преимущественно языкъ церковно-славянскій. Ломоносовъ первый указалъ на необходимость писать живымъ русскимъ языкомъ, писать такъ, какъ говорятъ; онъ же отвелъ и должное мѣсто языку ц.-славянскому въ русской литературѣ (сочиненіе: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ"[2]), установивъ из-

---

[1]) *Акад. А. А. Шахматовъ,* Курсъ исторіи русскаго языка; ч. I, изд. 2, 1911 г., стр. 200—201.

[2]) Это знаменитое разсужденіе Ломоносова написано не ранѣе 1755 г., напечатано впервые въ 1757 г. Надо замѣтить, что оно не вполнѣ оригинально: ученіе о трехъ стиляхъ задолго до Ломоносова излагалось въ южно-русскихъ піитикахъ, которыя изу-

вѣстные три стиля. Но послѣдователи Ломоносова писали гораздо хуже его, не могли такъ тонко, какъ онъ, отдѣлить ц.-славянскую струю отъ русской; результатомъ этого было чрезмѣрное увлеченіе языкомъ ц.-славянскимъ. И только съ Карамзина въ литературѣ окончательно завоевываетъ себѣ мѣсто живой русскій языкъ; однако и въ произведеніяхъ Карамзина находимъ не мало ц.-сл. словъ, но онъ умѣло слѣдовалъ правиламъ Ломоносова, и ц.-сл. элементъ у него всегда у мѣста (объ этомъ см. еще стр. 76).

Не мало славянизмовъ находимъ въ стихахъ нашихъ писателей даже XIX-го вѣка: Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и др.; вообще нужно замѣтить, что поэтическій языкъ сохраняетъ славянизмы до послѣдняго времени въ немаломъ количествѣ. Но проза Пушкина и Лермонтова уже почти свободна отъ этихъ элементовъ.

Для того чтобы показать, какъ сильно отразилось вліяніе славянскаго языка на русскомъ, приведу извѣстное стихотвореніе А. С. Пушкина „Пророкъ“ (1826 г.); всѣ славянизмы здѣсь набраны курсивомъ.

„Пророкъ“.

Духовной *жаждою* томимъ,
Въ пустынѣ *мрачной я влачился,*
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ *зѣницъ* коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ—
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ,
И *внялъ* я неба *содроганье,*
И *горній* ангеловъ полетъ,

чались въ духовныхъ школахъ; въ Южную Русь это ученіе о трехъ стиляхъ проникло изъ піитики іезуита XVI в. Понтана; ученіе о стиляхъ въ зародышѣ имѣется уже у Горація въ его De arte poetica. См. А. П. Кадлубовскій: Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ, въ Сборникѣ въ честь Дринова, Харьковъ, 1908 г., стр. 83—89.

И *гадъ* морскихъ подводный ходъ,
И *дольней лозы прозябанье.*

И онъ къ *устамъ* моимъ *приникъ*,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И *празднословный*, и лукавый,
И жало мудр*ыя* змѣи
Въ *уста* замершія мои
Вложилъ *десницею* кровавой.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И *угль, пылающій* огнемъ,
Во грудь *отверстую* водвинулъ.

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога *гласъ ко* мнѣ *воззвалъ*:
„*Возстань, пророкъ*, и *виждь*, и *внемли*,
„Исполнились волею Моей,
„И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

На этомъ же примѣрѣ мы видимъ, какъ прекрасно Пушкинъ усвоилъ ученіе Ломоносова „о трехъ штиляхъ“ и какая у него полная гармонія между содержаніемъ и формой.

Ц.-славянизмы бываютъ двухъ родовъ: 1) общераспространенные въ нашемъ языкѣ, вошедшіе въ него давно, свободно употребляемые даже въ народной рѣчи, какъ, напр.: истина, нужда, одежда, надежда и т. п., и 2) слова, извѣстныя только изъ языка книжнаго: реку, понеже, чесо, поелику, зане и т. п. Только эти послѣдніе еще чувствуются, какъ что-то чуждое въ языкѣ, первые же совершенно сроднились съ нашей рѣчью.

Заимствованій изъ ц.-славянскаго въ нашемъ языкѣ чрезвычайно много. Мы разсмотримъ только важнѣйшіе и безспорные случаи этого заимствованія.

1) Слова съ *ра, ла, ре(рѣ), ле(лѣ)* считаются славянизмами; въ русскомъ языкѣ вмѣсто нихъ употребляются т. наз. полногласныя формы (съ *оро, оло, ере, ело);* напр. в*ра*гъ—ц.-сл. слово, в*оро*гъ—русское. Таковы слова: *ра:* вражда, праздникъ, странникъ, зракъ, прахъ, краткій, стражъ, нравъ, здравствуй, гражданинъ, ограда, страна, срамъ, храбрый, храмъ; *ла:* гласъ, младость, облако, прохлада, пламя, владѣть, младшій, младенецъ, сладкій, главный, власть, возгласъ,

гласный, гладъ, хладъ, глава; *ре:* время, среда, чрево, бремя, древо, прежде, впредь, жребій, брегъ, прибрежный, предъ, прежній, предѣлъ, чрезъ; *лѣ, ле:* плѣнъ, влеку, влеченіе. И мн. др.

2) Славянизмами считаются слова со звукомъ *жд* въ корнѣ (образовавшимся изъ измѣненія зубного *д* передъ *j*), въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ находимъ только *ж:* ро*жд*ество—ро*ж*ество; таковы славянизмы: насаждать, стражду, награждать, разсужденіе, прежде, невѣжда, блуждать, принуждать, жаждать, нужда, между, тождество, вождь, одежда, надежда, чуждый и мн. др.

3) Славянизмами считаются слова со звукомъ *щ* въ корнѣ (образовавшимся изъ измѣненія зубного *т* передъ *j*), которому въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *ч:* немощь—немочь; пещера, помощь, мощь, сообща, общій, община, освѣщать, просвѣщать, восхищаться, вообще, возмущеніе, обѣщать, пища, ощущать, посѣщать, священникъ, посвящать и мн. др.

4) Слова съ приставкою *раз*—славянизмы: разный, разумъ, распря, разграбить, разнесть; въ русскомъ языкѣ этой приставкѣ соотвѣтствуетъ *роз:* розумъ.

5) У насъ весьма часты причастія на *-щій:* просящій, молящій, будущій, стоящій и т. п.—все это славянизмы: русскія причастія должны оканчиваться на *-чій,* причемъ эти причастія въ нашемъ языкѣ обыкновенно стали прилагательными: горячій, бродячій, сыпучій, висячій и т. п.

6) Отглагольныя существительныя на *-ніе*—славянизмы, русскія подобныя формы имѣютъ *-нье:* желаніе—желанье; гаданіе, воскресеніе, содержаніе, собраніе, волненіе, успеніе, увѣреніе, возмущеніе и т. п.

7) Произношеніе звука *g* какъ γ также славянизмъ, зашедшій въ русскій языкъ изъ Южной Руси еще до XVI вѣка.

8) Произношеніе ударяемаго звука *е* передъ твердой согласной вмѣсто ожидаемаго *ё*—славянизмъ (въ ц.-славянскомъ языкѣ нѣтъ звука *ё*): ветхій, перстъ, крестъ, жертва, хребетъ, тщетный, бездна, трезвый, а

также причастія: вдохновéнный, надмéнный, откровéнный, смирéнный, неизречéнный и мн. др.[1]).

9) Прилагательныя на *-ый* и *-ій* въ московскомъ нарѣчіи, лежащемъ въ основѣ нашего литературнаго языка, всегда произносятся съ *-ой, -ѣй* на концѣ: доброй, синѣй; произношенія же этихъ словъ такъ, какъ ихъ пишемъ—добрый, синій—славянизмъ въ нашемъ языкѣ.

10) Славянизмами считаются и тѣ слова, которыя содержатъ гласныя *о* или *е* на мѣстѣ выпавшихъ древнихъ ъ и ь (преимущественно въ приставкахъ-предлогахъ): возвелъ, востокъ, сокрыть, воспомнить, возрыдать, соборъ, купеческій (ср. купецкій), греческій и мн. другихъ.

11) Славянскимъ вліяніемъ надо обяснить вообще произношеніе слова такъ, какъ оно написано: добраго (вм. добр*аво*), его (вм. *ево*), ея (вм. её), нея (вм. неё).

12) Наша современная орѳографія весьма многимъ обязана церковно-славянскому языку; напр., употребленіе буквъ *ъ, ѣ, ѳ, ѵ*, написанія дабраго, его, добрый и мн. др.

Нѣкоторые славянизмы имѣютъ у насъ иное значеніе, чѣмъ соотвѣтствующія имъ русскія формы; такъ, разны по значеніямъ слова: власть и волость, глава и голова, наградить и нагородить, прахъ и порохъ, храмъ и хоромы, развратить и разворотить, и т. п.

Литература. *М. А. Максимовичъ,* Собраніе сочиненій, т. III, гл. VIII.—*И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ,* Подробная программа лекцій въ 1876—1877 уч. году, глава 8. Вліяніе старославянской письменности на фонетическую сторону русскаго языка, Казань, 1878 г.—*А. А. Шахматовъ,* Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка, Спб., 1913 г. гл. I, стр. 23—59.—*А. И. Соболевскій,* Исторія церковно-славянскаго языка, 1892 г.—*Е. Будде,* Очеркъ исторіи литературнаго русскаго языка (XVII—XIX в.), 1908 г.—*С. К. Буличъ,* Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, 1903 г.—*А. В. Михайловъ,* Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма, 1911 г., стр. 143—152.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ „Словарѣ неправильныхъ словъ" стр. 225—240.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Заимствованія новаго времени.

Переходимъ теперь къ выясненію тѣхъ вліяній на русскій языкъ, которыя сказались преимущественно въ позднѣйшее время. Правда, начало этихъ вліяній иногда относится также къ довольно отдаленной порѣ въ жизни нашего языка; но въ виду того, что эти вліянія сказались главнымъ образомъ въ новое время, мы поэтому и относимъ ихъ въ особый отдѣлъ. Въ отличіе отъ вліяній перваго періода, больше шедшихъ съ востока и юга и часто вызванныхъ военными столкновеніями, вліянія новаго времени обыкновенно шли съ Запада при культурномъ ростѣ нашей родины. Слова, вошедшія въ русскій языкъ въ первый періодъ, заимствованными уже не чувствуются, тогда какъ въ заимствованіяхъ новаго времени ясно замѣтно чужеземное происхожденіе ихъ.

Западное вліяніе на русскій языкъ.

До недавняго времени былъ распространенъ взглядъ, что мы боялись Запада и съ отвращеніемъ и страхомъ сторонились всего „нѣмецкаго“. Теперь такой взглядъ наукой отбрасывается, какъ не соотвѣтствующій дѣйствительности.

Наши сношенія съ Западомъ начались въ очень давнюю пору,—именно, съ начала нашей исторіи, и чѣмъ дальше, тѣмъ эти сношенія все оживлялись и увеличивались. Въ XIV вѣкѣ эти сношенія были уже

довольно широкими, а въ XVI и XVII вѣкѣ наше знакомство съ Западомъ достигло большихъ размѣровъ.

Эти наши сношенія съ Западомъ сперва выражались преимущественно въ видѣ торговыхъ сношеній,— особенно широко велъ ихъ съ нѣмцами Новгородъ. Кромѣ торговыхъ сношеній, были и другіе пути нашего знакомства съ Западомъ: путешествія, войны, иностранцы, часто пріѣзжавшіе къ намъ и часто призываемые къ намъ на службу.

Западное вліяніе во всей своей массѣ все же не было прямымъ,—его передавали намъ отчасти южные славяне, главнымъ же образомъ Польша и Южная Русь.

Литература о западномъ вліяніи на русскій языкъ. *Н. А. Смирновъ,* Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху, 1910 г.—*И. И. Огіенко,* Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго, 1911 г.— *Д. К. Зеленинъ,* Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.; рукопись, не напечатана; о ней рецензія Ѳ. Е. Корша въ „Отчетѣ о первомъ присужденіи премій имени М. И. Михельсона“, въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и слов.“, т. LXXVIII, стр. 22—32.—*П. Ефименко,* Слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“ за 1859 г., № 46.—*Л. Винеръ,* Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ; „Живая Старина“ за 1895 г. т. V, отд. II, стр. 57—70.—*А. И. Соболевскій,* Кольцовъ въ исторіи русской литературы, „Извѣстія“ 1909 г. кн. 4.—*Его же*: Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка, „Ж. М. Н. Пр.“ за 1911 г.—См. еще литературу, указанную въ моемъ „Словарѣ неправильныхъ словъ“, изд. 2-е, 1914 г., стр. 271—277.—См. еще литературу на стр. 73, 86.

Польское вліяніе. Вліяніе южно-русское.

До XVI-го вѣка литературнымъ польскимъ языкомъ былъ языкъ латинскій, который до сихъ поръ у поляковъ остается языкомъ церкви, почему и понятно широкое вліяніе языка этого на польскій.

Кромѣ того, на польскій языкъ оказалъ большое вліяніе языкъ нѣмецкій, но не прямо, а посредствомъ языка чешскаго, который подвергся большому вліянію языка нѣмецкаго. Чешскій языкъ одно время былъ языкомъ большой культуры для всѣхъ западныхъ славянъ; не удивительно поэтому, что польскій языкъ воспринялъ отъ чешскаго много нѣмецкихъ словъ: въ XIV—XVI в. чешскій языкъ, чешская литература были въ большомъ ходу въ Польшѣ и во всей Юго-Западной Руси; среди польскаго общества чешскій языкъ служилъ признакомъ образованности.

Чешское вліяніе отразилось и на Литвѣ, особенно съ начала XV-го вѣка, когда начались сношенія съ гуситами. Гуситы находили радушный пріемъ въ Вильнѣ; чешскія книги свободно вращались по всему краю. Извѣстный западноруссъ д-ръ Францискъ Скорина поселился въ Прагѣ, столицѣ Чехіи, гдѣ и занимался переводомъ священныхъ книгъ. Все это, конечно, не могло остаться безъ вліянія на языкъ.

Вотъ почему Польша передала намъ много западныхъ словъ изъ разныхъ языковъ, преимущественно нѣмецкаго, напр.: бляха (нѣм.), будка (герм.), бунтъ (нѣм.), винтъ (нѣм.), вирша (лат.), гвалтъ (нѣм.), крахмалъ (нѣм.), рынокъ (нѣм.), рама (нѣм.), тарелка (нѣм.),

шлюзъ (нѣм.), шляхта (нѣм.), шнуръ (нѣм.), штора, стора (лат., ит.), штука (нѣм.) канарейка [1]) и др.

Съ XVI-го вѣка культурное развитіе Польши пошло впередъ быстрыми шагами и нашъ языкъ не мало заимствовалъ отъ языка польскаго; Польша была первой и главной ступенью въ дѣлѣ нашего сближенія съ Западомъ. Такъ, Польша передала намъ административныя нѣмецкія названія, нѣкоторые военные термины, напр.: амуниція, армія, баталія, дивизія, хорунжій, атаковать, вербовать, штурмовать, гетманъ, пушка, курокъ (kurek, дословный переводъ нѣм. Hahn—ружейный курокъ, пѣтухъ), м. б. офицеръ и пр.

Полонизмами въ нашемъ языкѣ считаются: каплица, водка, венгры, вензель, сбруя, злотъ, картина, мѣстечко, панъ, писарь, полковникъ, поручикъ, предметъ, урядникъ, шляхта, арапникъ, опека, мѣшкать, банка, строгій; краковякъ, венгерка, полька, мазурка, аренда, гарнецъ, гонта, ермолка, жупанъ, зразы, клянчить (klęczeć), кофта, легавый, манерка (солдатская походная баклажка), метрика, нашильникъ (ремень отъ хомута къ концу дышла), облатка и мн. др.

Полонизмами можно считать и такія выраженія, какъ *имѣетъ быть*, *имѣетъ явиться*, *запомнить* (вмѣсто забыть) и т. п.

Есть у насъ нѣсколько *чешскихъ* словъ, зашедшихъ въ русскій языкъ черезъ Польшу: прапоръ, прапорщикъ, рота и др.; въ малорусскомъ: блазень, едвабь (шелкъ) и др.

Польскому вліянію прежде всего подпала Южная Русь. Вліяніе это началось рано,—уже въ XIV вѣкѣ въ южно-русской рѣчи есть полонизмы. Вліяніе это съ теченіемъ времени все разросталось, и дошло до того, что ополячилась почти вся южно-русская знать. О языкѣ и говорить нечего: литературный южно-русскій языкъ, особенно XVII-го вѣка, сплошь пересыпанъ полонизмами. Этотъ книжный языкъ Южной Руси XVII-го вѣка представляетъ вообще пеструю смѣсь изъ языка

---

[1]) Названіе *канарейка* произошло отъ имени Канарскихъ острововъ, откуда эта птичка вывезена.

живого, церковно-славянскаго, польскаго и латинскаго.

Вотъ образецъ такого языка (изъ книги Іоанникія Галятовскаго, знаменитаго южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка, „Небо Новое“ 1665 г. л. 131 об.). „Обыватель *еденъ* Александрійскій, ѣдучи до Царíграда, поручилъ Пречистой Дѣвѣ *жону* и *цорку* свою, слуга его въ *дому́* зоставши, хотѣлъ *па́нюю* и *цорку забити, а́ле олсну́лъ* и въ двери не *трафилъ*“.

Вотъ еще одинъ образецъ южно-русской литературной рѣчи XVII в. (изъ той же книги, л. 131). „Елзеарій, *Гды* уродился, *офѣровано* его Пречистой Дѣвѣ Богородици, *пóтымъ едной* ночи Ґарсенда мамка его въ церквѣ молилася Богу *за* него и чула отъ Христа голосъ: Дитяти тому, за которое ся такъ много молишъ, вѣдай, *жемъ* далъ Матку свою за *научителку*, нѣчого жъ о немъ не маешъ *вонтпити*“.

Вліяніе польское проникло въ Южную Русь такъ глубоко, что, напр., духовенство часто писало свои сочиненія по-польски, а въ 1635 г. въ типографіи Кіево-Печерской Лавры былъ напечатанъ Патерикъ Печерскій—на польскомъ языкѣ. Одно время Кіевская духовная академія называлась даже Полоно-Славяно-Латинской. Изъ польскаго языка южноруссы заимствовали не только словарный матеріалъ, но отчасти и его форму, морѳологію, синтаксисъ и пр.

Современная малорусская рѣчь содержитъ въ себѣ весьма много заимствованій изъ языка польскаго (въ бѣлорусскомъ нарѣчіи заимствованій изъ польскаго также весьма много); таковы, напр. слова: бавытысь, багно, брама, брудный, быдло, вапна (изъ гр.), вильготный, жадный (źaden), жвавый, жебракъ, зычыты, скарга, филижанка, хлюсть, шлюбъ и мн. др. Впрочемъ, надо замѣтить, что вопросъ о вліяніи языка польскаго на языкъ южно-руссовъ—вопросъ темный и спорный, такъ какъ очень трудно разграничить сферу вліянія этихъ языковъ другъ на друга, а вліяніе было именно другъ на друга; трудность рѣшенія этого вопроса увеличивается еще тѣмъ, что въ данное время ни поляки ни малороссы не имѣютъ полнаго историческаго словаря своего языка,—только съ помощью такихъ сло-

варей были бы разрѣшены многіе темные вопросы польско-малорусскаго вліянія [1]).

Польское вліяніе на русскій языкъ не всегда было прямымъ,—преимущественно его занесли южно-руссы. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ рано появились южно-русскіе выходцы, которые взяли въ свои руки московское духовное просвѣщеніе; и вотъ по этой-то причинѣ въ русскій языкъ вторгаются южно-русскіе слова и обороты, а подъ ихъ покровомъ и полонизмы. Появляются въ изобиліи переводы съ польскаго языка, обыкновенно полные полонизмовъ [2]); знаніе польскаго языка уже не считается рѣдкостью [3]); царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ зналъ польскій языкъ. Понятно, все это должно было такъ или иначе отразиться на русскомъ языкѣ.

При Петрѣ Великомъ и вообще въ Петровскую эпоху польское вліяніе на русскій языкъ было весьма значительнымъ; памятники этой эпохи пестрятъ такими полонизмами: вельможный, власный, власность, грунтовный, згода, маетность, належать, околичный, освѣцоный, яснеосвѣцоный, персона, пильный, посполу, прикладъ, наприкладъ, шкода, шкодить, шляхетный и мн. др. Переписка Петра кишитъ полонизмами; князь Куракинъ употребляетъ ихъ въ своемъ дневникѣ на каждомъ шагу: ведлугъ, презъ и др.; у Котошихина ихъ не мало: допоможеніе, вѣра папѣжская, забоецъ и др.

И не только отдѣльныя слова,—полонизмы проникаютъ и въ русскій синтаксисъ. У самого Петра читаемъ: „Я *на то* позволилъ“ [4]), „Предложенія, *до* общей нашей ползы служащія“ [5]) и мн. др.

---

[1]) *И. И. Огіенко,* Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ; „Р. Ф. В.“, 1911 г. кн. 3—4, с. 358—359.

[2]) Иногда полонизмы эти дословные: „Никто ея не видалъ *до тѣхъ мѣстъ,* пока щучью голову на столъ принесли“; „Шутовская комедія“, см. „Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго“ В. Н. Перетца, 1903, стр. 520.

[3]) См. у *И. А. Шляпкина,* Св. Димитрій Ростовскій, Спб. 1891, стр. 67sq. факты, свидѣтельствующіе о распространеніи знанія польскаго языка.

[4]) Письма и бумаги Имп. Петра Великаго, 1889 г. т. II, 277; см. и III, 355. [5]) Ibidem, II, 240.

Польское и южно-русское вліянія отражаются на русскомъ языкѣ до настоящаго времени. Но вліяніе это теперь мало распространяется на литературный языкъ; зато оно сильно сказывается на разговорномъ русскомъ языкѣ всей Юго-Западной Россіи. Такъ, на югѣ Россіи *кривой* значитъ только хромой (тогда какъ по-русски это слѣпой на одинъ глазъ); чаще скажутъ: стегнулъ лошадь *батогомъ*, а не кнутомъ; я *былъ* пришелъ, она *была* испугалась; я служилъ *за* учителя; ждать на брата (czekać na brata, warten auf); *ложи* книгу; *нанимается* квартира; ихъ было *двухъ*; послалъ *писемцо*; *подъ гору* не могу итти—задыхаюсь (на югѣ Россіи *подъ гору* употребляютъ только въ смыслѣ вгору, нагору, тогда какъ по-русски *подъ гору* итти — значитъ спускаться съ горы, идти къ подошвѣ горы); санная путь, купилъ *два сажня* (двѣ сажени) дровъ, и великое множество другихъ подобныхъ словъ и выраженій [1]).

Литература. *П И. Житецкій,* Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ, Кіевъ, 1889 г.—*Его же,* Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст., „Извѣстія“ за 1903 г. кн. 2, с. 1—51.—*Его же,* О переводахъ Евангелія на малорусскій языкъ, „Извѣстія“ 1906 г. т. X кн. 4 стр. 1—65.—*А. А. Шахматовъ,* Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка, Спб. 1913, стр. 59.—*Лебедевъ,* Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи, Спб., 1848 г.—*И. И. Огіенко,* Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго, 1911 г.—W. A. Christiani, Über das Eindringen von Fremdwörtern in die Russische Schriftsprache des 17 und 18 Jarhunderts; Berlin, 1906.—A. A. Kryński, O wpływie języka łacińskiego na polski, „Zborn. Jag.“, 363—368.

---

1) Полный списокъ подобныхъ выраженій, вкоренившихся въ разговорной рѣчи на окраинахъ Россіи, см. въ моей книгѣ: „Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи“, Кіевъ, 1914 г., изд. 3-е.

Эпоха Петра Великаго.

Наши заимствованія съ Запада достигли большого размѣра особенно въ эпоху Петра Великаго. Великій Преобразователь усилилъ наши сношенія съ Западомъ, полною рукою заимствовалъ оттуда все, что могъ, отъ своихъ подданныхъ требовалъ европейскаго образованія. Многія реформы, намѣченныя жизнью еще до Петра Великаго, нашли въ немъ своего завершителя. А всѣ эти новыя понятія, новыя учрежденія, должности и т. п. потребовали, конечно, и новыхъ словъ. Такъ, въ Петровскую эпоху было заимствовано (изъ языковъ преимущественно германской семьи) весьма много словъ административныхъ (асессоръ, бухгалтеръ, маклеръ, полицеймейстеръ и мн. др.), морского дѣла, военныхъ, научныхъ и техническихъ терминовъ и т. п. Перенимается и латино-нѣмецкій строй предложенія—длиный періодъ съ глаголомъ-сказуемымъ на концѣ, закрѣпленный въ нашей литературѣ Ломоносовымъ и просуществовавшій вплоть до Карамзина и даже до Пушкина; напр., изъ писемъ Петра Великаго: „Я не могу оставити нѣкоторыя предложенія, до общей нашей ползы служащія“ [1]). Еще примѣръ; „Несчастное сердце въ безпрестанныхъ унынiяхъ терзалось“ (романъ „Непостоянная фортуна“ 1763 г.).

Въ Петровскую эпоху въ нашъ литературный языкъ вошло весьма много иностранныхъ словъ, употребленіе которыхъ въ языкѣ было тогда модой; впрочемъ, большинство этого иноземнаго наслоенія ока-

[1]) Письма и бумаги Импер. Петра Великаго, Спб., 1889 г., т. II стр. 240.

залось нежизненнымъ и отпало отъ нашего языка довольно быстро, напр. слова: негоціація, ремонстрація, реверсъ, регулъ, викторія, конфузія, фортеція и т. п. Конечно, словарный матеріалъ Петровской эпохи, что касается заимствованныхъ словъ, въ большомъ количествѣ шелъ черезъ Польшу и Южную Русь.

Основывая новые города, Петръ любилъ давать имъ нѣмецкія названія: Петербургъ[1]), Шлиссельбургъ, Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Екатерингофъ и мн. др.[2]).

Языкъ Петровскаго времени кишѣлъ заимствованными словами самаго разнообразнаго происхожденія; языкъ самого Петра полонъ варваризмовъ, напр.: „*Мартиры* новой *инвенціи* полевыя“ [3]), „Въ *факцыи* былъ Шведцкой“ [4]), „Проситъ, чтобы учинить жалованье по его царскаго величества *мандату*, въ которомъ *мандату* изволилъ обѣщать по Саксонскому противъ *корантовъ албертусами талерами*“ [5]). А вотъ такіе же примѣры у кн. Ѳ. Куракина: „Подъ Ѳроуштатомъ была *баталія*, гдѣ наши *отримали викторію*“ [6]), „Чтобы не принуждали въ такихъ *кондиціяхъ акцептовать* дацкой дворъ *кварантію*“[7]), „*Режанція* (regence) шведская трудится, когда хотятъ *гарантировать*“ [8]).

Въ то время иностранныя слова такъ пропитали русскую рѣчь, употребленіемъ ихъ постольку не скупились, что, напр., Петръ Великій, самъ любившій употреблять иноземныя слова, вынужденъ былъ написать

---

[1]) Имя *Петроградъ* въ Россіи долгое время употреблялось въ XVIII и началѣ XIX ст.; славянофилы употребляли только это имя; употребляли его и поэты, напр., Пушкинъ: „Надъ омраченнымъ *Петроградомъ* дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ“ („Мѣдный Всадникъ“ 1833 г.). Имя Петроградъ вм. Петербургъ рекомендуетъ *Г. И. Мейеръ*, „Фил. Зап.“ 1876 г. вып. 5.

[2]) Нѣмцы поступаютъ обратно: старыя славянскія географическія названія передѣлываютъ на нѣмецкія; такъ, изъ *Браниборъ* получился Brandenburg, изъ *Лаба*—Elbe, изъ *Львовъ*—Löwenburg и Lemberg и т. п.

[3]) Письма и бумаги Петра Великаго т. III, стр. 474.

[4]) Ibidem, т. I, стр. 717.

[5]) Ibidem, т. III, стр. 10.

[6]) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, т. I, стр. 208, Спб. 1890.

[7]) Ibidem, т. III, стр. 291.

[8]) Ibidem, т. IV, стр. 177.

своему послу Рудаковскому: „Въ реляціяхъ твоихъ употребляешь ты зѣло много польскіе и другіе иностранные слова и термины, за которыми самаго дѣла выразумѣть невозможно: того ради впредь тебѣ реляціи свои къ намъ писать всѣ россійскимъ языкомъ, не употребляя иностранныхъ словъ и терминовъ“ [1]).

Дальнѣйшая эпоха. Карамзинъ.

Увлеченія западными заимствованіями продолжались и послѣ Петра Великаго, при его преемникахъ; нѣкоторые писатели въ этомъ доходили до крайности, дѣлая совершенно ненужныя заимствованія; особенно большое увлеченіе было языкомъ французскимъ. Конечно, также и вліяніе языка ц.-славянскаго оставалось въ полной силѣ. Такимъ образомъ въ литературномъ языкѣ того времени боролись двѣ стихіи: старая, ц.-славянская, и новая, иноземная.

Противъ многихъ славянизмовъ въ русскомъ языкѣ возставалъ еще *Тредьяковскій,* заявившій въ 1730 г., что ц.-славянскимъ языкомъ должно писать только книги церковныя, для свѣтскихъ же книгъ нуженъ языкъ разговорный. Тредьяковскій ввелъ въ нашу рѣчь такія слова: вѣроятный, достовѣрный, естественность, искусство, нравственный, подлежащее, провидѣніе, разумность, чувственность и др. (о роли Ломоносова см. выше, стр. 62).

Карамзинъ считается у насъ творцомъ новаго литературнаго языка. Онъ заботился объ умѣренномъ употребленіи словъ языка ц.-славянскаго, совсѣмъ не думая изгонять его изъ языка русскаго. Такъ какъ языкъ русскій въ то время былъ еще сравнительно бѣднымъ въ отношеніи количества словъ, необходимыхъ для культурнаго обихода, то Карамзинъ составлялъ новыя слова преимущественно по образцу словъ французскихъ и употреблялъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ; нововведеній этихъ, все-таки, у Карамзина не

---

[1]) *С. Соловьевъ,* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ; Москва, 1869 г., т. XVIII, стр. 87.

такъ уже много, а нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись и до него, правда, нерѣшительно: публичный, вліяніе (по образцу франц. influence, а раньше оно значило *вливаніе*), развитіе (développement), утонченный (raffiné), трогательный (touchant), тронуть (toucher), положеніе (situation), вкусъ (goût), сосредоточить (concentrer), промышленность, водоёмъ, лавина, носильщикъ, выпуклый, человѣчный, переворотъ, потребность, занимательный (intéressant), представитель, обдуманность, оттѣнокъ и др. Всѣ эти слова Карамзинъ часто употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, чѣмъ и далъ имъ, такъ сказать, права гражданства въ русскомъ языкѣ. Проза Карамзина долго служила образцомъ для многихъ писателей.

Но послѣдователи и подражатели Карамзина сильно злоупотребляли нововведеніями и заимствованіями. Вотъ изъ-за этого и возгорѣлась жаркая борьба, главное участіе въ которой принималъ извѣстный адмиралъ *А. С. Шишковъ*, президентъ Академіи Наукъ и министръ народнаго просвѣщенія, авторъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“ 1803 г. Шишковъ возставалъ не столько, собственно, противъ Карамзина, который въ заимствованіяхъ всегда придерживался извѣстной мѣры, сколько противъ его неудачныхъ подражателей. Но борьба Шишкова и его приверженцевъ противъ нововведеній не имѣла успѣха, такъ какъ Шишковъ въ своемъ увлеченіи церковно-славянскимъ языкомъ терялъ разумную мѣру, употребляя такія слова, какъ *поне, зане, брашно, требище, непщевать, гобзованіе, любомудріе, умодѣліе* и др., или замѣняя слово *развитіе* словомъ *прозябеніе* („прозябеніе талантовъ“), героизмъ — словомъ *добледушіе*, фортепіано — *тихогромы*, вліяніе—*наитствованіе*, миѳологія—*баснословіе*, центръ —*ость*, актеръ—*лицедѣй* и т. п. [1]).

Дальнѣйшіе писатели обыкновенно не стѣснялись въ употребленіи заимствованныхъ словъ въ своихъ сочиненіяхъ, хотя струя церковно-славянская у нихъ также велика. Такъ, *Пушкинъ* не считалъ заимствованій изъ

[1]) См. такія же попытки въ новое время, стр. 17.

иностранныхъ языковъ явленіемъ нежелательнымъ. „Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы", писалъ онъ къ князю П. Вяземскому. „Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго,—яснаго, точнаго языка прозы, то-есть языка мыслей"[1]).

Литература, см. стр. 68 и 73.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію вліянія отдѣльныхъ западныхъ языковъ, изъ которыхъ нашъ языкъ заимствовалъ множество словъ преимущественно въ новое время.

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 136, по изд. П. О. Морозова, Спб. 1887 г.

Вліяніе языка нѣмецкаго.

Какъ мы уже выше говорили, нѣмецкое вліяніе на русскій языкъ началось весьма рано; древними заимствованіями изъ нѣмецкаго языка у насъ являются (преимущественно слова сѣверно-германскія): берковецъ, гридь, гридница, ларь, судъ, тіунъ, шелкъ, ябедникъ, якорь и др.; давни также заимствованія: буса, карась [1]), киверъ, кружево, мускатъ, пава, павлинъ, попугай, сума, шляпа, яхонтъ, рында и др. (Объ этомъ см. выше, стр. 39—43).

Усилилось это вліяніе уже съ XIII в., когда на берегахъ Балтійскаго моря былъ основанъ нѣмецкій орденъ меченосцевъ, съ которымъ русскіе часто вступали въ ожесточенную и продолжительную борьбу.

Нѣмецкіе купцы изъ Любека, Бремена, Ростока, Штеттина, Данцига, Дерпта, Ревеля и др. мѣстъ съ древнихъ временъ имѣли торговыя сношенія съ Россіей, преимущественно съ Новгородомъ; а это, конечно, повело къ заимствованіямъ изъ языка нѣмецкаго.

Особенно сильно шло нѣмецкое вліяніе черезъ Польшу (при посредствѣ Чехіи, см. стр. 69) и Южную Русь; такъ зашли къ намъ слова: гвалтъ, почта, пробовать, рынокъ, рыдванъ, стулъ, смаковать, танцовать, танецъ, фасоль, чиншъ, шкапа, шпилька, бердышъ, брюква, бунтъ, гербъ, гротъ, карла, клёцка, лампа, лодыга, магнатъ, минога и мн. др. Шло также нѣмецкое вліяніе и прямымъ путемъ—при нашихъ торговыхъ сношеніяхъ, а также и черезъ поселившихся въ Россіи нѣмцевъ (Нѣмецкая Слобода; въ старое

---

[1]) Рыба эта происходитъ изъ рѣки Эльбы.

время въ Россіи всѣхъ иностранцевъ называли нѣмцами).

Нѣмцы познакомили насъ со многими колоніальными предметами, какъ, напр., апельсинъ, коринка, нанка и др. [1]).

Особенно много вошло къ намъ нѣмецкихъ словъ (и непосредственно и при помощи Польши и Малороссіи) въ эпоху Петра Великаго. Такъ какъ Германія въ это время уже процвѣтала культурно, и она сильно развила административное дѣло, то мы взяли у нея много административныхъ терминовъ: бухгалтеръ, маклеръ, полицеймейстеръ, архивъ, контора (изъ ит.), канцелярія, гильдія, маклеръ, канцлеръ, войтъ, гмина, нотаріусъ и др.; наша табель о рангахъ взята у нѣмцевъ; у нихъ же мы заимствовали не мало военныхъ названій: юнкеръ, вахтеръ, ефрейторъ, генералитетъ, лозунгъ, фейерверкеръ, фельдфебель, цейхгаузъ, гауптвахта, вахта, горнистъ, егерь, ефесъ, курьеръ, лагерь, орденъ, корпусъ и др.; немного морскихъ терминовъ: бухта, курсъ, шлюпка, лавировать, пиратъ, яхта (извѣстна въ Россіи уже въ половинѣ XVII вѣка) и нѣк. др.

Изъ нѣмецкаго же взяты слова: марка, парикмахеръ, почтамтъ, балка (брусъ), планка, картузъ, клеверъ, локонъ, фляга, сардель, рюмка (изъ Römerglas), лацканъ, рига, салфетка, крендель, фунтъ, тюрьма, расшива Reiseschiff), кухня (при посредствѣ языка польскаго; старорусское слово *поварня* встрѣчается еще въ XVII ст., но съ эпохи Петра Великаго вытѣсняется словомъ *кухня*), галстукъ, графъ, камзолъ, канифасъ, капутъ, комплектъ, кахля, керосинъ, кондитеръ (изъ испанскаго), кучеръ, лава, лавина, лакрица, латунь, лотерея, мазурикъ, марганецъ, минута, мопсъ, мундштукъ, муфта, маляръ и мн. иныя.

Столярное и слесарное ремесло многимъ обязано нѣмцамъ; у нихъ мы взяли, напр., слова: стамезка,

---

[1]) Названіе *апельсинъ* у насъ отъ нѣм. Apfel-sine, китайское яблоко, такъ какъ апельсинъ вывезенъ въ XVI в. изъ Китая.—*Коринка* получила свое имя отъ города Коринѳа, откуда она получается.—*Нанка* получила названіе отъ города Нанкина, откуда эта ткань вывозится.

слесарь, болтъ (изъ англ.), бляха, бондарь, гакъ (малорусск.), гайка, верстакъ (изъ Werkstatt), кастрюля, клапанъ, кранъ, крахмалъ, винтъ и др.

Названія предметовъ сапожнаго ремесла пришли оттуда же: дратва (изъ Drat), рашпиль (напилокъ, Raspel), галунъ (квасцы, нѣм. Galon изъ лат. alumen), вакса, клейстеръ, цвяхъ (гвоздь, изъ Zapfen), купервасъ (купоросъ, Kupferwasser), шлиферъ и мн. др.; слова эти перешли при посредствѣ Польши въ Южную Русь, очевидно, въ эпоху расцвѣта цеховыхъ организацій.

На южную Русь, какъ мы видѣли (см. стр. 70—71), Польша оказала весьма большое вліяніе, передавъ ей значительное количество западныхъ словъ; вотъ почему много также въ малорусской рѣчи и словъ изъ языка нѣмецкаго; эти слова попали въ Южную Русь, конечно, не прямо, а при посредствѣ Чехіи и Польши; такъ, въ малорусскомъ находимъ: бавéлна или бавóвна (нѣм. Baumwolle), бракъ (порча), ґмахъ (Gemach), дахъ (Dach), дéко (противень, Dekke), крéйда (Kreide, лат. creta), любистокъ (Liebstöckel, изъ лат. ligusticus—растеніе изъ Лигуріи), мýсыты (müssen), пасуваты (passen), пляшка (Flasche), пы́тель (стар. нѣм. pûtil, совр. Beutel), рахýнокъ (Rechnung), смакуваты (schmecken), стéльмахъ (Stellmacher), тынъ (изъ Zann), шóпа (Schoppen), шруба (Schraube), барвинокъ (отъ Bärwinkel, изъ лат. pervinca), бричка, гопакъ, гуртъ, жартъ, каплунъ, карбованецъ, квитъ, кнышъ, крамъ, люшня, муштра, муштроваты, грабарь, лата (жердь) и мн. др.

Для ученыхъ сочиненій нѣмцы весьма долго употребляли языкъ латинскій; этотъ послѣдній сильно повліялъ и на языкъ нѣмецкій, въ которомъ выработалась даже латинская конструкція предложеній,—съ глаголомъ на концѣ. Вотъ этотъ латино-нѣмецкій строй рѣчи и былъ перенятъ русскими въ Петровскую эпоху.

Наша медицинская терминологія сплошь состоитъ изъ словъ латинскихъ, но она заимствована нами преимущественно изъ Германіи.

На нѣмецкій языкъ весьма большое вліяніе долгое время оказывалъ языкъ французскій,—все французское перенималось, ставало моднымъ; вотъ поэтому-то

въ нѣмецкій языкъ вошло очень много словъ французскихъ, потомъ переданныхъ и намъ; таковы, напр., слова: зала, сервизъ, банкиръ, галантерея (изъ итальянскаго), лотерея, квартира, трактиръ, лакей, мамзель; таковы военные термины: дезертиръ, кирасиръ, батарея, гренадеръ, солдатъ, офицеръ, провіантъ и мн. др. Позже, послѣ франко-прусской войны, началось усиленное изгнаніе французскихъ словъ изъ нѣмецкаго, не давшее, впрочемъ, положительныхъ результатовъ (см. выше, стр. 17—18).

Надо упомянуть еще объ одномъ источникѣ, откуда шло нѣмецкое вліяніе въ русскій языкъ. Первыя пьесы, разыгрывавшіяся у насъ при зарожденіи театра (при дворѣ Алексѣя Михайловича), представляютъ обыкновенно буквальные переводы нѣмецкихъ пьесъ; переводы эти полны германизмовъ. Такъ, напр., въ „Юдиѳи" (1674 г.) находимъ: безпохвальный народъ (unlöbliches Volk), отмщуся *надъ* сими псами, *живи благо* (lebe wohl) и мн. др. [1]). Въ изданной акад. В. Н. Перетцемъ „Шутовской комедіи" 20—30 гг. XVIII ст. (въ „Памятникахъ русской драмы эпохи Петра Великаго", Спб. 1909) находимъ германизмы: Я желателенъ новаго слышати (с. 505), Для Бога, скажи правду (507), коль *стара* твоя дочь?—Ей теперь только 14 лѣтъ (515), Вы, господа, *еще однажды* пейте кругомъ (532).

Нѣкоторыя наши слова составлены по образцу словъ нѣмецкихъ; такъ, германизмами являются: выглядѣть (aussehen, sieht aus) [2]), начитанность (Belesenheit), немыслимый (undenkbar), обстоятельство (Umstand), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (forsichtig), естествоиспытатель (Naturforcher), землетрясе-

---

[1]) *Н. Тихонравовъ,* Русскія драматическія произведенія, Спб. 1874 г., т. I, стр. XX—XXI.

[2]) Большую статью объ этомъ словѣ см. у *П. Д. Драгановъ,* О германизмѣ *выглядитъ* въ русскомъ языкѣ, „Извѣстія" за 1909 г., кн. I, стр. 172—200. Выраженіе: онъ плохо *выглядитъ*—(вмѣсто онъ имѣетъ плохой видъ)—германизмъ, занесенный въ Россію нѣмцами въ Петербургъ, откуда онъ разошелся во второй половинѣ XIX вѣка по всей нашей родинѣ. У писателей классиковъ такого выраженія не встрѣчается.

ніе (Erdbeben) и т. п. Выраженіе: „разбить на голову“—буквальный переводъ нѣм. auf's Haupt schlagen.

Германизмы также выраженія нашего новаго дѣлового слога (канцелярскій стиль): предварительно чего (вмѣсто *до* или *передъ*), независимо сего, согласно чего (вм. согласно съ чѣмъ или чему) и др.

Изъ нѣмецкаго же языка зашелъ къ намъ частый у насъ глагольный суффиксъ *-ир* (овать): анализировать, констатировать, колировать, гравировать, лавировать и др. (въ нѣмецкій языкъ онъ зашелъ изъ французскаго).

Наши сложныя слова, состоящія изъ двухъ корней, своимъ происхожденіемъ обязаны не только языку греческому (см. стр. 53), но и нѣмецкому; языкъ нѣмецкій любитъ это сложеніе и отчасти передалъ его и намъ; такія слова, какъ *кораблекрушеніе*, *виноторговецъ* образованы по образцу нѣмецкихъ Schiffbruch, Weinhändler; *золототысячникъ*—переводъ нѣм. Tausendgüldenkraut (что, въ свою очередь, является переводомъ лат. centaurium, изъ греч. κενταύρειος).

Измѣненіе звука *н* въ *м* въ словахъ *М*иколай, *М*икита, *М*икифоръ нѣкоторые изслѣдователи[1]) приписываютъ нѣмецкому вліянію (конечно, съ прибавленіемъ вліянія польскаго).

Упомянемъ здѣсь еще объ одной волнѣ нѣмецкаго вліянія; именно, въ XVIII в. началась сильная колонизація Новороссійскаго края нѣмцами и чехами, что не могло не отразиться и на нашемъ языкѣ, особенно на малорусскомъ, гдѣ такимъ путемъ занесено не мало германизмовъ.

---

[1]) *Ѳ. Е. Коршъ*, Сборникъ въ честь Дринова, стр. 62.

Голландское вліяніе.

Голландское вліяніе на нашъ языкъ начало сказываться еще съ первой половины XVII-го вѣка, когда въ Россію стали пріѣзжать многіе голландскіе мастера. Голландія въ средніе вѣка развила и усовершенствовала дѣло судоходства и судостроенія, такъ что ихъ морскіе термины перешли почти во всѣ европейскіе языки; напр., во французской морской терминологіи много словъ голландскихъ. Петръ Великій изучалъ морское дѣло въ Голландіи, въ Саардамѣ и Амстердамѣ, гдѣ онъ пробылъ болѣе 5-ти мѣсяцевъ, откуда и пришло къ намъ очень много морскихъ терминовъ: вымпелъ, гавань, рейдъ, фарватеръ, матросъ (по-шведски и по-датски также matros), киль, крейсеръ [1]), шкиперъ, руль, рея, шлюпка, койка, рупоръ, бакъ, верфь, докъ, лоцманъ, кабель, каюта, люкъ, рейсъ, тонна, трапъ, флагъ, флотъ, флюгеръ, фрахтъ, фрегатъ, штурманъ, юнга, яхта, компасъ [2]), мачта, катеръ и др.

Голландскими словами считаются также: дюймъ, лифъ, капоръ, ватерпасъ, штопоръ, анкеръ, лотъ, брюки, ситецъ, пробка, конфорка, манекенъ, зонтъ, зонтикъ [3]), картузъ, обшлагъ и др.

---

[1]) Основное значеніе слова *крейсеръ* происходитъ отъ лат. crux, крестъ, фр. croiseur: корабль, который пересѣкаетъ кому-либо путь.

[2]) Слово *компасъ* сперва взято у голландцевъ, откуда и удареніе ко́мпасъ; позже это слово стало извѣстнымъ и изъ языка франц., откуда произношеніе компа́съ.

[3]) Слово *зонтикъ* изъ голл. zonne-dek, почему у насъ прежде писали его *зондекъ*.

Голландія долго считалась передовой страной въ морскомъ дѣлѣ, почему не удивительно, что Петръ Великій обратилъ такое серьезное вниманіе именно на нее, гдѣ и побывалъ дважды. Сюда же Петръ неоднократно посылалъ молодыхъ людей для изученія морского дѣла. Нашъ морской уставъ заимствованъ былъ (еще при Алексѣѣ Михайловичѣ) изъ Голландіи; онъ же легъ въ основу и Петровскаго морского устава 1720 г., заимствованнаго изъ пяти странъ [1]). Большинство названій морскихъ чиновъ взяты оттуда же.

Петръ Великій, какъ извѣстно, очень любилъ голландскій языкъ и охотно употреблялъ его въ разговорѣ; письма его полны голландскихъ словъ. По приказанію Петра съ голландскаго переводились на русскій книги о морскомъ дѣлѣ. „Все, что печаталось въ Москвѣ и Петербургѣ при Петрѣ Великомъ, печаталось голландскими мастерами и русскими, которые учились у тѣхъ же голландцевъ. Русскій гражданскій шрифтъ выдуманъ, по порученію царя, голландцами въ Амстердамѣ,—амстердамскіе граверы представляли свои образцы, и государь выбралъ по нимъ формы, которыя ему нравились больше всего“[2]).

Опредѣлить точно, какіе морскіе термины заимствованы именно изъ голландскаго языка,—задача далеко не легкая. Дѣло въ томъ, что изученіе морского дѣла русскими производилось не въ одной только Голландіи,—молодые люди ѣздили для этого и въ Венецію и въ Англію; опредѣлить, поэтому, гдѣ они взяли какое слово—часто невозможно, особенно если слово одного корня и въ языкѣ голландскомъ, и въ англійскомъ, и др. Точно такъ же на русскихъ верфяхъ при Петрѣ Великомъ инженеры и мастера были разныхъ національностей (венеціанцы, голландцы, шведы, датчане), каждая изъ которыхъ оставила свой слѣдъ на нашей морской терминологіи.

Многіе изъ морскихъ терминовъ, употреблявшихся въ Петровскую эпоху, теперь вышли изъ обихода.

---

1) *А. А. Круазе ван-дер-Копъ*, „Извѣстія“ 1910 г. кн. 4 стр. 49.
2) „Извѣстія“ 1910 г. кн. 4 стр. 43.

Литература. R. v a n d e r M e u l e n, De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch; Amsterdam, 1909. — Разборъ этой книги съ новыми данными у *А. А. Круазе ван-дер-Копъ*, Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ, „Извѣстія" за 1910 г. кн. 4, стр. 1—72.—*В. А. Богородицкій*. Общій курсъ русской грамматики, 1913 г., изд. 4, стр. 505—510.

Англійское вліяніе.

Послѣ Голландіи Петръ Великій побывалъ также и въ Англіи, морской державѣ, гдѣ онъ пробылъ три мѣсяца и откуда мы получили небольшую часть морскихъ терминовъ: болтъ, мичманъ, футъ[1]), шкуна, яликъ, ботъ (boat), бригъ и др.

Кромѣ этого, англичане первые завели у себя желѣзныя дороги и отъ нихъ по всей Европѣ пошли названія: вагонъ, вокзалъ, буфетъ, тендеръ, туннель, рельсъ, трамвай, экспрессъ и др. Изъ англійскаго взяты также слова: балластъ, билль, бифштексъ, боксъ, бостонъ, виски, вистъ, денди, джентльменъ, жокей, клоунъ, клубъ, крокетъ, лордъ, макинтошъ, мистеръ, митингъ, пикникъ, портеръ, пуддингъ, пуншъ, пэръ, раутъ, ростбифъ, ромъ, сэръ, скверъ, спичъ, сплинъ, спортъ, тостъ, туристъ, флиртъ, юморъ, клумба, бойкотъ[2]) и др.

Большая часть нашихъ заимствованій изъ англійскаго языка относится къ XIX в., когда въ Россію проникла богатая англійская литература и когда подражали всему англійскому. Надо только замѣтить, что многія англійскія слова зашли къ намъ не прямо, а

---

[1]) Слово *футъ* заимствовано изъ англійскаго foot, а не изъ голландскаго voet, на что указываютъ историческіе матеріалы (см. „Извѣстія" за 1910 г. кн. 4, стр. 65—66); да и по длинѣ своей русскій футъ въ точности соотвѣтствуетъ англійскому.

[2]) Слово *бойкотъ* возникло въ 1880 г. отъ имени англійскаго капитана Джемса Бойкота, притѣснявшаго своихъ ирландскихъ фермеровъ, которые и примѣнили къ нему впервые способъ борьбы, теперь извѣстный подъ именемъ *бойкота*.

при посредствѣ языка французскаго; такъ, áнглiйскiе романы въ XVIII в. очень часто переводились у насъ съ французскихъ переводовъ; вотъ почему эти слова часто имѣютъ французское ударенiе, т.-е. на послѣднемъ слогѣ [1]), напр. слова бюджéтъ, пiонéръ и др.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книжкѣ: „Русское литературное ударенiе“, § 256 и 267.

Французское влiянiе.

Французское влiянiе на русскiй языкъ началось позже нѣмецкаго и въ началѣ не было прямымъ, а шло черезъ Германiю (въ которой влiянiе французскаго языка долгое время было сильнымъ) и Польшу. При Петрѣ Великомъ французское влiянiе усилилось,—нѣсколько молодыхъ людей даже были посланы во Францiю для ученiя; такъ какъ французы первые завели у себя постоянное войско, то военные термины сухопутные и частью морскiе получила отъ нихъ вся Европа [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы: барьеръ, брешь, батальонъ, бастiонъ, генералъ, капралъ, сержантъ, солдатъ, фортъ, десантъ, рекрутъ, гарнизонъ, пароль, дезертиръ, кирасиръ, батарея, гренадеръ, офицеръ, редутъ, калибръ, дуэль, манежъ, галопъ, мародёръ, маршъ, мортира [2]), лафетъ и др.

Но прямое и особенно сильное влiянiе языка французскаго началось съ половины XVIII-го вѣка. Оно было уже сильнымъ при императрицѣ Елисаветѣ, а при Екатеринѣ II достигло громадныхъ размѣровъ, превратившись въ болѣзненную галломанiю. Языкъ французскiй сталъ языкомъ нашей знати и образованнаго общества, и на немъ воспитывались, писали и

---

[1]) Французская военная терминологiя отчасти заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и др.), которыя составляли главный контингентъ старо - французской армiи.

[2]) Названiе происходитъ отъ фр. слова mortier, ступка, на которую это орудiе было похоже.

читали. Передъ французскими писателями преклонялись и во всемъ имъ подражали. Сама Екатерина II вела оживленныя сношенія съ французскими писателями и учеными.

Чтобы наглядно представить, поскольку увлеченіе французскимъ языкомъ приняло уродливыя формы, приведу такой примѣръ. Одинъ щеголь ораторствуетъ на родномъ русскомъ языкѣ: *Марфуа! Діабль... Аманта* моя сдѣлала мнѣ *энфедилитацію*. Бездѣлица! *Бонъ есперансъ* у меня въ карманѣ,—не о чемъ быть въ *пансіи*... Сія табакерка *пуръ ла меритъ* новой моей любовницѣ"...[1])

А вотъ образцы такого же глагольствованія Иванушки, сына Бригадира (по „Бригадиру" Фонвизина). „Я помышляю его *менажировать*". „Вашъ *резонеманъ* справедливъ"; „Я *эндиферанъ* во всемъ", „Надобно объ этомъ говорить безо всякой *диссимюляціи*"; „Нечистый духъ *экзистируетъ*" (д. I. явл. 3).

Пушкинъ, какъ извѣстно, первоначальное воспитаніе получилъ на французскомъ языкѣ; и въ дальнѣйшей своей жизни французскимъ языкомъ онъ владѣлъ свободнѣе, чѣмъ русскимъ. Русскій языкъ, особенно въ эпоху до Пушкина, какъ извѣстно, симпатіями нашего образованнаго общества не пользовался. Извѣстный поэтъ нашъ, Батюшковъ, писалъ, что русскій языкъ „плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной... Что за *ы*? что за *щ*? что за *ш*, *шій*, *щій*, *при*, *три*? О варвары!.."

Пренебрежительное отношеніе къ отечественному языку вошло въ моду въ XVIII ст.; на языкъ русскій при воспитаніи дѣтей обращалось слишкомъ мало вниманія, да и языку этому обыкновенно учили простые дьячки, недоучившіеся семинаристы или деревенскіе батюшки. Понятно, знаніе родного языка при такомъ условіи было жалкимъ.

Большое вліяніе французскаго языка сказалось и послѣ отечественной войны 1812-го года, когда въ нашемъ обществѣ было повышенное увлеченіе французскимъ языкомъ и французской культурой.

---

[1]) Чулковъ, Русскія сказки, IV, 12. См. В. В. Сиповскій, Очерки изъ исторіи русскаго романа, I, 203.

Понятно, поэтому, что языкъ франц. долженъ былъ оказать громадное вліяніе на языкъ русскій. И дѣйствительно, мы видимъ, что наша литература постепенно наводняется галлицизмами; есть они уже у Фонвизина, а у Карамзина, особенно у его неудачныхъ подражателей, ихъ очень много. Французское произношеніе русскихъ словъ стало обычнымъ. Употребляли не только одни слова, но и ихъ русскіе буквальные переводы. Правда, многіе изъ этихъ галлицизмовъ не долго продержались въ языкѣ и до нашего времени не дошли.

Надо замѣтить, что народнаго языка французское вліяніе почти не коснулось, за весьма малымъ исключеніемъ, напр.: *для близиру*=фр. la plaisir, кадрель, куражъ, куражиться и пр. Въ малорусскомъ общеупотребительны фр. слова: барыло (фр. baril изъ ср.-лат. barillus), парасоля и др.; конечно, слова эти зашли при посредствѣ нѣмцевъ и Польши.

Французскія заимствованія въ большинствѣ близки къ своимъ оригиналамъ, такъ какъ они вводились въ нашу рѣчь хорошо знавшими фр. языкъ. Заимствованій изъ этого языка у насъ весьма много; это, преимущественно, имена модъ, платьевъ, всякихъ бездѣлушекъ, предметы роскоши, кухни, нѣкоторые театральные термины и т. п.; таковы: капотъ, галоша, фракъ, жилетъ [1]), салопъ, брелокъ, манжета, туфля, шинель, сюртукъ, вуаль, лампасъ, ливрея; фланель, плюмажъ, камлотъ, канва, коленкоръ [2]), мебель, канделябръ, люстра, этажерка, ландо; водевиль, партеръ, оркестръ, раекъ, рампа; серьезный, пикантный, лакей, баржа, комфортъ, акцизъ, резонъ, резервъ, визитъ, реверансъ, манеръ (и манера), бюро, мадамъ, бульваръ, арестъ, арестантъ, бравый, бретёръ, буржуа, гамакъ, карамель (изъ испанскаго), душъ, купоросъ, клика, канитель, мигрень, мода, наивный(naïf), негръ, олеандръ, каламбуръ [3]) и мн. другія.

---

[1]) Слово *жилетъ* получило свое названіе отъ имени простака Gille, носившаго родъ безрукавки; производятъ это слово еще отъ имени портного Gille, впервые выдумавшаго эту одежду.

[2]) Названіе *коленкоръ* происходитъ отъ Calicut, Калькутта, откуда эта ткань впервые привезена.

[3]) Слово *каламбуръ* производятъ отъ имена аббата Calamberg,

Имѣются у насъ и слова, составленныя на французскій ладъ: трогательный—touchant, утонченный—raffiné, сосредоточить—concentrer и т. п. Нѣкоторыя слова получили у насъ новое французское значеніе, напр.: *огонь*—любовный пылъ (feu), измѣнять—changer, плоскій (пошлый, plat), пылать—brûler и т. п. Есть цѣлыя выраженія, буквально взятыя съ французскаго: потокъ слезъ—le torrent de larmes; зрѣлый возрастъ—l'âge mûr; убивать время—tuer le temps; цвѣтущій городъ—la ville florissante, онъ не въ своей тарелкѣ, строить куры (ухаживать—faire la cour) и т. п. [1]).

О французскихъ заимствованныхъ словахъ Пушкинъ писалъ: „Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ, напр., *трогательный* отъ слова touchant. *Хладнокровіе*—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid—хладномыслie, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго XVIII-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ—положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: „не въ своей тарелкѣ“ [2]).

Отразилось французское вліяніе и въ синтаксисѣ. Такъ, условныя предложенія съ *разъ*—галлицизмы: *Разъ* (если) я берусь сдѣлать, то я сдѣлаю [3]). Галлицизмами являются у насъ сокращенія дѣепричастіемъ придаточнаго предложенія, у котораго подлежащее не то, что въ главномъ (въ русскомъ языкѣ сокращеніе дѣепричастіемъ возможно только тогда, когда въ главномъ и придаточномъ предложеніяхъ одно и то же

ставшаго комическимъ лицомъ въ нѣмецкихъ повѣстяхъ; производятъ его и отъ имени какого-то графа Calembour при дворѣ владѣтеля Нанси; Calembour былъ нѣмецъ и такъ плохо говорилъ по-французски, что у него постоянно выходили двусмысленности.

[1]) *А. И. Соболевскій,* Русскія заимствованныя слова.

[2]) Сочиненія, т. V, стр. 136, изд. П. О. Морозова, Спб. 1887 г.

[3]) *Разъ* въ такомъ значеніи въ русскомъ языкѣ употребляется довольно часто; *разъ* въ значеніи *если* встрѣчается еще у М. Смотрицкаго въ его Θρῆνος 1610 года: Raz abowiem chleb przyięła, y raz nim się obiecnie nasycać będzie, л. 154 об.

подлежащее); напр. у Фонвизина: *Пріѣхавъ* въ Бѣлевъ, по счастію попалась намъ хорошая квартира.

Нужно замѣтить, что французскій языкъ передалъ намъ вообще много западныхъ словъ,—итальянскихъ, испанскихъ, англійскихъ, голландскихъ и др. (арсеналъ, адъютантъ, вагонъ и мн. др.); этимъ объясняется, почему такія слова произносятся у насъ по-французски, т.-е. съ удареніемъ на концѣ [1]).

Добавимъ еще, что въ нашъ языкъ вошло не мало французскихъ словъ при посредствѣ языка нѣмецкаго, почему они и пришли къ намъ въ нѣмецкой окраскѣ (напр. французскіе глаголы съ окончаніемъ -ieren, -iren).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. мою книгу; „Русское литературное удареніе“, § 267.

Итальянское вліяніе.

Въ исторіи развитія музыки Италія издавна заняла первое мѣсто и сохраняла его въ XVI, XVII и XVIII вв.; ея музыкальная терминологія заимствована почти всѣми странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нами; такъ, у насъ употребляются: альтъ, баркаролла, басъ, віолончель, интермеццо, каватина, канцона, мандолина, теноръ, форте, піано, модерато, арія, флейта, канифоль [1]), бандура, фіоритуры, бемоль, клавесинъ и мн. др.

Нѣкоторые театральные термины пришли къ намъ изъ языка итальянскаго: арлекинъ, балерина, браво, брависсимо, галлерея, либретто, ложа, опера, импрессаріо и мн. др.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. на Русь приходило не мало итальянцевъ, отъ которыхъ мы заимствовали большинство типографскихъ названій: штампъ, тимпа́нъ, ма́ца, марзанъ и мн. др.

Итальянскія также слова: аббатъ, аллегри, карта, гарусъ [2]), банда, бандитъ, банкетъ, белладонна, бензинъ, бокалъ, вилла, газета, гардина, домино, инфлюэнца, карнавалъ, конфетти, мадонна, макароны, маэстро, анчбусъ, м. б. бирючъ [3]), помада и мн. др.

---

[1]) Слово *канифоль* названіе свое получило отъ города Κολοφῶν въ Лидіи; изъ греч. слово перешло въ ит., потомъ черезъ нѣм. къ намъ.

[2]) Названіе произошло отъ имени города Arazzo; къ намъ пришло черезъ Польшу.

[3]) Слово *бирючъ* (глашатай, вѣстникъ) въ русскомъ языкѣ извѣстно еще съ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, а также съ Поученія Владиміра Мономаха; можетъ быть оно изъ ит. birro, sbirro—полицейскій приставъ, сыщикъ.

Въ искусствѣ живописи Италія также занимала и занимаетъ первое мѣсто, почему и передала свои слова: карикатура, акварель, аквафорта, акватинта, палитра и др.

Оставила Италія замѣтный слѣдъ и въ архитектурѣ: балдахинъ [1]), балконъ, балясы, карнизъ, коридоръ, куполъ, мезанинъ, мозаика, бельведеръ, парапетъ и др.

Въ XVI в. французскіе короли неоднократно предпринимали походы на Италію; было время, когда итальянскій языкъ считался моднымъ при французскомъ дворѣ (напр. при Екатеринѣ Медичи); въ XVI—XVII в. вліяніе итальянской (а также и испанской) литературы на французскую было очень большимъ, противъ чего протестовалъ Н. Буало въ своемъ извѣстномъ L'art poétique (I, 43—44):

„Не надо крайностей: Италіи крикливой
Ихъ блескъ оставимъ мы—то блескъ камней фальшивый“.

Поэтому понятно, почему во французскомъ языкѣ не мало заимствованій изъ итальянскаго (они попали и къ намъ черезъ франц. яз.): баррикада, бригада, арсеналъ, шарлатанъ [2]), карнавалъ, балдахинъ, акварель, капюшонъ, кредитъ, коридоръ, мозаика, казематъ, бутыль, бронза, вата, галантерея, конклавъ, карбонарій, дилетантъ, малярія, катафалкъ, филигрань, парапетъ, баракъ, гарантія и мн. др.

Кромѣ французскаго посредства, итальянскія слова часто заходили къ намъ и изъ языка нѣмецкаго (обыкновенно черезъ Польшу), напр.: граната, картофель [3]), карета, конфета, лакъ, лазаретъ [4]), морель и др.

---

[1]) Слово *балдахинъ* сперва означало багдадскую парчу, которая вывозилась изъ Багдада—Baldacco.

[2]) Слово *шарлатанъ* (ит. ciarlatano) образовано отъ ит. ciarlare—болтать; слово это уже въ Италіи приняло значеніе уличнаго продавца будто бы цѣлительныхъ снадобій; у насъ — обманщикъ, хвастунъ. См. „Извѣстія“ т. VIII кн. 4, стр. 26.

[3]) *Картофель* родомъ изъ Америки, именно изъ Андъ, откуда вывезена въ XVI ст., въ Россіи появилась впервые въ половинѣ XVIII ст., но во всеобщее употребленіе вошла только съ первой половины XIX-го вѣка.

[4]) Близъ Іерусалима былъ нѣкогда устроенъ для больныхъ проказой домъ во имя св. Лазаря,—отсюда и названіе *лазаретъ*.

Отмѣтимъ, наконецъ, слова *млынъ* изъ ит. mulino [1]), *чѐботы* изъ ит. ciabatta и *шкарпетки*; слова эти общеупотребительны въ малорусскомъ, куда пришли изъ нѣмецкаго черезъ Польшу; такимъ же путемъ зашло и малор. агрусъ изъ ит. agresto.

Передали итальянцы въ Европу и намъ и часть арабскихъ словъ, напр.: лимонъ, мумія, кофе [2]) и др.

Въ прежнее время Италія славилась также какъ морская держава, особенно Венеція. Петръ Великій рано началъ морскія сношенія съ Венеціей; уже въ 1697 году были отправлены въ Венецію три партіи стольниковъ для изученія морского дѣла [3]). Венеціанское вліяніе въ нашемъ морскомъ дѣлѣ вообще было очень большимъ; послѣ пребыванія въ Голландіи Петръ намѣревался отправиться для изученія морского дѣла въ Венецію, но волненія стрѣльцовъ заставили его возвратиться на родину. Въ Россіи, на верфяхъ Петра, напр. въ Воронежѣ, всегда работало много венеціанскихъ мастеровъ, которые строили суда по своимъ моделямъ; съ итальянскаго на русскій языкъ переводились книги по морскому дѣлу и математикѣ. Понятно, поэтому, что въ нашей морской терминологіи итальянцы должны оставить замѣтный слѣдъ (который, впрочемъ, выясненъ очень мало); таковы слова: барка, гондола, молъ, авизо (небольшое военное судно), габара (плоскодонное морское судно), галера, лагуна и др.

Оставила свой слѣдъ Италія и въ нашей военной терминологіи; такъ, изъ Италіи взяты слова (правда,

---

[1]) A. Brückner, Encyklop. Polska, IV, ч. 2 стр. 206.

[2]) *Кофе* по происхожденію арабское слово, происходящее отъ имени эѳіопской страны Kaffa, откуда это растеніе перенесено въ Аравію. Къ намъ *кофе* зашло изъ языка голландскаго или англійскаго, но Европу съ нимъ познакомила Италія. О распространеніи кофе въ Европѣ въ старомъ журналѣ: „Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній“ (1795 г., сент. стр. 169—170) читаемъ: „Нѣкто Просперъ Албинусъ, возвращаясь изъ Египта, привезъ его въ 1591 году въ Венецію. Нѣкто, по имени Ларокъ, привезъ его въ 1614 году во Францію. Въ Лондонѣ стали его явно продавать съ 1652 г., а отсюда распространился онъ по всему свѣту“.

[3]) „Извѣстія“ 1910 г. кн. 4, стр. 56.

иногда при посредствѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, черезъ Польшу): аркебуза, бомба, бригада, гвардія, казарма, кираса, команда, мина и др.

Надо отмѣтить еще одно вліяніе Италіи,—это ея вліяніе въ коммерческомъ дѣлѣ. Италія, какъ извѣстно, въ прежнее время вела обширную торговлю почти со всѣмъ міромъ; венеціанскіе и генуэзскіе купцы заѣзжали далеко на востокъ и привозили оттуда въ Европу не мало восточныхъ словъ. И вотъ въ виду такой широкой торговли отъ Италіи по всему міру распространились коммерческіе термины; заимствовали эти термины и мы: ажіо, банкъ [1]), банко, банкиръ, банкротъ, балансъ, брутто, нетто, тара, дисконтъ, порто, франко, валюта, контора, кредитъ. Коммерческая бухгалтерія со всѣми своими терминами зашла къ намъ изъ Италіи.

---

[1]) Слово *банкъ* происходитъ отъ ит. banco—скамья, столъ мѣнялы; съ теченіемъ времени эти мѣнялы превратились въ банкировъ, содержателей ссудныхъ домовъ или банковъ.

Испанское влiянiе.

Испанскiй языкъ не оказалъ особенно замѣтнаго влiянiя на языкъ русскiй. Благодаря войнамъ, въ XVI и XVII вв. изъ этого языка зашли нѣкоторыя слова въ языкъ французскiй, откуда уже попали къ намъ; таковы слова: адъютантъ, амбаркадеръ, дебаркадеръ, мериносъ, армада, ваниль, мантилья, гитара, мармеладъ, карамель, серенада, сигара, жасминъ, индиго, каналья, ломберъ, газъ [1]) маисъ [2]) и др.; такимъ же путемъ зашли португальскiя слова: мандаринъ, каста, фетишъ, ауто-да-фе. Одно время, въ XVI—XVII в. испанская литература пользовалась популярностью во Францiи, что, конечно, могло повести и къ словарнымъ заимствованiямъ.

Надо отмѣтить, что черезъ Испанiю Западъ познакомился со многими словами арабскаго происхожденiя. Арабы очень рано поселились на Пиренейскомъ полуостровѣ,—съ 711 г. по Р. Хр. и пробыли здѣсь восемь вѣковъ, до конца XV-го вѣка. Арабы оказали большое влiянiе на всю западно-европейскую культуру и служили посредниками между Востокомъ и Западомъ; ихъ влiянiе во многихъ отрасляхъ науки,—напр. въ математикѣ, астрономiи, химiи и др., безспорно, такъ какъ арабы въ то время были представителями науки. А все это, конечно, не могло остаться безъ влiянiя и на языкъ.

---

[1]) Названiе тонкой матерiи *газъ* происходитъ отъ имени города Газы въ Сирiи, откуда вначалѣ эта матерiя привозилась испанцами; черезъ фр. gaze это слово зашло и къ намъ.

[2]) Растенiе *маисъ* привезено Христофоромъ Колумбомъ изъ Южной Америки и выращено въ Испанiи около 1520 г.; названiе взято изъ вымершаго языка Гаити, въ которомъ растенiе называлось mahis или mahiz. См. „Этимологическiй словарь" А. Преображенскаго, стр. 503.

Арабскому влiянiю подпалъ прежде всего языкъ испанскiй, въ которомъ арабскихъ словъ очень много, напр.: candi изъ ар. qand (ср. кондитеръ), исп. garafa—черпать изъ ар. garafa (отсюда графинъ), исп. gineta изъ ар. djerneyth (отсюда енотъ) и мн. др. Часть этихъ словъ распространилась по всей Европѣ и дошла къ намъ, напр.: альковъ, алгебра, арабески, альпака, альбатросъ, ализаринъ и мн. др. Большинство этихъ словъ мы взяли изъ Францiи: эликсиръ, надиръ, шафранъ, сиропъ, алка́ли и др.

Въ заключенiе нашего очерка коснемся, наконецъ, двухъ влiянiй, на литературномъ языкѣ нашемъ не сказавшихся, но сильно отразившихся на языкѣ народномъ,—малорусскомъ и бѣлорусскомъ.

Румынское вліяніе.

Нынѣшнюю территорію румынъ въ древности населяло воинственное племя даковъ или гетовъ; въ 106 году по Р. Хр. Дакія была завоевана римскимъ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ и съ того времени началось весьма сильное колонизаціонное движеніе римлянъ въ эту страну. Завоевавъ Дакію, римляне, какъ стоявшіе на болѣе высокой ступени культуры, перенесли въ нее свой языкъ, свои обычаи, и дако-геты скоро ассимилировались съ побѣдителями, приняли латинскій языкъ и римскую культуру, и такимъ образомъ сложилась румынская народность. Впослѣдствіи римляне же занесли въ Дакію и христіанскую вѣру.

Но съ IX-го вѣка, когда образовалось могущественнѣйшее Болгарское царство, покорившее сѣверно-дунайскія земли, румыны подпадаютъ подъ другое вліяніе—вліяніе славянское, которое господствовало у нихъ почти восемь столѣтій.

Языкъ румынскій относится къ языкамъ романскимъ, образовавшимся изъ языка латинскаго. Возникшія въ XIII в. княжества Молдавія и Валахія всегда находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Россіей, особенно съ южной. Славянское вліяніе въ Румыніи всегда было сильнымъ,—тутъ въ изобиліи переписывались и переводились славянскія книги; офиціальнымъ языкомъ и церкви и государства въ Румыніи былъ языкъ славянскій; понятно, поэтому, почему въ румынскомъ языкѣ такъ много славянскихъ словъ.

Въ XIV—XV ст., особенно со времени пребыванія у насъ долго прожившаго въ Молдавіи Григорія Цамб-

лака, бывшаго митрополитомъ Кіевскимъ, сношенія съ румынами особенно усилились. Позже, уже въ XVII ст., въ Малороссіи жили извѣстные выходцы изъ Молдавіи—Петръ Могила и Памво Берында; въ Москвѣ работалъ извѣстный переводчикъ Николай Спаѳарій (Милеску).

Вотъ почему румынскій языкъ оказалъ не малое вліяніе особенно на языкъ Южной Руси, съ которой Румынія всегда была въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Правда, къ сожалѣнію, вліяніе румынскаго языка на малорусскій еще не изслѣдовано, но это вліяніе должно быть большимъ. Особенно замѣтно это вліяніе въ Буковинѣ, на языкѣ Угорской Руси, всегда бывшей въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ румынами [1]).

Такъ, изъ румынскаго языка перешли слова, употребляющіяся отчасти въ Южной, отчасти въ Угорской Руси: бабáна (старая овца, Херс. губ.), бáська (овца), баталéвъ, блáня (мѣхъ, гуцул.), бешыха, блындый, блындá, бордюгъ, бордюхъ (мѣшокъ изъ кожи), брандзя (сорная трава, у лемковъ), брындза, бýгашъ (запустѣлый лѣсъ, галиц.), бурдéй (землянка, Каменецк. у.), бурьянъ, ґардъ, ґáвра, ґирла, ґоґомáнъ, ґорґанъ, ґóтка, ґрóпа, ґросъ, ґурґýля, ґалаґанъ, гарататы, гача, дóґа, дрокъ, кацавейка, капушъ, клекъ, конфитуры, кошма, клáка, кóда, кокóна, конáра, кýжба, курмéй, мамалыга, малай, м. б. кукуруза, цинґакора (особая одежда, поясъ) изъ cingatore, цинґель (щегленокъ) изъ cindel (изъ тюрк. cendel), цёра (неопрятная женщина) изъ ciora; слово хуртовына взято, возможно, изъ рум. fortuna (буря) [2]), чабанъ и мн. др.

Зашли сюда еще слѣдующія слова: джерґа, дерґа—особая одежда, изъ рум. cerga; дзема (родъ похлебки)—изъ рум. zeama; зястра (приданое), петакъ или петекъ (родъ суконнаго полукафтана безъ таліи) изъ

---

[1]) Въ „Arch. f. Slav. Phil.“ т. XXXV, стр. 349—355 Р. Стоцкій въ статьѣ: Beiträge zur ukrainischen Wortforschung даетъ списокъ нѣкоторыхъ малорусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ румынскаго, мадьярскаго и др.

[2]) Но можетъ быть и изъ османск. фуртуна—буря. Ѳ. Е. Коршъ, Рецензія на трудъ Фасмера, стр. 612.

рум. petec; спузъ или спудза (пепелъ, зола, Угорская Русь) изъ рум. spuza; урма (мѣсто, по которому гоняютъ скотъ, покрытое слѣдами его ногъ; дорога, протоптанная скотомъ) изъ р. urma; читура (жестянка)— čiutura; чаберъ, чеберъ, чебрець изъ čimbru. Всѣ эти слова, по мнѣнію М. Р. Фасмера [1]), греческаго происхожденія, но передала ихъ въ Южную и Угорскую Русь Румынія. Быть можетъ, такимъ же путемъ зашли къ намъ слова парафія и чума.

Что касается нарѣчія великорусскаго, то его румынское вліяніе почти не коснулось; однако и здѣсь можно указать слова ватага, ватажокъ, признаваемыя нѣкоторыми учеными за румынскія [2]), а также волынка [3]) и м. б. мерлушка.

Литература. R. Stocki, „Archiv" XXXV, 349—355.—Miklosich, Die slavischen Elemente im Rumunischen, Wien, 1861.— Sandfeld-Iensen, Die nichtlateinischen Bestandteile im Rumänischen, „Gr. der. rom. Phil." I², 524—534.—Miklosich und Kałużniacki, Über die Wanderungen der Rumunen in den dalmatischen Alpen und Karpaten, Wien, 1879.—Barbulescu, Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi, „Zbornik u slavu V. Jagiča", 433—448; рец. Младенова, „Roczn. Sław." III, 118—139.—Byhan, Die alten Nazalvokale in den slavischen Elementen des Rumänischen, „Jahresb. d. Jnstit. f. rumnä. Spr." V, 298—370.—*Яцимирскій*, см. его труды на стр. 117.—*Н. И. Петровъ*, Румынскіе художественные памятники въ Россіи и возможность вліянія ихъ на русское искусство, „Труды 14 археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1909 г.", Москва, 1910—1911 г., II, 89—96; рец. В. Гребеняка въ „Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка" т. 114, 1913 г кн. 2, 180—181.

---

1) Греко-славянскіе этюды, „Сборникъ" т, 86, стр. 5.

2) *Ѳ. Е. Коршъ*, „Извѣстія" т. VIII кн. 4 стр. 58.

3) Музыкальный инструментъ *волынка* происхожденія румынскаго; сперва зашелъ на Волынь, откуда получилъ и свое имя. Надо замѣтить, что Волынь всегда была въ тѣсныхъ культурныхъ сношеніяхъ съ Молдавіей.

Еврейское вліяніе.

Еврейскія поселенія въ нынѣшней Южной Россіи, именно въ Крыму, относятся еще къ древнѣйшимъ временамъ,—къ первымъ вѣкамъ христіанства; но, вѣроятно, ближайшее знакомство славянъ съ евреями произошло при посредствѣ хозаръ, народа тюркской языковой семьи. Когда въ VII ст. на евреевъ было поднято сильное гоненіе во всѣхъ областяхъ Византійской имперіи, тогда начался большой наплывъ этого народа въ Хозарскій каганатъ; какъ извѣстно, самъ каганъ, его дворъ и высшее сословіе, а также часть народа исповѣдывали іудейство. Но поскольку было вліяніе этихъ древнихъ іудеевъ на славянъ, вопросъ еще не выясненъ[1]). Во всякомъ случаѣ, съ давнихъ временъ евреи вели товарообмѣнъ на старыхъ славянскихъ торговыхъ дорогахъ.

Въ новое время испанскіе евреи, при своихъ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ, могли, конечно, распространять гебраизмы, хотя и въ ограниченномъ количествѣ.

Въ Испанію евреи пришли вмѣстѣ съ арабами и были въ то время широко образованнымъ народомъ (первый медицинскій факультетъ въ Салерно основанъ ими); владѣя арабскимъ и латинскимъ языками, они

---

[1]) *Г. М. Барацъ,* О библейскомъ элементѣ въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, Кіевъ, 1912 г. (см. еще *его же,* О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи, Кіевъ 1907 г., *егоже,* Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ, Кіевъ, 1908 г.), конечно, черезчуръ ужъ преувеличиваетъ это вліяніе.

служили дѣятельными посредниками между арабами и Западомъ и вообще знакомили Западъ съ восточной литературой и культурой. Во время расцвѣта раввинистической литературы евреи сильно вліяли на Европу и передали часть своихъ словъ во многіе западные языки. И даже послѣ паденія арабскаго Гренадскаго халифата евреи остались въ Испаніи и долго не теряли прежняго вліянія, выдвинувъ изъ среды своей рядъ извѣстныхъ мыслителей.

Еврейскій языкъ оказалъ нѣкоторое вліяніе и на языкъ русскій, правда, преимущественно на нарѣчія малорусское и бѣлорусское; на литературный языкъ вліяніе это не перешло, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, какъ, напр., кагалъ, раввинъ, каббала, фанаберія (fajne—красивый, berje—хватъ), шабашить, колсаса, áредъ (скряга,—отъ имени отца Еноха, Іареда, жившаго 962 года) и др.

Языкъ еврейскій развился изъ восточно-франконскаго и отчасти болѣе южнаго, нѣмецкаго діалекта среднихъ вѣковъ; много въ него вошло древне-еврейскихъ словъ, преимущественно относящихся къ религіи, философіи, наукѣ. На русской почвѣ въ еврейскій языкъ вошло много русскихъ и польскихъ словъ, — получилась смѣсь, извѣстная подъ именемъ „жаргона“ (въ послѣднее время имѣется и грамматика этого жаргона).

Рано поселившись въ Южной Руси, евреи съ теченіемъ времени все умножались въ своемъ количествѣ; занимаясь торговлей, они входили въ близкія сношенія съ народомъ, почему не удивительно, что ихъ языкъ наложилъ свой слѣдъ, хотя и небольшой, на малорусскую и бѣлорусскую рѣчь; обратное вліяніе— на языкъ еврейскій было значительно большимъ.

Въ южно-русскій языкъ вошли такія еврейскія слова: балабосъ (хозяинъ дома), балабоска (хозяйка), балаґула (изъ balagole—извозчикъ), бахуръ (любовникъ), гаманъ, ґой (христіанинъ, мужикъ), ґуґель, дабáрить, раздабаривать, кагалъ (kohol, португальское произношеніе kahal), капцáнъ (оборванецъ, нищій), кошеръ, лапсердакъ, мáхиръ, мацá, пéйсахъ, пейсъ, рейвахъ (сума-

тоха), трефной, цымесъ, шаба́шъ, шахрова́ть (изъ socher—купецъ, sacher—прибыль, schöjre—товаръ), ша́хиръ-махиръ, шахра́й, бебехи, гармидеръ и др.

Въ греческомъ языкѣ не мало словъ семитическихъ,—еврейскихъ, арабскихъ и др. (и обратно: въ языкѣ древне-еврейскомъ не мало грецизмовъ). Грецiя была посредницей между языкомъ еврейскимъ и славянскимъ, передавъ въ послѣднiй не мало еврейскихъ словъ. Такъ, изъ древне-еврейскаго языка у насъ употребительны съ древнихъ временъ слова: аллилуiа (изъ евр. hallelu—хвалите, Jáhe—Егова), аминь, мамона, голгоѳа, Егова, манна, мессiя, мирро, аспидъ, яшма (изъ евр. yashpheh черезъ греч. ἴασπις), бегемотъ (изъ евр. b'hémah), вельзевулъ (изъ евр. baal—князь, z'bub—муха: князь мухъ, дьяволъ), геенна (изъ евр. ge-hinon, долина Ханаана близъ Iерусалима), осанна (изъ евр. hoša'na—спаси, помоги) и мн. др.

Изъ древне-еврейскаго у насъ употребляются собственныя имена: Адонай, Абадонна, Асмодей, Iорданъ, также имена: Iоаннъ, Iосифъ, Авраамъ, Адамъ, Давидъ и нѣкот. другiя.

Литература. A. Müller, Semitische Lehnwörter im älteren Griechisch, „Beiträge z. Kunde“ 1877, B. I.—Muss-Arnolt, Semitis words in grek and latin.—*Л. Винеръ*, Еврейско-нѣмецкiя слова въ русскихъ нарѣчiяхъ, 1895.

---

* * *

Вотъ такъ развивался и пополнялся словарный матеріалъ нашего языка. Пополненіе это началось еще на славянской прародинѣ и непрерывно продолжается вплоть до нашихъ дней. Языкъ — организмъ живой; одни слова въ немъ умираютъ, на смѣну имъ рождаются другія. Такой процессъ обновленія никогда не прекращается въ жизни языка.

Въ этомъ процессѣ обновленія и пополненія языка, какъ мы видѣли, весьма важную роль играетъ заимствованіе изъ другихъ языковъ. Заимствованіе—не разрушительный факторъ въ языкѣ, обезличивающій его, нѣтъ, — это явленіе вполнѣ нормальное, одинаково присущее всѣмъ языкамъ міра.

Одинъ народъ у другого заимствуетъ не только слова,—часто заимствуются сказанія, повѣрья и обычаи, которые иногда проходятъ длинный и сложный путь, путешествуя изъ одной страны въ другую.

И пока люди будутъ жить культурной жизнью, взаимно общаясь между собой, заимствованіе будетъ явленіемъ естественнымъ и даже желательнымъ. И никакія искусственныя преграды не могутъ ни остановить, ни измѣнить этотъ нормальный и жизненный факторъ въ историческомъ развитіи всякаго языка и народа.

Литература о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ.

Вопросъ о заимствованіяхъ въ нашемъ языкѣ разработанъ въ настоящее время довольно широко, а во многихъ областяхъ даже детально. Работъ по данному вопросу написано не мало; можно пожалѣть только, что мы до сихъ поръ не имѣемъ труда, спеціально посвященнаго этому важному вопросу во всемъ его объемѣ.

Приводимъ здѣсь списокъ трудовъ, написанныхъ по вопросу о заимствованныхъ словахъ [1]).

Ашботъ, Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе И. В. Ягича объ исторіи происхожденія церковно-славянскаго языка, „Извѣстія“ VII, кн. 4, 246—320.

Его-же, Рефлексъ словъ вида *тръm—трьт* и *тлът—тльт* въ мадьярскихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго языка, „Статьи по славяновѣдѣнію“ II, 227—269.

Его же, Die Anfange der ungarisch—slavischen ethnischen Berührung, „Arch. f. sl. Phil.“ XXII, 433—487.

Его же, Die reflexe von ę ą in den slavischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache, „Zbornik u slavu V. Jagića“, 235—246.

---

[1]) Труды эти располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ. Литература, которую мы приводили выше въ концѣ отдѣльныхъ главъ, въ большинствѣ (но не вся) входитъ и въ этотъ списокъ—здѣсь приводимъ ее только подробнѣе, съ точнымъ указаніемъ, гдѣ статья напечатана и гдѣ были помѣщены рецензіи на нее.

Сокращенія: *„Р. Ф. В.“*—„Русскій Филологическій Вѣстникъ“, издающійся въ Варшавѣ; *„Извѣстія“*—„Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“; *„Ж. М. Н. Пр.“*—„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

M. Giulio Bartoli, Riflessi slavi di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche, „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“, Berlin, 1908, 30—60.—Статья содержитъ интересный матеріалъ изъ области романскихъ заимствованій изъ славянскаго.

В. А. Богородицкій, Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ чтеній). Казань, 1911 г., изд. 3-е; 1913 г. изд. 4-е. Вопросу о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ посвящена XVII глава этого курса (стр. 448—494 по 3-му изд. и 460—517 по 4 изд.). Авторъ преимущественно касается заимствованій новѣйшихъ, древнимъ же заимствованіямъ мѣста отведено значительно меньше. Замѣтка о 3-емъ изд. въ „Р. Ф. В.“ 1911 г. кн. 2; о 4-мъ—„Р. Ф. В. 1913 г. кн. 1.

Его же, Слово *хомутъ* въ индо-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ, „Извѣстія Общ. Археол.“, т. XI вып. 2, Казань, 1893 г.

Ѳ. Браунъ, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: готы на Вислѣ, XX+392 стр., Спб., 1899 г.—Во многихъ мѣстахъ этого труда находимъ указанія на заимствованія славянами у готовъ.—Рецензія *А. Н. Веселовскаго* „Извѣстія“, т. V, кн. 1, стр. 1—35.—Вторая рецензія— *Ю. А. Кулаковскаго* въ „Ж. М. Н. Пр.“ за 1901 г. кн. 2. На рецензію эту въ III кн. отвѣтъ автора, а въ майской книгѣ за тотъ же годъ отвѣтъ Ю. А. Кулаковскаго Брауну: „Нѣсколько словъ по поводу отвѣта проф. Брауна“, стр. 262—268.

A. Brückner, Litu-Slavische Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.

Его же, Wpływy kultur obcych, „Encyklopedya Polska“, IV, ч. 2, с. 188—207.—Содержательная статья, кратко указывающая на заимствованія въ славянскомъ изъ германскаго, восточныхъ, латинскаго, греческаго и др.

Его же, Cywilizacja i język. Wyd. 2, Warszawa, 1901 г.

Е. Будде, Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ). Спб. 1908. „Энциклопедія Славянской Филологіи“, вып. 12.—Двѣ главы—II и III—посвящены вліянію церковно-славянскаго языка на языкъ русскій. Выясняются эпохи Петра, Карамзина, Екатерины въ вопросѣ о заимствованныхъ словахъ; иныхъ иноземныхъ вліяній на русскій языкъ авторъ почти не касается.

Буга К. К., Славяно-балтійскія этимологіи, „Р. Ф. В.“ т. 67, 70—72.

Его-же, Lituanica. „Извѣстія“ 1912 г. кн. 1, стр. 1—52.—Разсматривается вопросъ о литовскихъ заимствованіяхъ изъ русскаго.

С. Буличъ, Заимствованныя слова и ихъ значеніе для развитія языка. „Р. Ф. В.“ т. XV, 1886 г. Лекція, читанная для полученія званія приватъ-доцента 20 апр. 1885 г. въ Казанскомъ Университетѣ.—Статья эта, правда съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями, перепечатана въ слѣдующемъ трудѣ проф. С. Булича:

Его-же, Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. Спб. 1893 г.

Изъ „Записокъ Историко-филологическаго факультета Спб. Университета“, часть 32.—Въ интересномъ введенiи (стр. 1—56) авторъ выясняетъ причины и способы заимствованiя (правда, введенiе это не вполнѣ согласуется съ общимъ содержанiемъ книги). Въ главѣ первой (57—129) подробно разбирается литература даннаго вопроса (влiянiе ц.-сл. яз. на русскiй). Трудъ этотъ подвергся суровой критикѣ А. И. Соболевскаго („Ж. М. Н. Пр.“ за 1894 г. кн. V стр. 215—220), отмѣтившаго многiе промахи автора.

Ѳ. Буслаевъ, О влiянiи христiанства на славянскiй языкъ. Опытъ исторiи языка по Остромирову Евангелiю, Москва, 1848 г.— Теперь во многихъ мѣстахъ устарѣвшая работа. Есть нѣкоторыя интересныя данныя по вопросу о древнѣйшихъ заимствованiяхъ въ языкѣ церковно-славянскомъ.

С. Н. Введенскiй, Откуда произошло имя офеней. „Труды III Областного историко-археологическаго съѣзда въ г. Владимирѣ“, Владимиръ, 1909 г.

Л. Винеръ, Еврейско-нѣмецкiя слова въ русскихъ нарѣчiяхъ. „Живая Старина“ за 1895 г., годъ пятый, вып. I, стр. 57—70.— Здѣсь разсматривается еврейское влiянiе, отразившееся на русскомъ языкѣ—преимущественно на его нарѣчiяхъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ.

Я. К. Гротъ, Филологическiя разысканiя. Спб., 1873 г.—Для насъ интересны здѣсь статьи: 1) Слова областнаго словаря, сходныя съ скандинавскими, 2) Слова, сходныя съ финскими и 3) Карамзинъ въ исторiи русскаго литературнаго языка.

Densesianu O., Histoire de la langue roumaine, Paris, 1901 г.; глава V посвящена славянскому влiянiю на румынскiй языкъ.—Разборъ этой главы данъ *А. И. Яцимирскимъ*: „Къ вопросу о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ языкѣ“, „Извѣстiя“ т. VIII за 1903 г. кн. 3, стр. 393—414.

П. Д. Драгановъ, О германизмѣ *выглядитъ* въ русскомъ языкѣ. „Извѣстiя“ 1909 г. кн. 1, стр. 172—200.—Исчерпывающая статья по данному вопросу.

П. Ефименко, Слова, вошедшiя въ малорусскiй языкъ изъ нѣмецкаго. „Черниговскiя Губ. Вѣдомости“ за 1859 г. № 46.

Д. К. Зеленинъ, Этимологическiя замѣтки. Главы I—III помѣщены въ „Филологическихъ Запискахъ“ за 1903 г.; глава IV— въ „Извѣстiяхъ“ т. VIII (1903 г.) кн. 4, стр. 256—269.—Въ послѣдней главѣ имѣются интересныя замѣтки автора о словахъ *чередить, душка, коекъ, лыва, комната, сыворотка, шестъ* и нѣк. др.

И. Б. К., Славянскiе элементы въ ново-греческомъ языкѣ, Спб., 1912 г., 16 стр.—Отрицательный отзывъ объ этой статейкѣ въ „Р. Ф. В.“ за 1912 г. № 4.

Г. А. Ильинскiй, Славянскiя этимологiи, „Р. Ф. В.“ томы 60—70.—Данъ рядъ интересныхъ замѣтокъ о многихъ славянскихъ словахъ (50 замѣтокъ.) См. еще стр. 51.

Janko, O pravěku slovanském, Praha, 1912.—Чрезвычайно

интересный очеркъ праславянскаго быта на основаніи лингвистическихъ данныхъ; авторъ постоянно касается вопроса о заимствованіи тѣхъ или иныхъ словъ.

Его же, O stycich starých Slovanů s Turko-tatary a Germany s hlediska jazykozpytného, „Wěstnik Česke Akademie" за 1908 г., XVII.

K a l i m a, Alte Berührungen zwischen finisch-ugrischen und slavischen Sprachen. „Wört. und Sach." II, 182.

Его же, Kritisches zur Frage über die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen, „Roczn. Sław". V, 79—95, VI, 74—94.

Е. Ѳ. Карскій, Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе. „Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова", Варшава, 1902 г., стр. 469 и д. (=„Р. Ф. В." за 1903 г. т. 49).—Сношенія между бѣлоруссами и литовцами всегда были оживленными, почему и естественно взаимное вліяніе этихъ языковъ.—Рецензія *А. Белича* въ „Извѣстіяхъ" за 1903 г. кн. 2, стр, 395—396.—Статья эта перепечатана въ слѣдующемъ трудѣ:

Его же, Бѣлоруссы, Вильна, 1904 г. т. I, стр. 105—109; 123—138—180.

Его же, О такъ называемыхъ барбаризмахъ въ русскомъ языкѣ; „Краткій отчетъ Виленской 2-й гимназіи, 1886 г."

Его же, Къ вопросу объ употребленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, Варшава, 1910 г. Рѣчь при открытіи въ Варшавѣ лѣтнихъ курсовъ для учителей и учительницъ начальныхъ и городскихъ училищъ.—Это популярная брошюрка, въ которой авторъ выясняетъ значеніе иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ и значеніе заимствованій въ языкѣ вообще; въ основѣ ея—статья Р. Брандта по тому же вопросу.

Ѳ. П. Кеппенъ, Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени. „Ж. М. Н. Пр." за 1886 г. кн. 8 и дальше.—Для насъ интересна особенно 2-я глава этого труда: „Лексическая часть. Сопоставленіе сходныхъ между собою индо-европейскихъ и финно-угорскихъ словъ" (кн. 10, стр. 191—211), гдѣ указано на многія заимствованія изъ финскаго языка.

Ѳ. Е. Коршъ, Опыты объясненія заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ" за 1907 г., стр. 755—768.—Здѣсь разобраны слова: *Господь, хата, полоумный, кандалы, камышло.* Много интересныхъ замѣтокъ и о другихъ заимствованныхъ словахъ.

Его же, Владиміровы боги, „Пошана", сборникъ въ честь Н. Ф. Сумцова, „Сборникъ Харьковскаго Ист.-фил. общ." т. XVIII, Харьковъ, 1909 г., стр. 51—58.—Есть замѣтки о нѣкоторыхъ древнѣйшихъ нашихъ заимствованіяхъ. Рецензія *Г. А. Ильинскаго,* „Ж. М. Н. Пр." 1910, кн. 8 с. 402 sq.

Его же, О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхожденія. „Почесть. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ проф. М. С. Дринову; Харьковъ, 1904 г. стр. 53—62.

Разобраны слова: грекъ, доместикъ, жидъ, крижъ, москолудъ, бсалъ, Римъ, скамья, хоругвь и шапка.

Koštial, Slovanski življi v nemškem besednem zakladu, Ljublj. 1901.

Lasinio F., Delle voci italiane die origine orientale. Firenze, 1886 г.

Лебедевъ, Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи. Спб., 1848 г.—Работа теперь устарѣла и по вопросу, выставленному въ заголовкѣ, даетъ слишкомъ мало.

Löhwe, Altgermanische Elemente der Balkansprachen, „Zeitschrift“ von A. Kuhn, XXXIX.

Остап Макарушка, Словар українських виразів, перенятих з мов тюркских. „Записки Наук. Тов. ім. Шевченка“ т. V, 1—14, 1895 года.

М. А. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. III, Кіевъ, 1880 г.—Для нашей цѣли здѣсь интересны двѣ главы: VIII: Вліяніе церковно-славянскаго языка на народный русскій, стр. 440—449, и гл. IX: Объ отношеніи русскаго языка къ иноплеменнымъ, и ихъ вліяніе на него въ древнія времена (вопросъ только намѣченъ, но не разработанъ), стр. 449—461.

Максимовъ, Крылатыя слова.

Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, изданы 2-мъ отд. Акад. Наукъ, Спб. 1854 г.

R. van der Meulen, De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch; Amsterdam, 1909. — Трудъ посвященъ заимствованіямъ въ русскій языкъ изъ голландскаго морскихъ и судовыхъ терминовъ; цѣль книги: дать самое полное, насколько возможно, собраніе заимствованныхъ изъ голландскаго языка русскихъ морскихъ и судовыхъ словъ, встрѣчающихся въ современныхъ словаряхъ; въ концѣ книги здѣсь и приведенъ длинный рядъ такихъ словъ.—Книга эта подверглась внимательному разбору *А. Круазе ванъ-деръ-Копъ* въ „Извѣстіяхъ“ 1910 г. кн. 4 стр. 1—72. См. еще рецензію *Д. Зеленина* въ „Р. Ф. В.“ 1910 г. кн. 2.

Г. И. Мейеръ, Замѣтка о чужихъ словахъ въ русскомъ языкѣ; „Филолог. Записки“ 1876 г. вып. 5.

П. М. Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языкѣ „Слова о Полку Игоревѣ“, „Извѣстія“ т. VII, кн. 2 стр. 273—302.—Въ статьѣ этой разбираются тѣ слова, которыя вошли въ „Слово о Полку Игоревѣ“ изъ мусульманскаго Востока. Такими словами здѣсь признаются: *болванъ, боянъ, бояринъ, жемчугъ, каганъ, кощей, ногата, солтанъ, харалугъ, хорюговъ, японча, яруга* и нѣк. др.—По поводу статьи этой между авторомъ и Ѳ. Е. Коршемъ возникъ интересный ученый споръ. Именно, на статью П. М. Меліоранскаго *Ѳ. Е. Коршъ* въ VIII т. кн. 4 „Извѣстій“ помѣстилъ обстоятельную замѣтку (1—58 стр.), богатую указаніями о заимствованіяхъ изъ восточныхъ языковъ.—На эту рецензію авторъ не замедлилъ отвѣтить:

Его же, Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о Полку Игоревѣ". „Извѣстія" т. X, кн. 2, стр. 66—92.—Въ этомъ отвѣтѣ г. Меліоранскій часть указаній Ѳ. Корша принимаетъ, другому же даетъ иное освѣщеніе.—На эту вторую статью Меліоранскаго Коршъ также отвѣтилъ:

Ѳ. Е. Коршъ, По поводу второй статьи проф. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о Полку Игоревѣ". „Извѣстія" т. XI за 1906 г. кн. 1, стр. 259—315.—Отвѣтъ весьма обстоятеленъ, затрогиваетъ новый матеріалъ и вообще цѣненъ экскурсами по вопросу о заимствованіяхъ изъ восточныхъ языковъ. Тотъ же авторъ далъ еще одну статью по вопросу о восточныхъ заимствованіяхъ:

П. М. Меліоранскій, Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности домонгольскаго времени. „Извѣстія" т. X, кн. 4 стр. 109—134.—Весьма содержательная статья, заключающая разборъ 27 словъ восточнаго происхожденія.

Melich, Die Herkunft der slavischen Lehnwörter der ungarischen Sprache, „Archiv" XXXII, 92—113.

А. В. Михайловъ, Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма, Варшава, 1911 г.—Въ книгѣ много страницъ посвящено исторіи сложенія русскаго литературнаго языка; много мѣста удѣлено церковно-славянскимъ элементамъ въ нашемъ языкѣ (стр. 143—152, 164—187).—Краткая замѣтка о трудѣ А. Михайлова въ „Р. Ф. В." за 1911 г. кн. 2.—Подробный отзывъ *Е. Ѳ. Карскаго,* въ „Ж. М. Н. Пр." 1911 г. № 6;—*Н. Каринскаго,* ibid. кн. 2, стр. 224—230; *Д. Кудрявскаго,* „Русская Мысль" 1911 г., кн. 12, с. 452.

Miklosich F., Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. Wien, 1884—1885 гг. Рецензія Ѳ. Корша въ „Archiv f. sl. Phil." VIII—IX.

Его же, Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen, „Denkschriften", XXIV, 1—58, 1875 г.

Его же, Die slavischen Elemente im Magyarischen, Wien, 1884 г., изд. 2.

Его же, Über Fremdwörter, „Archiv für slav. Phil" B. XI, стр. 105—111.

Его же, Die slavischen Elemente im Rumänischen, „Denkschriften", B. 12, Wien, 1862 г. Рецензія *И. И. Срезневскаго,* „Извѣстія" т. X, кн. 1, стр. 148—150.

Его же, Die slavischen Elemente im Albanischen, Wien, 1870 г.

Его же, Die slavischen, magyarischen und rumunischen Elemente im türkischen Sprachschatze, Wien, 1889.

Его же, Über die Einwirkung des Türkischen auf die Grammatik der südosteuropäischen Sprachen, Wien, 1889.

Михельсонъ М. И., Ходячія и мѣткія слова, Спб. 1896.

І. Миккола, Объясненія нѣкоторыхъ славянскихъ словъ; „Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову", Варш. 1902 г.

стр. 270—280. (=„Р. Ф. В.“ т. 49).—Объ имени *славянъ, господь, ладья,* и др. слова, обозначающія названія рыбъ.

С. Д. Младеновъ, Славянскія этимологіи; „Р. Ф. В.“ т. 62, 63, 65, 68 и 71.

Его же, Самоѣдскаго ли происхожденія славянское существительное *бара?* „Извѣстія“ 1912 г. кн. 4, с. 228—247.

Его же, Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици, „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. 25, Софія, 1909 г. Весьма цѣнная и содержательная работа, посвященная вопросу о древнихъ славянскихъ заимствованіяхъ у германцевъ.—Замѣтка о ней въ „Р. Ф. В.“ 1911 г. № 1, 272; *А. Соболевскаго,* въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1911 г. № 5; *Л. Булаховскаго,* въ „Запискахъ Харьковск. Универс.“ за 1911 г.; A. Meillet, „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, 1911 г. № 59, с. 127—129.

Л. З. Мсеріанцъ, Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ славянскихъ и иранскихъ языковъ, „Р. Ф. В.“ 1911 г. кн. 1.—Есть нѣсколько указаній, что взято славянами изъ иранскихъ языковъ.

Muss-Arnolt, Semitic words in Greek and Latin, „Transactions of the Americ. phil. association“, XXIII.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго Общества Грамотности; т. VII, языкознаніе; Москва, 1911 г. Подъ редакціей *Проф. С. М. Кульбакина.*—Здѣсь имѣется статья *М. Р. Фасмера:* Словарныя заимствованія въ русскомъ языкѣ, с. 192—205.—Рец. *Д. Кудрявскаго,* въ „Русск. Мысли“ 1911 г. кн. 12.

Огієнко И. И., Исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ. Популярный очеркъ. Кіевъ, 1912 г. Помѣщенъ въ „Словарѣ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ“, стр. 127—172.

Его же, Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ, „Р. Ф. В.“ 1911 г. кн. 3—4, стр. 352—369.

А. Л. Погодинъ, Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ, Варшава, 1903, VIII+312.—Во многихъ мѣстахъ книги находимъ этимологическія замѣтки, особенно по древнѣйшему періоду жизни языка.—Трудъ этотъ подвергся разбору проф. *С. К. Булича,* въ „Извѣстіяхъ“ т. X кн. 2, стр. 420—439. Въ рецензіи многое отвергается изъ положеній А. Л. Погодина.—На рецензію С. К. Булича авторъ отвѣчалъ въ „Извѣстіяхъ“ т. X кн. 4, стр. 396—401.

А. Л. Погодинъ, Сѣверно-русскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка. „Варшавскія Университетскія Извѣстія“ за 1904 годъ.—Работа преимущественно ограничивается словарнымъ составомъ двухъ сѣверныхъ губерній—Архангельской и Олонецкой; разсмотрѣно 416 словъ. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался трудами своихъ предшественниковъ.—На работу эту есть три рецензіи: *Д. К. Зеленина,* въ „Извѣстіяхъ“ т. X, кн. 2 стр. 451—459; *М. Р. Фасмера,* въ „Живой Старинѣ“ вып. 2 за 16-й г. и *Калимы* въ „Rocznik Slawistyczny“ V, стр. 79—95, VI стр. 74—94.—

Въ отвѣтъ на рецензію Фасмера авторъ помѣстилъ дополненія къ своей работѣ:

Его же, Къ вопросу о русскихъ словарныхъ заимствованіяхъ изъ финскаго языка; „Извѣстія" т. XII кн. 3, стр. 334—340. Приведено здѣсь 39 новыхъ, въ прежней работѣ не указанныхъ заимствованій изъ финскаго языка.

Его-же, Изъ исторіи сношеній финновъ съ индо-европейцами. „Извѣстія" т. X, кн. 3, стр. 1—23.—Есть интересныя замѣтки по части заимствованій изъ финскаго и вообще финно-славянскихъ отношеній. Въ статьѣ три главы: 1. Когда Русскіе столкнулись съ финнами. 2. Русское *коврига* и 3. Финно-угорское названіе раба.

Его же, Къ вопросу о заимствованіяхъ со стороны германцевъ у славянъ, „Р. Ф. В." LIII, 51—53.

Его же, Изъ новѣйшей литературы о культурѣ и родинѣ индо-европейцевъ. „Ж. М. Н. Пр.", 1911 г. кн. XI, стр. 68—89.

Его же, Изъ области русско-финскихъ отношеній, „Извѣстія" за 1911 г. кн. 4, стр. 37—38.—Краткая замѣтка о *Волхъ, Кургуй* и о русск. *ы*=финск. *ui*.

Его же, Кіевскій Вышгородъ и Гардарики, „Извѣстія" 1912 г. кн. 1, стр. 1—33.

А. А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и др. замѣтки. „Р. Ф. В." т. I—XVII.

Его же, Изъ записокъ по русской грамматикѣ, изд. 2-е, Харьковъ, 1888 г.

Romansky, Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen, Leipz. 1909.

Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, „Roczn. Slavist." V, 18—24.

Его же, Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków wschodniej Europy i praojczyzny indoeuropejskiej na podstawie nazw wód. „Roczn. Slav." VI, 39 sq.

Šaineanu L., Elemente turceşti in limba romana; Bucureşti, 1885 г.

Н. А. Смирновъ, Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. I. Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ. II. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго. „Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности" т. 88. Работа въ рукописномъ видѣ подверглась разбору академика *А. И. Соболевскаго,* см. „Отчетъ о первомъ присужденіи премій имени М. И. Михельсона", Спб. 1904 г., въ „Сборникѣ отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ" т. 78. Вторая рецензія на эту работу: *И. И. Огіенко,* Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ, въ „Р. Ф. В." за 1911 г. кн. 3—4; въ рецензіи указанъ рядъ неточностей въ книгѣ, а также даны дополненія. На рецензію И. И. Огіенка авторъ отвѣчалъ въ „Русск. Фил. Вѣстн."

1913 г. т. 69 стр. 493.—Еще рец. W. Christiani въ „Arch. für sl. Phil.“ 1911 г. кн. 33 с. 302—304.

А. И. Соболевскій, Изъ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. „Кіевскія Университетскія Извѣстія“ за 1904 г. кн. XI ст. 1—6.—Статья посвящена преимущественно фонетикѣ греческихъ заимствованій.—На коротенькую статейку эту появилась рецензія: *В. М. Истринъ,* Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. По поводу статьи Соболевскаго, „Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ“, т. XIII стр. 175—186. Одесса, 1905.—Въ отвѣтъ В. М. Истрину А. И. Соболевскій напечаталъ небольшую замѣтку:

Его же, Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. „Извѣстія“ за 1905 г. т. X. кн. 2 стр. 140—145.—Статья также посвящена фонетикѣ заимствованныхъ словъ—словъ греческихъ. Соболевскій не соглашается съ поправками В. М. Истрина, какъ не основанными на положительныхъ фактахъ.

Его же, Исторія церковно-славянскаго языка; Спб. 1892 г., литографированный курсъ.—Для нашей цѣли особенно интересны главы 18—21 (стр. 200—226), но вообще курсъ весьма цѣненъ при изученіи вопроса о вліяніи церковно-славянскаго языка на русскій.

Его же, Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи, Спб. 1910 г. „Сборникъ 2 отдѣл.“ т. 88.

Его же, Лингвистическія и археологическія наблюденія. вып. I—1910 г., вып. II—1912 г., Варшава, изъ „Р. Ф. В.“—Много этимологическихъ замѣтокъ.

Его же, Русскія заимствованныя слова, Спб. 1891, литографированный курсъ.—Это первый трудъ систематической сводки по вопросу о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ. Приходится только пожалѣть, что авторъ не напечаталъ своей работы.

Ст. Станоевичъ, Гипотеза о славянскихъ заимствованныхъ словахъ изъ германскаго. „Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику Ф. Ѳ. Фортунатову“. Варшава, 1902 г. с. 213—218. (=„Р. Ф. В.“ т. 49 за 1903 г.). Работа, изобилующая вѣскими фактами по данному вопросу,

Tamm, Über einige slavische Wörter im Schwedischen, „Ind. Forsch“, IV, 395—397.

К. Ѳ. Тіандеръ, Къ исторіи города Холмогоры. „Извѣстія“ т. V за 1900 г. кн. 3 стр. 769—787.—Авторъ возводитъ Холмогоры къ финскому Holmgardr. Въ статьѣ имѣются кое-какія замѣтки по вопросу о финскомъ вліяніи на русскій языкъ.—На эту статью см. замѣтку *I. Миккола* въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ М. С. Дринову“, Харьковъ, 1908 г., с. 27—28, гдѣ дается иное толкованіе имени Холмогоры.

М. Р. Фасмеръ, Греко-славянскіе этюды. I. Основные вопросы изъ области греко-славянскихъ отношеній. „Извѣстія“ за

1906 г., т. XI, кн. 2, стр. 386—413.—II. Греческія заимствованія въ старо-славянскомъ языкѣ. „Извѣстія“ т. XII кн. 2 стр. 197—289.—III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ. „Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесности“ 1909 г. т. 86.—Три содержательныхъ статьи, посвященныя вопросу о греческомъ вліяніи на русскій языкъ. Весьма цѣнную рецензію на этотъ трудъ далъ *А. И. Соболевскій* въ „Сборникѣ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г.,“ Спб. 1911 г., с. 422—433; а также *Ѳ. Е. Коршъ*, тамъ же, Спб. 1912 г., с. 561—623; см. еще Meillet, „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“ № 57; *В. М. Истринъ* въ „Ж. М. Н. Пр.“ за 1910 г. кн. 2 стр. 372—384; І. Свєнціцький въ „Зап. Наук. Тов. ім. Шевч.“

Его же, Лингвистическія замѣтки по славянскимъ языкамъ, „Живая Старина“ за 1908 г. вып. II стр. 141—149; о словахъ: високосный, лошадь, слонъ и др.

Его же, Нѣсколько новыхъ трудовъ по лингвистикѣ; критическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ новыхъ трудовъ о заимствованіяхъ въ русскомъ языкѣ; „Византійскій Временникъ“ т. XIII.

Christiani W. A., aus Livland, Über das Eindringen von Fremdwörtern in die Russische Schriftsprache des 17 und 18 Jahrhunderts; Berlin, 1906, стр. 1—61.—Книжка посвящена главнымъ образомъ иностраннымъ словамъ, обращавшимся въ письменномъ языкѣ въ эпоху Петра Великаго; много мѣста удѣлено польскому вліянію на русскій языкъ той же эпохи; южно-русское вліяніе оставлено въ тѣни.

И. Шаровольскій, О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ. „Изборникъ Кіевскій“ изъ „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ за 1904 г., стр. 1—38.—Указавши на значеніе заимствованій въ языкѣ, авторъ остановился на разборѣ славянскихъ словъ, вошедшихъ въ сѣверные германскіе языки.

А. А. Шахматовъ, Сполы—исконные сосѣди славянъ; „Живая Старина“ за 1911 г.

Его же, Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ. „Извѣстія Импер. Академіи Наукъ“ за 1911 г., с. 707—724, 791—812.—Обѣ работы посвящены вопросу о доисторическихъ сосѣдяхъ славянъ; много цѣнныхъ лингвистическихъ соображеній.

Его же, Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка, Спб. 1913 г. Литографированный курсъ.

Его же, Zu den ältesten slavisch—keltischen Beziehungen; „Archiv für slavische Philologie“, 1911 г., т. XXXIII стр. 51—99.—Весьма цѣнная работа, посвященная темному и невыясненному у насъ вопросу о кельтскомъ вліяніи на русскій языкъ. Доказавъ, что кельты одно время владѣли славянами, авторъ приводитъ много словарныхъ заимствованій изъ этого языка.—Работа эта переведена на русскій языкъ подъ ред. проф. Е. Ѳ. Будде въ „Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1912 г. кн. 8 с. 1—54. Трудъ А. Шахматова подвергся суровой критикѣ *К. Буга*: Kann man Kel-

tenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen? „Rocznik Sławistyczny“, т. VI за 1913, с. 1—38 и *М. Фасмера,* Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie, ibid. с. 172—213.

Шрадеръ О. Индо-европейцы (Die Indogermanen), переводъ подъ редакціей А. Л. Погодина. Спб., 1913 г. Цѣнная книжка, посвященная вопросамъ о родинѣ, происхожденіи, разселеніи, бытѣ и религіи индоевропейцевъ.

Его же, Slavische oder durch Slaven vermittelte Lehnwörter im älterem Deutschen, „Ind. Forsch.“ XVII, 29—36.

Эндзелинъ И., Славяно-балтійскіе этюды, Харьковъ, 1911 г., VIII+208. Трудъ посвященъ, главнымъ образомъ, вопросу о славяно-балтійской эпохѣ. Рецензія А. Meillet, „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, 1911 г., кн. 59, с. 125—127, а также въ „Rocznik Sławistyczny“ 1912 г. кн. 5 с. 153—164 и *А. А. Шахматова,* „Извѣстія“ 1912 г. кн. 1 с. 281—290.

Его же, Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ, „Живая Старина“, III, 285—312.

А. И. Яцимирскій, Изъ славяно-румынскихъ семасіологическихъ наблюденій, „Извѣстія“ т. IX за 1904 г. кн. 2, стр. 257—273.

Его же, Книжное вліяніе славянскаго языка на румынскій; „Р. Ф. В.“ т. 50.

Его же, Къ вопросу о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ языкѣ, „Извѣстія“ т. VIII за 1908 г., кн. 3. стр. 393—414.

Его же, Судьба славянскихъ носовыхъ въ словахъ, заимствованныхъ румынами, Спб., 1904.

Его же, Славянскія заимствованія въ румынскомъ языкѣ какъ данныя для вопроса о родинѣ румынскаго племени, „Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому“, Спб. 1908 г., ч. II, 792—819.

„Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“, Berlin 1908 г.; здѣсь по вопросу о заимствованіяхъ работы: Melich I., Die Namen der Wochentage im Slavischen, 212—217; *Коршъ Ѳ.* Иноязычное происхожденіе црк.-слав. словъ иногъ=γρύψ, чрътогъ и Сварогъ, 254—261; *Фасмеръ М.,* Къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ, 271—278; *Г. А. Ильинскій,* Славянскія этимологіи, 291—298; I. Mikkola, Zur slavischen Wortkunde, 359—362; A. A. Kryński, O wpływie języka łacińskiego na polski, 363—368; E. Berneker, Slavische Wortdeutungen, 597—603; K. Štrekelj, Etymologisches, 711—714.

Этимологическіе словари славянскихъ языковъ [1]).

О. Шимкевичъ, Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками, Спб. 1842 г. Удостоенъ Демидовской преміи. Трудъ устарѣлъ.

Franz Miklosich, Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, Wien, 1867 г. (изъ Denkschriften, т. XV). Трудъ этотъ, расположенный въ видѣ словаря, касается только такихъ заимствованныхъ словъ, которыя, за немногими исключеніями, вошли въ славянскій языкъ въ древнѣйшую эпоху.—Обстоятельный разборъ этого труда написалъ *Ѳ. И. Буслаевъ,* „Ж. М. Н. Пр." за 1867 г. кн. 8 стр. 540—560: „Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ". Здѣсь подведенъ общій итогъ о заимствованныхъ словахъ на основѣ матеріала Миклошича, вообще дана картина нашихъ древнѣйшихъ заимствованій.

Его же, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.—Рецензіи на этотъ трудъ: *Брюкнера,* „Archiv für slav. Phil." т. XI стр. 112—143.—*А. И. Соболевскаго* въ „Ж. М. Н. Пр." за 1886 г. кн. 9 стр. 143—157: „Этимологическія замѣтки"; это строго филологическая критика многихъ словъ изъ труда Миклошича, который подвергается здѣсь детальному разбору. — *Р. Брандта* въ „Р. Ф. В." т. XVIII за 1887 г. стр. 1—41: „Объ этимологическомъ словарѣ Миклошича".—Другая рецензія того же автора: „Дополнительныя замѣчанія къ разбору этимологическаго словаря Миклошича, „Р. Ф. Вѣстн." за 1891 г.—Рецензія *Ѳ. Корша* въ „Arch. f. Slav. Phil." т. IX.

Ant. Matzenauer, Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně, 1870 г. Дополненія и поправки къ труду Миклошича.

---

[1]) Этимологія имѣетъ своею задачей изслѣдованіе происхожденія словъ языка; *этимологическій словарь*—такой словарь, въ которомъ опредѣляется происхожденіе словъ путемъ сопоставленія ихъ съ родственными языками. Въ нашихъ элементарныхъ грамматикахъ издавна (неправильно) этимологіей называется ученіе о формахъ словъ.

Н. В. Горяевъ, Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка, Тифлисъ, 1896 г.

Его же, Дополненія и поправки къ сравнительному этимологическому словарю, Тифлисъ, 1901 г., стр. 1—63.

Его же, Новыя дополненія и поправки, Тифлисъ, 1905 г.

K. Štrekelj, Zur slavischen Lehnwörterkunde. Wien, 1904 г. Изъ „Denkschriften der Kais. Akademie" B. 50.—Это словарь нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ въ славянскихъ языкахъ.

D-r Erich Berneker, Professor an der Universität in Breslau, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, съ 1908 г., вышло 11 выпусковъ.—Привѣтственная замѣтка на этотъ трудъ *А. И. Соболевскаго* въ „Ж. М. Н. Пр." 1911 г. кн. 11, стр. 187—190. Рецензентъ ставитъ этотъ трудъ „много выше труда Миклошича". Объ этомъ трудѣ Berneker'a см. еще рецензіи *Розвадовскаго,* Meillet и *Фасмера* въ „Rocznik Sławistyczny" т. II, III и IV, 1909—1911 г., Kraków.—R. Trautmann, „Götting. Gelehrte Anzeigen", 1911 г., 173, 240—258.—*А.* въ „Фил. Зап." 1911 г. кн. 5 с. 764.

А. Преображенскій, Этимологическій словарь русскаго языка, Москва; выпускъ 1-й въ 1910 г., по настоящее время вышло 10 выпусковъ (буквы А—П). Въ первыхъ 4-хъ выпускахъ Академіей Наукъ удостоенъ половинной преміи имени М. Н. Ахматова.—О словарѣ замѣтки *В. А. Истомина* въ „Р. Ф. В." за 1910 г. № 1; *Е. Ѳ. Карскаго* въ „Р. Ф. В." 1913 г. № 1; *М. О. Когена* въ „Извѣстіяхъ" 1912 г. кн. 4 стр. 398—406 и 1914 г. кн. 2 стр. 292—302; *М. Р. Фасмера* въ „Rocznik Slavistyczny" т. V.

Указатель словъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Цифры при словахъ обозначаютъ страницу книги. Сокращенія: *англ.*—áнглійское слово, *ар.*—арабское, *болг.*—волжскихъ болгаръ, *герм.*—германское, *голл.*—голландское, *гр.*—греческое, *евр.*—еврейское, *ир.*—иранское, *исп.*—испанское, *ит.*—италіанское, *кельт.*—кельтское, *лат.*—латинское, *лит.*—литовское, *мад.*—мадьярское, *нѣм.*—нѣмецкое, *пол.*—польское, *полов.*—половецкое, *рум.*—румынское, *сканд.*—скандинавское, *слав.*—церковно-славянское, *тат.*—татарское, *тур.*—турецкое, *тюрк.*—тюркское, *фин.*—финское, *фр.*—французское.

Отдѣльныя выраженія.

Указатель именъ авторовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Заимствованія новаго времени.

10. „Руно орошенное“ св. Димитрія Ростовскаго. „Отчетъ объ экскурсіи въ Москву“, „Университетскія Извѣстія“ за 1912 г., Кіевъ.

11. Содержаніе чудесъ „Звѣзды Пресвѣтлой“. „Отчетъ объ экскурсіи въ С.-Петербургъ“, „Университетскія Извѣстія“ за 1912 г., Кіевъ.

12. Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ. Варшава, „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1911 г., кн. 3—4.

13. Правильность и чистота русской рѣчи. Замѣтки по стилистикѣ русскаго языка. Воронежъ, „Филологическія Записки“ за 1912 г.

14. Брусиловское церковное братство и его культурно-просвѣтительная дѣятельность. „Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“ за 1913 г., т. IX.

15. Мѣстечко Брусиловъ и его окрестности. Историческій очеркъ. „Радомыслянинъ“ за 1913 г.

16. Исторія брусиловскаго костела и бывшаго при немъ капуцинскаго монастыря. Кіевъ, 1914 г.

17. Брусиловская св. Воскресенская замковая церковь. Историческій очеркъ. „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1914 г. №№ 14—15, и отдѣльно.

18. Брусиловская братская школа. Историческій очеркъ. „Радомыслянинъ“ за 1914 г. и „Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“ за 1913 г. т. IX.

19. Брусиловскій братскій шпиталь. Историческій Очеркъ. „Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“ за 1913 г. т. IX.

20. Село Водотыи, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ. Историческій очеркъ. 1914 г.

21. Вѣковая борьба славянства съ міромъ германскимъ. Кіевъ, 1914 г.

22. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Пособіе по стилистикѣ русской рѣчи. Изд. 3-е, Кіевъ, 1914 г. Цѣна 55 коп.

23. Русское литературное удареніе; Кіевъ, 1914 г., изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

24. Объ удареніи въ географическихъ именахъ. Кіевъ, 1912 г., изд. 2-е. Цѣна 25 коп.

25. Объ удареніи въ собственныхъ именахъ историче-

скихъ лицъ, писателей, дѣятелей и т. п. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

26. Словарь общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, со статьями: 1) исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ; 2) объ удареніи въ иностранныхъ словахъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ и 3) родъ иностранныхъ именъ существительныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

27. Гдѣ писать два *н*, а гдѣ одно. Пособіе для учащихъ и учащихся. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 25 коп.

28. Наглядная таблица для изученія и повторенія придаточныхъ предложеній. Пособіе для изученія и повторенія. Изд. 5-е. Цѣна 6 коп.

29. Наглядная таблица для разстановки знаковъ препинанія. Пособіе для изученія и повторенія. Изданіе 3-е. Цѣна 6 коп.

30 Наглядная таблица для изученія постановки буквы Ѣ. Пособіе для учащихся. Цѣна 6 коп.

31. Наглядная таблица для изученія русской орѳографіи. Пособіе для изученія и повторенія. Цѣна 6 коп.

Всѣ таблицы имѣются и большого формата на веленевой бумагѣ для вывѣшиванія въ классахъ. По 25 коп. каждая.

32. Орѳографическій словарь (около 25.000 словъ). Справочная книжка по русскому языку. Съ обозначеніемъ переноса словъ, удареній, обозначены части рѣчи, родъ, приведены всѣ трудныя формы, при словахъ даны грамматическія примѣчанія, правила, примѣры и проч. Кіевъ, 1914 г., 320 стр. Цѣна 10 коп.

33. Тетрадь для литературнаго разбора и записыванія прочитанныхъ книгъ. Пособіе для домашняго и класснаго чтенія. На обложкѣ указанія, какъ читать книги. Кіевъ, 1915 г. Изд. 2-е. Цѣна 6 коп.

34. Тетрадь для списыванія и разбора стихотвореній и басенъ. На обложкѣ „Правила выразительнаго чтенія“. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 6 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

Кіевъ, Крещатикъ № 33. Телефонъ 7—70.

